ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ.

63.3(253)+63.3(2)45
Н-50
9(57)
Н59

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Павла Небольсина.

01
Библиотека Тобольского
Гос. Музея инв. № 3604
84

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи И. Глазунова и Комп.
—
1849.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		Стран.
Предисловіе		1
Глава I.	Лѣтописи и историческія сочиненія о Сибири	4
Глава II.	За Уралье до царя Ивана-Грознаго	12
Глава III.	Отношенія царя Ивана-Грознаго къ Сибири до Ермака	29
Глава IV.	Связь имени Строгоновыхъ съ Сибирью	43
Глава V.	Ермакъ	65
Глава VI.	Взятіе Сибири	77
Глава VII.	Утрата Сибири	89
Глава VIII.	Покореніе Сибири	101
Глава IX.	Царь Кучумъ	115
Глава X.	Взглядъ на Ермака, какъ на завоевателя	130

Сибирскія лѣтописи 1

ОПЕЧАТКИ.

Страница.	Строка.	Напечатано:	Должно быть:
2	снизу 9	значенія	значеніе
24	— 9	Бронкой	Брацкой (Бурятскій)
31	— 17	въ Обь	черезъ Иртышъ въ Обь
55	—4 и 3	конница	вольница.
65	—4 и 3	повольскими	Повольскими
66	сверху 19	si	se
77	снизу 9	не знали о	не знали
78	сверху 2	казакамъ;	казакамъ
100	сверху 14	Гарберштейна	Герберштейна
105	снизу 17	дичью,	дичью—
—	— 4	какъ бы	какъ бы совсѣмъ
108	сверху 5	перехватили	перехватали
122	сверху 15	пока	что
—	— 31	дамъ	я дамъ
—	— 35	сдѣлаю	я сдѣлаю
128	снизу 10	содержаніе	содержаніе
130	сверху 12	Ю. Венелинъ	N***
—	снизу 5	будетъ	будетъ,
146	сверху 3	собсвенноручной	собственноручной

ПОКОРЕНІЕ СИБИРИ.

«Сія убо Сибирская страна — полуношная; «стоитъ же отъ Россіи царствующаго града «Москвы во многихъ разстояній, яко до трію «тысящь поприщъ суть. Межи сихъ госу- «дарствъ, Россійскаго и Сибирскія страны «земля, — облежитъ Камень, превысочайшій «зѣло, яко досязати вѣрхомъ и холмомъ до «облакъ небесныхъ: тако бо Божіими судьба- «ми устроися, яко стѣнамъ граду утвержде- «нымъ. На семъ же Камени растяху древіе «различное, въ нихъ же жительство имѣютъ «звѣріе различнія, овіи палобни на снѣденіе «человѣкомъ, овіи на украшеніе и на одѣяніе «різное. Многія же и сладкопѣснивыя птицы, «паче же много различные травы и цвѣты. «Изъ сего же Камени рѣки многія истекоша, «овіи падоша къ россійскому царству, овіи же «въ Сибирскую Землю. Дивно убо есть: какими «Божіими судьбами рѣками тамо быть? вода «камень твердъ раскопа — и бысть рѣки, про- «странны и прекрасны зѣло, въ нихъ же воды «сладчайшія и рыбы различныя множество; на «исходищахъ же сихъ рѣкъ дебрь плодовита «на жатву и скотопитательная мѣста простра- «на зѣло.»

Савва Есиповъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

«Не бойся суда — бойся судьи.»

Старая пословица.

Съ нѣкотораго времени, въ публикѣ нашей обнаружилось живое участіе ко всему отечественному: во всѣхъ концахъ Россіи стали съ любовью изучать родную землю и собирать драгоцѣнныя о ней извѣстія.

И Сибирь была не забыта, и про Сибирь вспомнили.

Думали и вѣрили, что эта страна играетъ не послѣднюю роль въ ряду обширныхъ областей нашей имперіи; но въ какой именно степени она дѣйствительно важна для насъ—это не всѣ оцѣняли, да и не многіе думали объ этомъ, хотя всѣ чувствовали, что именно черезъ Сибирь—Россія могла бы быть главою Азіи.

Двѣсти-пятьдесятъ лѣтъ протекло съ-тѣхъ-поръ, какъ мы твердо укрѣпили въ Сибири свое владычество, и все-еще Сибирь, для очень-многихъ изъ насъ — та же terra incognita, какою она была и сто лѣтъ назадъ.

Русскому человѣку какъ-то неловко становится, когда онъ слышитъ вокругъ себя громкіе разсказы о разныхъ чужеземныхъ герояхъ, покорявшихъ невѣдомыя дотолѣ страны, о героѣ Кортесѣ, покорителѣ Мехики, о богатырѣ Пизарро, завоевателѣ Перу, о Джемсѣ Брукѣ, саравакскомъ раджѣ, чудномъ человѣкѣ нашего времени — слышитъ новый эпитетъ: «the civiliser», придаваемый богатой Англіи... Русскій человѣкъ знаетъ, что и наша Русь — не менѣе Англіи, можетъ имѣть притязанія на титулъ «просвѣтительницы», что и у насъ тоже были и свои Кортесы, и свои Пизарры, и свои Бруки; знаетъ, что ужъ если дѣло пойдетъ на счеты — мы хоть бы кому такъ не уступимъ.

Правда, это-то русскій человѣкъ знаетъ; но спросите-ка у него, кто такой былъ Дежневъ? что̀ именно сдѣлалъ Хабаровъ? — подробности ихъ подвиговъ неизвѣстны. Многіе изъ насъ основательно будутъ говорить о взятіи Кохогуакана, Ицтапалапана, о заселеніи острововъ Натуна, о подвигахъ Французовъ въ Алжирѣ, объ особенностяхъ природы въ Новой-Зеландіи... но какія обстоятельства сопровождали покореніе при-амурскихъ странъ, какія теперь есть у насъ колоніи въ Киргизской-Степи — многіе ли это у насъ знаютъ?.. У насъ нѣтъ даже справедливыхъ сказаній о томъ, какъ Ермакъ покорилъ Сибирь!

Плоды трудовъ и ученыхъ подвиговъ, касательно изученія Сибири, русскихъ людей, знаменитыхъ въ ученомъ мірѣ, возбудили и въ насъ желаніе передать публикѣ тѣ свѣдѣнія, которыя мы сами пріобрѣли, тоже о Сибири, но передать ихъ именно въ такомъ видѣ, въ какомъ бы они могли быть общепонятны и любопытны для каждаго, не спеціально-ученаго, а обыкновенно-образованнаго человѣка, чувствующаго потребность ознакомиться лучше хоть съ дальнею, но родною землею, чѣмъ съ сосѣднею — но съ чужою, съ которою у насъ нѣтъ и быть не можетъ никакихъ кровныхъ узъ, никакихъ общихъ интересовъ, ни народнаго сочувствія.

Въ этихъ видахъ мы имѣемъ цѣль составить нѣсколько историко-статистическихъ описаній разныхъ частей Сибири, передать нѣсколько извѣстій о родныхъ нашихъ герояхъ-покорителяхъ дальняго сѣверо-востока, представить настоящее положеніе этого края и, наконецъ, объяснить дѣйствительное значеніе и будущія надежды Сибири.

Но прежде, чѣмъ приступимъ къ изложенію подробностей настоящаго, мы должны пояснить себѣ нѣкоторыя недоразумѣнія, которыя съ перваго же взгляда бросаются въ глаза, лишь только мы составимъ себѣ идею о Сибири.

Здѣсь представляются слѣдующіе, самые естественные вопросы:

Что̀ за страна была Сибирь въ то время, когда Ермакъ покорилъ ее?

Стоитъ ли Ермакъ той памяти и славы, которыми окружаетъ его потомство за то только, что онъ покорилъ страну, которая, и безъ

него, была уже данницею Россіи—какъ это доказываетъ одинъ нашъ ученый мужъ?

Точно ли покорилъ ее Ермакъ, и не исхитилъ ли этотъ человѣкъ славу завоеванія Сибири изъ рукъ Строгоновыхъ, которымъ однимъ принадлежитъ весь этотъ подвигъ—какъ это доказываетъ другой нашъ ученый мужъ?

Было ли покореніе Сибири дѣломъ, подготовленнымъ разными обстоятельствами, давними и незначительными по виду, или покореніе это было печальное, вовсе нежданно, было дѣломъ одного только случая — какъ объ этомъ выразился не совсѣмъ-ясно третій нашъ ученый мужъ?

Что знало наше правительство до Ермака объ этой громадной странѣ, у которой Ермакъ зацѣпилъ только небольшой клочокъ земли?

Съ которыхъ поръ правительство наше пріобрѣло полное право назвать всю Сибирь своею?

Кто таковъ былъ этотъ Ермакъ? дѣйствительно ли существовало въ мірѣ лицо съ такимъ сомнительнымъ и вовсе не-христіанскимъ именемъ? Или это миѳъ, порожденный пустыми сказками, передающими намъ дѣйствительно-баснословные подвиги героя, носившаго это имя?

Если это не миѳъ, то какое мы должны вывести заключеніе о личности этого человѣка?

Какимъ, наконецъ, образомъ русское народонаселеніе Сибири, изъ ничтожной горсти казаковъ и служилыхъ людей, въ два съ половиною столѣтія разрослось до того, что теперь въ ней разбросаны милліоны народа, который говоритъ языкомъ русскимъ, понимаетъ умомъ русскимъ, чувствуетъ сердцемъ русскимъ?

Безъ всякаго сомнѣнія, полное и удовлетворительное разрѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ и согласованіе разнорѣчивыхъ сказаній лежитъ на обязанности будущаго историка, историка по призванію и вмѣстѣ съ тѣмъ ученаго ex professo. Но такъ какъ *мы* коснулись этихъ вопросовъ, то намъ и неловко уже обойдти ихъ и, по силѣ, по возможности, не разъяснить ихъ хотя вкратцѣ, но такъ, чтобъ, по-крайней-мѣрѣ, главныя событія были понятны каждому и ученому и неученому, были доступны оцѣнкѣ каждаго и ни въ комъ не внушали къ себѣ подозрительнаго сомнѣнія: точно ли это дѣло разсказано такъ, какъ оно было, и не противорѣчитъ ли оно такимъ документамъ и источникамъ, достовѣрность которыхъ сознана твердо.

Попытка наша въ разъясненіи этихъ вопросовъ—вопросовъ, составляющихъ пробѣлъ въ нашей исторіи, вопросовъ, которые до сихъ-поръ, какъ намъ кажется, были «мутной водой во облацѣхъ» — будетъ составлять содержаніе предлежащаго труда, которому мы признали за необходимое придать самую простую форму разсказовъ, такимъ-образомъ, чтобъ каждая отдѣльная глава составляла отдѣльный разсказъ, а не сухое ученое изслѣдованіе, потому-что здѣсь мы не пускаемся ни въ какія учености, а тѣмъ паче въ отвлеченности. Ученыя тонкости не по насъ: мы просимъ позволенія бесѣдовать просто,

безъ претензій, безъ излишнихъ умствованій и съ подобающимъ уваженіемъ къ истинѣ.

Изъяснивъ такимъ образомъ причины, побудившія насъ къ этому труду, и способъ, придуманный нами для ознакомленія нашихъ читателей съ избраннымъ нами предметомъ, считаемъ себя въ необходимости убѣжденія и доводы свои подкрѣпить какъ подлинными граматами, помѣщенными въ текстѣ, такъ и иными приложеніями, которыми трудъ нашъ будетъ заключенъ, на тотъ конецъ, чтобъ истина историческая не страдала, и чтобъ читатель не обвинялъ насъ въ самовольномъ ея искаженіи.

Тѣхъ, которые неохотно предаются чтенію старинныхъ бумагъ, изъ предубѣжденія къ ихъ незанимательности и сухости, смѣемъ завѣрить, что документы, на которые мы указываемъ, чрезвычайно-интересны и по языку, и по содержанію: въ нихъ такъ и выливается все прошедшее, такъ и высказывается эпоха; надѣемся, что они не надоѣдятъ читателю.

Льстимъ себя надеждою, что трудъ нашъ обратитъ, можетъ-быть, на себя вниманіе любителей отечественной исторіи; желали бы мы вниманія милостиваго, но тѣмъ не менѣе ждемъ и немилостиваго; вѣдь на всѣхъ не угодишь!

И такъ, благословясь, приступимъ къ дѣлу.

ГЛАВА I-Я.

Сибирскія лѣтописцы и историки.

Ученое мнѣніе о покореніи Сибири.—Общенародное мнѣніе о покореніи Сибири. — Архіепископъ Кипріанъ. — «Неизвѣстная Рукопись». — Лѣтопись «о Сибири». — Лѣтопись Саввы Есипова. — Строгоновская Лѣтопись. — «Новый Лѣтописецъ». — «Тобольскій Лѣтописецъ», Ремезова. — Гер. Фр. Миллеръ. — Н. М. Карамзинъ.

«Когда въ исторіяхъ другихъ государствъ «разсмотримъ изобрѣтеніе, взятіе и наполненіе «народомъ чужихъ и незнаемыхъ земель, и съ «тѣмъ въ сравненіе приведемъ то, что съ сто«роны россійской въ Сибири учинено: то при«мѣчается здѣсь предъ всѣми прочими госу«дарствами столько особливаго и чудеснаго, «что не скоро найдется сему подобныхъ при«мѣровъ, и потомки наши едва могли бы сему «повѣрить, ежели бы не все, что въ слѣдую«щей исторіи о томъ объявлено будетъ, на ло«стовѣрнѣйшихъ и по большей части на не«опровергаемыхъ доказательствахъ утвержда«лось.»

Герардъ Фридрикъ Миллеръ.

Насъ, вѣроятно точно такъ же, какъ и васъ, благосклонный читатель, въ малолѣтствѣ учили, что Сибирь покорилъ Ермакъ, и покорилъ ее вотъ какимъ образомъ.

Жили-были на свѣтѣ «именитые люди», почти-что бояре, Строгановы. Жили они близко Сибири и задумали покорить Сибирь. Приглядели они къ себѣ Ермака, положили ему жалованье, напяли казаковъ, дали имъ пушки, придали къ этой рати собственныхъ своихъ людей и послали ихъ въ Сибирь: «ступайте», сказали они, «покорите намъ Сибирь!»

Ермакъ пошелъ — взялъ да и покорилъ Сибирь.

Мы этому и повѣрили.

Прошли ребяческіе годы; хотѣлось узнать: какъ же это Ермакъ покорилъ Сибирь?

«А вотъ какъ» отвѣчали намъ на этотъ вопросъ: «три купца и бѣглый атаманъ волжскихъ разбойниковъ дерзнули, безъ царскаго повелѣнія, именемъ Іоанна завоевать Сибирь и уступили ее государству»... Замѣтьте это тонкое выраженіе: *уступили* Сибирь правительству!!! — И затѣмъ наши разскащики стали продолжать карамзинскія повѣствованія съ витіеватыми украшеніями того же, чему насъ учили и въ малолѣтствѣ.

Мы опять ничего не узнали и никакъ не могли сообразить: какимъ же образомъ Ермакъ и небольшая ватага другихъ наемныхъ удальцовъ попали въ Сибирь, разбили цѣлое царство, котораго жители мало, какъ видно, оказывали имъ сопротивленія, и обратили огромную страну не въ отчину своихъ господъ и хозяевъ, а въ русскую провинцію. Были и другіе вопросы... но разрѣшеніе ихъ мы, при усвоенныхъ уже идеяхъ и взглядѣ на это дѣло, никакъ не могли согласить съ дѣйствительностью.

Наконецъ, судьба привела насъ самихъ въ Сибирь. Видѣли мы Тоболъ, видѣли Иртышъ, гуляли по великой рѣкѣ Оби, плавали и по Енисею, и по Ангарѣ, сами живали въ лѣсахъ, по недѣлямъ питались едва не одними сухарями, потерлись между простымъ народомъ, прислушались къ его разсказамъ о Ермакѣ, ознакомились съ его духомъ, и ощупью дошли, кажется, до возможности понять, наконецъ, ермаковы походы, отвыкнувъ мѣрять все на петербургскую мѣрку и смотрѣть на всѣ происшествія глазами столичнаго жителя половины XIX столѣтія.

И уже послѣ всего этого мы принялись за изученіе сибирскихъ лѣтописей и тѣхъ историковъ, которые, прямо или косвенно, выразили свои мысли о покореніи Сибири.

Съ ихъ-то характеромъ и направленіемъ мы и хотимъ теперь познакомить читателей.

Первыя свѣдѣнія о походѣ Ермака собраны были сибирскимъ архіепископомъ Кипріяномъ, жившимъ въ Тобольскѣ съ 1621 года до 15 февраля 1624 года; подлинныхъ его замѣтокъ мы не имѣемъ.

Изъ извѣстныхъ намъ рукописей первое мѣсто занимаетъ «Неизвѣстная Рукопись», внесенная въ такъ-называемый «Новый Лѣтописецъ». Тотъ списокъ, которымъ мы пользовались (въ каталогѣ лѣтописей Румянцовскаго Музеума подъ № 259) самъ по себѣ принадлежитъ началу нынѣшняго столѣтія; но оригиналъ его, по духу помѣ-

щенныхъ въ немъ извѣстій, принадлежитъ не ранѣе, какъ или къ концу первой или къ началу второй четверти XVII столѣтія. Мы его будемъ называть просто «Неизвѣстною Рукописью».

Рукопись эта служила первообразомъ къ составленію другой лѣтописи, изданной въ 1821 году Г. И. Спасскимъ подъ названіемъ «Лѣтопись Сибирская»; авторъ ея неизвѣстенъ, но онъ только округлялъ періоды лѣтописи, поименованной выше, приправлялъ свое твореніе риторическими украшеніями и старался быть вѣренъ тому духу, которымъ проникнутъ его первообразъ. Гдѣ эта рукопись находится, въ какомъ мѣстѣ она открыта — неизвѣстно: первый издатель ея, Г. И. Спасскій, на VIII страницѣ своего къ ней предисловія говоритъ только, что она ему досталась случайно. Н. М. Карамзинъ, принявшій ее въ неопровергаемое основаніе своихъ повѣствованій, тоже рѣшительно ничего не говоритъ, гдѣ онъ ее открылъ: въ публичныхъ ли музеяхъ, или въ частныхъ домашнихъ архивахъ нашихъ вельможъ.

Третья лѣтопись «О Сибири», по описываемымъ въ ней событіямъ и по ссылкѣ въ одномъ мѣстѣ, какъ кажется, на «Неизвѣстную Рукопись», относится, такъ же какъ и она, къ началу второй четверти XVII столѣтія. Въ ней не достаетъ конца, который утраченъ; помѣщена же она въ «Историческомъ Сборникѣ», скорописи тоже XVII вѣка, и хранится въ Румянцовскомъ Музеумѣ (подъ № 379 каталога).

Эта лѣтопись служила первообразомъ къ составленію другой лѣтописи, изданной Г. И. Спасскимъ въ 1823 году. Мы пользовались болѣе-исправнымъ ея спискомъ, помѣщеннымъ «въ гранографѣ», то-есть, хронографѣ, писанномъ полууставомъ разныхъ почерковъ конца XVII столѣтія, и хранящемся въ Румянцовскомъ Музеумѣ (подъ 457 № въ каталогѣ). Эта лѣтопись, извѣстная подъ названіемъ «Есиповской», есть не что иное, какъ риторическое распространеніе предъидущей краткой лѣтописи «О Сибири»; на ней выставленъ 1636 годъ.

Объ этихъ двухъ изданныхъ г. Спасскимъ рукописяхъ, рѣзко одна другой противорѣчащихъ въ существенныхъ основаніяхъ—если можно такъ выразиться—«сибирскаго вопроса», мы распространимся далѣе; а теперь будемъ говорить объ остальныхъ извѣстныхъ намъ лѣтописяхъ.

Въ «Новомъ Лѣтописцѣ» скорописи XVIII вѣка (въ Каталогѣ Рукописей Румянцовскаго Музеума подъ № 258) помѣщено шесть главъ о Сибири: «о взятіи Сибири», о «убіеніи Ермака и о помѣтѣ Сибири» и проч. По времени составленія, лѣтопись эта принадлежитъ второй половинѣ XVII столѣтія и содержитъ въ себѣ краткій, довольно-вѣрный разсказъ о Ермакѣ; но въ одномъ мѣстѣ она противорѣчитъ сама себѣ, а въ другомъ—хронологіи. Лѣтопись эта не составляетъ важнаго пособія при изученіи сибирской исторіи и указаніе ея противорѣчій читатель найдетъ въ составленномъ нами «сводѣ лѣтописей».

Наконецъ, послѣдняя изъ извѣстныхъ намъ лѣтописей есть «Тобольскій Лѣтописецъ», или «Ремезовская Лѣтопись». Авторъ ея, тобольскій болярскій сынъ, Семенъ Емельяновичъ Ремезовъ, составилъ ее во времена Петра-Великаго, въ концѣ XVII вѣка (1697—1699), по трудъ

его, совершенно лишенный всякаго критическаго взгляда, почтенъ только потому, что онъ *трудъ*, а въ исторіи покоренія Сибири онъ ничего не объясняетъ. Его и Карамзинъ отвергаетъ, признавая его сказанія невѣрными (И. Г. Р. Т. IX. Пр. 644); однакожь не всякое же его положеніе должно быть признано ложнымъ: у него есть мѣста, гдѣ онъ ставитъ зрителя въ необходимость смотрѣть на предметъ съ иной точки.

Теперь обратимся къ двумъ главнѣйшимъ источникамъ сибирской исторіи — къ изданнымъ г. Спасскимъ «Сибирской Лѣтописи» Саввы Есипова и «Сибирской Лѣтописи» безъименнаго автора.

Обѣ эти лѣтописи во многомъ, особенно во второстепенныхъ происшествіяхъ, между собою согласны, но во всемъ, что̀ касается до существенныхъ вопросовъ, онѣ рѣшительно противорѣчатъ другъ другу.

Мы старались разобрать эти противорѣчія, сравнивали ихъ между собою, сличали ихъ съ подлинными словами царскихъ грамматъ, примѣняли ихъ къ мѣстнымъ обстоятельствамъ, и нашли, что причиной этихъ противорѣчій была неодинаковость началъ или духа, которымъ составители лѣтописей были проникнуты.

По нашимъ личнымъ соображеніямъ и убѣжденію, оказывается слѣдующее:

Лѣтопись Есипова, не смотря на реторику и фразёрство — кратчайшая. Она излагаетъ происшествія просто, внятно, безъ претензій на ученость, безъ особенныхъ увлеченій въ чью либо личную пользу: она заключаетъ въ себѣ обстоятельства, которыя служили поводомъ къ ея осуществленію, именуетъ автора, указываетъ время составленія и не скрываетъ, что лѣтописецъ «распространилъ тотъ подлинникъ, которымъ онъ самъ руководствовался и гдѣ прежній авторъ стѣснялся въ рѣчахъ». Изъ этого слѣдуетъ заключить, что Есиповъ худо ли, хорошо ли — но дѣйствовалъ не безъ критики и описываемыя имъ происшествія соображалъ съ хронологическимъ ихъ порядкомъ и съ мѣстными обстоятельствами. Здѣсь про Строгоновыхъ, пермскихъ купцовъ, ничего особеннаго не говорится, и на первомъ планѣ стоитъ одинъ только «опый велемудрый риторъ Ермакъ» съ своими людьми. Есиновъ выкинулъ даже изъ первообраза своей «Лѣтописи» ссылку на другую лѣтопись: «иніи же повѣдаютъ лѣтописцы, яко призваша ихъ (Ермака съ товарищи) съ Волги Строгоновы и даша имъ имѣнія и одежды добрыя и оружія — пищали и пушки полковыя и своихъ людей дана имъ Литвы и Нѣмецъ триста человѣкъ». Есиповъ понималъ, что здѣсь каждое слово — вещь невозможная, и потому просто пишетъ, что Ермакъ съ товарищами самъ пришелъ съ Волги въ Сибирь.

Другая лѣтопись неизвѣстнаго автора. Она повторяетъ многое, что̀ есть у Есипова, но еще болѣе, чѣмъ есиповская лѣтопись, округляетъ періоды, увеличиваетъ ихъ объемъ вставочными предложеніями и всюду блеститъ цвѣтами краснорѣчія, употребляя обороты и выраженія, которые обличаютъ составленіе ея въ позднѣйшее время, чѣмъ лѣтопись Есипова, не говоря уже про промахи противъ грамматики славяно-церковнаго языка, подъ который составитель лѣтописи очень ста-

рался поддѣлаться. Всѣ эти обстоятельства заставляютъ не давать ей той вѣры, которую внушаетъ къ себѣ лѣтопись Есипова, а кой-какія особенности усугубляютъ это недовѣріе и возлагаютъ обязанность подвергнуть ее строгой критикѣ. Занявшись съ самаго начала ознакомленіемъ читателя съ важностью значенія именитыхъ пермскихъ солеваровъ въ государственномъ быту задолго до появленія Ермака на сценѣ, лѣтопись неизвѣстнаго автора выпускаетъ изъ царскихъ грамматъ всѣ тѣ выраженія, которыя могутъ навести на слѣдъ къ правдѣ и всѣми силами старается выставить ермаковыхъ казаковъ существами, непохожими на обыкновенныхъ людей этого разряда: ея казаки не воры (въ тогдашнемъ значеніи этого слова), а сладенькіе витязи, всегда готовые плакать отъ умиленія; они не обыкновенные смертные, которыхъ непріятель можетъ при случаѣ разбить въ битвѣ и одолѣть силою, а почти всюду побѣдоносные герои; авторъ такъ и хлопочетъ, чтобъ отстранить какую-нибудь нелепикатность со стороны покорителей и каждому поступку ихъ придать видъ самаго строгаго приличія, хотя бы для этого нужно было перепачить событія.

Подобнаго рода пристрастія повели за собой и другаго рода ошибки: авторъ выводитъ событія, неподтверждаемыя никакими оффиціальными актами, и прибавляетъ, гдѣ только возможно, то, что можетъ дать ложный блескъ имени Строгоновыхъ, нуждающихся въ подкупной славѣ и столѣтіями стяжавшихъ себѣ честь, почетъ и знаменитость немерцаемую. У насъ имя Строгоновыхъ—имя народное, а авторъ неизвѣстной лѣтописи, кажется, вовсе не понималъ, что его кажденіе, туманя вѣтви облаками дыма, въ основаніи своемъ — язвитъ корень и навлекаетъ на правдивыхъ родоначальниковъ фамиліи подозрѣніе, котораго они не заслуживали. Вѣроятно, это постоянное желаніе принести къ подвигу Ермака имя Строгоновыхъ и было причиною, что лѣтопись неизвѣстнаго автора и даже неизвѣстнаго времени пріобрѣла извѣстность подъ именемъ «Строгановской», утвержденной за нею и Карамзинымъ. Прозваніе это мы охотно при ней оставляемъ.

Карамзинъ, въ 670 примѣчаніи къ IX тому своей «Исторіи» и есиповскую и строгоновскую лѣтописи объ называетъ «древнѣйшими и достовѣрными»; въ 664 примѣчаніи къ тому же тому, онъ безусловно объясняетъ, что слѣдуетъ «Строгоновской Лѣтописи», а почему онъ именно ей слѣдуетъ — этого онъ не заблагоразсудилъ открыть намъ, а въ 644 примѣчаніи къ IX же тому строгоновскую лѣтопись онъ называетъ «достовѣрнѣйшею всѣхъ иныхъ и «сочиненною *вѣроятно около 1600 года*». Эти слова не заслуживаютъ никакого вѣроятія уже потому, что строгановская лѣтопись въ самомъ началѣ говоритъ о сибирской «архіепископіи», тогда-какъ первая архіепископія учреждена тамъ не ранѣе 1621 года, а въ самомъ концѣ говоритъ о строеніи городовъ и церквей, объ очищеніи «всея сибирскія земли», о проповѣди евангельской во всѣхъ концахъ Сибири и о распространеніи христіанства между инородцами, что и заставляетъ насъ относить эту лѣтопись по-крайней-мѣрѣ ко второй половинѣ XVII столѣтія; можетъ-быть даже, она и еще позже составлена.

Слова Карамзина увлекли и другихъ писателей, необращавшихъ уже вниманія на лѣтопись Есипова и вѣрившихъ строгановской лѣтописи на-слово, безъ всякаго соображенія ея сказаній ни съ обстоятельствами тогдашняго времени, ни съ прямымъ смысломъ выраженій царскихъ грамматъ и другихъ оффиціальныхъ документовъ. Хотя же одинъ изъ позднѣйшихъ писателей и увѣряетъ, на словахъ, что онъ имѣлъ случай провѣрить съ ними строгановскую лѣтопись и убѣлиться въ ея достовѣрности, однакожъ... можетъ-быть, онъ въ этомъ самъ и убѣдился, да насъ-то въ этомъ ничѣмъ не убѣдилъ, тѣмъ болѣе, что самъ же онъ призналъ достовѣрность свѣдѣній лѣтописи Есипова.

Конечно, Карамзинъ такой авторитетъ еще для очень-многихъ, для которыхъ каждое его слово—законъ, что они готовы возопіять и жестоко истерзать всякаго невѣрующаго въ него слѣпо: напрасно! Мы знаемъ, что не отдавать должной справедливости, не умѣть цѣнить трудовъ знаменитаго исторіографа—было бы нелѣпо и слишкомъ-невѣжественно, а сомнѣваться въ словахъ Карамзина и стараться избавиться отъ этихъ сомнѣній... тутъ слава Карамзина нисколько не страждетъ, и памятникъ его навсегда останется выраженіемъ общаго къ нему уваженія. Но, полагая, что и Карамзинъ, обезсмертившій себя своими славными трудами на поприщѣ отечественной словесности и исторіи — все-таки былъ человѣкъ, все-таки могъ ошибаться, а если не ошибался съ намѣреніемъ, то могъ неумышленно смотрѣть на разные предметы съ своей точки зрѣнія, — мы и сами хотимъ смотрѣть на избранный нами предметъ съ той точки, которая намъ кажется настоящею; а ссылаясь на тѣ же источники, которые были въ виду Карамзина, мы этимъ самымъ признаёмъ и ту еще его заслугу, что онъ всѣхъ насъ заохотилъ къ изученію отечественной исторіи, частію совокупилъ воедино, но еще болѣе указалъ на самыя драгоцѣнныя свѣдѣнія и всѣмъ намъ далъ возможность, опираясь на его же труды, писать вопреки тому, что онъ самъ написалъ.

Тѣмъ же самымъ уваженіемъ, которое мы питаемъ къ трудамъ Карамзина, проникнуты мы къ трудамъ и другихъ историковъ, съ которыми мы, однакожъ, не можемъ согласиться безусловно, но которыхъ извѣстность заставитъ насъ не упускать изъ вида нѣкоторыхъ ихъ выводовъ и положеній.

Отъ лѣтописцевъ перейдемъ къ историкамъ. Изъ нихъ поименуемъ только «исторіографовъ» Миллера и Карамзина, а о «вся по стопамъ его ходящій» признаемъ за благо—пройдти молчаніемъ.

Миллеръ, такъ справедливо признанный отцомъ сибирской исторіи, заслуживаетъ полной признательности за предпринятый имъ громадный трудъ. Онъ одинъ только вполнѣ списывалъ царскія грамматы. Онъ вполнѣ обладалъ критическимъ талантомъ и готовъ былъ распутать гордіевъ узелъ въ сибирской исторіи, но, къ-несчастію, боярскій сынъ Ремезовъ, харезмскій или хивинскій ханъ Абульгазы и амстердамскій бургомистръ Николай Витзенъ, еще болѣе сбили его съ толку и Миллеръ даже не разсѣкъ своего узла, указавъ, однакоже, другимъ, позднѣйшимъ писателямъ на концы, которые про-

же всего надобно изъ этого узла вытянуть. Надобно, однакожь, сказать, что Миллеру вовсе, кажется, не были извѣстны, по-крайней-мѣрѣ не казались ему принципными, ни строгоновская, ни есиповская лѣтописи и хотя въ сочиненіи своемъ онъ неоднократно говоритъ «про простыхъ лѣтописцевъ» и приводитъ обстоятельства, которыя могли быть ему извѣстны только изъ этихъ двухъ источниковъ, или изъ ихъ первообразовъ, однако мы никакъ не можемъ хорошенько понять, кого именно онъ разумѣлъ подъ этимъ выраженіемъ: знаемъ только навѣрное, что въ его рукахъ былъ «Новый Лѣтописецъ», котораго онъ называетъ «Лѣтописью о Мятежахъ». Кромѣ этого, вторая, главнѣйшая заслуга Миллера состоитъ во множествѣ собранныхъ имъ и изданныхъ въ свѣтъ оффиціальныхъ документовъ и царскихъ грамматъ, указовъ, наказовъ, памятей, росписей и другихъ актовъ, совершенно объясняющихъ бытъ сибирскаго народонаселенія въ описываемое имъ время.

Что касается до Карамзина, то при всей огромности уваженія нашего къ его обширнымъ трудамъ и заслугамъ, мы должны, однакожь, сказать, что Карамзинъ не съ надлежащей точки смотрѣлъ на исторію Сибири, а спеціальная статья его «Первое Завоеваніе Сибири» — есть только компиляція лѣтописей Есипова, Ремезова и строгоновской. Это бы еще и ничего: въ громадѣ твореній Карамзина этотъ грѣхъ выкупленъ безчисленнымъ множествомъ другихъ красотъ великихъ трудовъ его: но досаднѣе всего, единственно отъ уваженія къ труду его, то, что, цитируя царскія грамматы къ Строгоновымъ, онъ, въ полнотѣ убѣжденія, почелъ незаслуживающими вниманія нѣкоторыя довольно-важныя фразы и исключилъ ихъ изъ текста, обозначивъ вышущенныя мѣста одними точками: изъ однѣхъ точекъ, конечно, нельзя узнать, въ чемъ тутъ дѣло; но въ нихъ-то, можетъ-быть, и заключается разр[illegible] задачи?

Чтобъ совершенно отстранить отъ себя малѣйшую тѣнь подозрѣнія въ произвольномъ толкованіи лѣтописей или царскихъ указовъ, мы рѣшились составить «Сводъ Сибирскихъ Лѣтописей», которыя выше поименовали и которыми имѣли случай пользоваться. Есиповскую лѣтопись, подобно какъ и другія, мы напечатали по спискамъ, самими нами прочтеннымъ, дополнивъ первую въ примѣчаніяхъ сближеніемъ текстовъ нашего и изданнаго г. Спасскимъ. Въ «Сводъ» этотъ мы не помѣстили «Строгоновской Лѣтописи» во всей ея полнотѣ, потому-что подлиннаго ея списка мы сами не видали, а новое изданіе текста 1821 года составляетъ авторскую собственность Г. Ф. Спасскаго, на которую мы не имѣя никакого права. Ремезовская лѣтопись также не вошла въ «Сводъ», но въ замѣнъ ея мы помѣстили главнѣйшіе выводы г. Миллера, руководствовавшагося, какъ мы уже замѣтили, преимущественно тобольскимъ лѣтописцемъ. Надѣемся, что безпристрастный и просвѣщенный читатель согласится съ нами въ необходимости подобнаго «Свода» и провѣритъ съ нимъ собственные наши выводы и положенія. «Человѣкъ бо есмь»: можетъ-быть, наши ошибки еще грубѣе тѣхъ, на которыя мы сами указываемъ.

Что касается до царскихъ грамматъ, то мы непремѣнною обязанностью считаемъ размѣстить ихъ въ надлежащемъ мѣстѣ цѣликомъ почти всѣ, особенно тѣ изъ нихъ, которыя посланы были къ Строгоновымъ отъ Ивана-Грознаго и которыя разрѣшатъ намъ вопросъ: виноваты ли Строгоновы въ преступленіи передъ государемъ? Но чтобъ не затруднить чтеніемъ подлинныхъ грамматъ тѣхъ читателей, которые будутъ нерасположены слѣдить въ нихъ строка за строкой, мы печатаемъ курсивомъ существенныя въ грамматахъ выраженія, на которыя и просимъ обратить преимущественное вниманіе.

Объяснившись такимъ образомъ на-счетъ главнѣйшихъ источниковъ, мы, по крайнему убѣжденію и по причинамъ, объясненнымъ выше, почитаемъ за справедливое слѣдовать преимущественно лѣтописи Есипова, не отвергая, однакожь, вовсе и строгоновской или другихъ, но пользуясь только ими съ крайнею осторожностью.

Обстоятельства, подкрѣпляющія нашу вѣру въ первую, состоятъ въ слѣдующей къ ней приписки, которую мы извлекаемъ изъ 644 Примѣчанія къ IX тому «Исторіи Государства Россійскаго», Карамзина:

«О исправленіи лѣтописи сія.

«Въ лѣто 7.129 (1.621) поставленъ и посвященъ бысть въ Сибирь, «въ Тоболескъ, во архіепископы Кипріанъ, бывый Хутынскаго Мона«стыря архимандритъ, и во второе лѣто архипастырства своего воспо«мяну атамана Ермака Тимофѣева Повольскаго; и онъ, добрый пастырь, «повелѣ спросити ермаковыхъ казаковъ: како они пріидоша въ Сибир«ское Царство и гдѣ у нихъ съ погаными были бои и кого у нихъ «поганіи убили. Казаки же принесоша ему списки, како они пріидоша «въ Сибирь и о болхъ.

«Сія лѣтопись о Сибирскомъ Царствѣ въ Тобольску градѣ (вѣроят«но, пропущены слова: окончена писаніемъ) въ лѣто 7.145 сентября «въ 5 день (1.636).

«Слогатай человѣкъ грѣшенъ: имя его (изображено числительными «буквами, по разложеніи которыхъ выходитъ) Савва Есиповъ.

«Иное же писахъ *съ писаній прежняго*, списавшаго нѣчто, *и стьсня«ма рѣчью*, азъ же распространихъ,—иное же очима своима видяше».

Вѣроятно, объ этой-то лѣтописи свидѣтельствуетъ одинъ изъ извѣстнѣйшихъ нашихъ историковъ, что Кипріану «потомство обязано *достовѣрными* свѣдѣніями о первомъ завоеваніи Сибири». «Кипріанъ» говоритъ онъ: «зналъ сподвижниковъ Ермака и составилъ изъ ихъ ска«заній любопытную лѣтопись».

Наконецъ, болѣе-строгая оцѣнка событій, составляющихъ основу и той и другой лѣтописи и писателей, наиболѣе-касавшихся этого предмета, будетъ заключаться въ самомъ изложеніи обстоятельствъ покоренія Сибири.

Повергаемъ на судъ просвѣщеннаго читателя нехитрыя наши изслѣдованія: не смѣемъ считать ихъ безошибочными, но чтобъ и другихъ не ввести въ ошибки, прилагаемъ на лицо всѣ данныя, которыми мы сами пользовались, и ждемъ правосуднаго приговора.

ГЛАВА II-Я.

Зауралье до царя Ивана-Грознаго.

Мнѣніе старинныхъ ученыхъ о Зауральи. — Положеніе Югры, Обдоріи, Сибири. — Походъ Курбскаго при Иванѣ III въ Югру. — Нѣсколько словъ объ Обдорахъ и Удорахъ, объ Югрѣ и о Лянинѣ-городкѣ. — Царскіе титулы до Грознаго. — Тюмени.

«Въ исходѣ XV столѣтія знамена Москвы
«уже развивались на снѣжномъ хребтѣ Камен-
«наго Пояса или древнихъ горъ Рипейскихъ и
«воеводы Іоанна III возгласили его великое имя
«на берегахъ Тавды, Иртыша и Оби, въ пяти
«тысячахъ верстахъ отъ нашей столицы. Уже
«сей монархъ именовался въ своемъ титулѣ
«Югорскимъ», слышъ его «Обдорскимъ» и «Кон-
«динскимъ», а внукъ «Сибирскимъ», обложивъ
«данію сію Могольскую или Татарскую дер-
«жаву».

Н. М. Карамзинъ.

Составленіе древней карты части зауральскаго края принадлежитъ прибывшему, въ 1517 году, въ Москву посломъ отъ императора Максимиліана, при государѣ царѣ Василіѣ Ивановичѣ, барону Сигизмунду Герберштейну. Изъ карты этой, составленной въ 1549 году (1), видно, что ученые мужи тогдашняго времени имѣли о прилежащихъ къ Уралу странахъ слѣдующее мнѣніе:

Зауралье отдѣляется отъ Московіи хребтомъ горъ, извѣстнымъ подъ названіемъ «Земнаго-Пояса» (montes, dictae cingulus terrae, Poiassa), то есть Уральскимъ-Хребтомъ. Изъ западныхъ отклоновъ этихъ горъ вытекаетъ рѣка Печора (Petzora), въ которую, съ правой стороны ея теченія, впадаютъ вытекающія изъ тѣхъ же горъ рѣки—Артавиша (Artawischa), Щугоръ (Sczughora) и Уса (Ussa). Первая намъ неизвѣстна, но двѣ послѣднія дѣйствительно и доселѣ такъ называются. На югозападъ отъ Печоры лежитъ «Двинская провинція». Между вершинами рѣкъ Печоры, Пянеги и Юга—къ югу оттуда лежитъ провинція «Пермь». Къ югу отъ Перми, между Пермью и Казанью, обитаютъ Черемисы.

По ту сторону «Земнаго-Пояса», гдѣ-то далеко, лежитъ великое «Китай-Озеро» (Kithay-lacus), изъ котораго вытекаетъ огромная рѣка Обь (Oby). Въ Обь, съ лѣвой стороны, впадаетъ рѣка Сосва (Sossa), при устьѣ которой стоитъ «Обскій городокъ» (Obea-castel)—вѣроятно то, что мы въ-послѣдствіи называли Березовымъ-городкомъ. Сосва принимаетъ въ себя рѣку Сибутъ (Sibut)—(вѣроятно, это наша Сыгва), на которой

---

(1) Герберштейнъ: Rerum Moscovitarum commentarii; нѣмецкое изданіе 1567 года, латинское 1600 года.—Титулъ приложенныхъ при нихъ двухъ одинаковыхъ картъ слѣдующій: «Moscovia.—Sigismundi, liberi baronis in Herberstein. Neiperg et Gutenhag. Anno M. D. XL. IX».

стоитъ городокъ Лапипъ (castrum Lepin); здѣсь обитаютъ Вогулячи. Южнѣе Сосвы въ Обь впадаетъ рѣка Иртышъ (Irtischa); на впадающей въ нее рѣкѣ (можетъ-быть, Герберштейнъ разумѣлъ тутъ Тоболъ, хотя и начертилъ его такъ, что онъ пришелся съ правой стороны теченія Иртыша) стоятъ два городка—Іеромъ и Тюмень, владѣтелей которыхъ называютъ югорскими князьями: они, какъ говорятъ, данники московскіе. Тюмень дѣйствительно была на Боболѣ, а объ Іеромѣ (если только это не сибирскій Ирдымъ-городъ, какъ Русскіе называли одно мѣсто на Оби, выше Иртышскаго устья) можно по картѣ Герберштейна догадаться, что, можетъ-быть, это было то городище, съ прежнимъ его названіемъ, гдѣ въ-послѣдствіи мы находимъ городъ Сибирь. Вся эта при-обская сторона называется Обдоріею (2). Тутъ живутъ и Вогулячи и Югричи.

По ту сторону Оби лежитъ страна Югра (Juhra), откуда вышли Венгерцы (inde Ungarorum origo): отъ Югры къ сѣверу лежитъ страна Кондорія, а къ югу—Лукоморія; за нею идутъ города Грустина, Серпоновъ и Кумбалыкъ (это, сколько извѣстно, монгольское названіе Пекина); отсюда къ югу идетъ Китайское Царство (3). Однимъ-словомъ, видно, что за Обью, до самаго Китая, шли неизвѣстные народы, которымъ даны были произвольныя названія, а весь сѣверъ былъ занятъ югорскими племенами).

Къ югу отъ «озера Китая» вытекла рѣка Яикъ (Iaick; съ недавняго времени мы зовемъ эту рѣку Ураломъ); по ту и другую сторону вершинъ этой рѣки была Сибирь (Sibier), въ близкомъ сосѣдствѣ ногайскихъ Татаръ, кочевавшихъ по обоимъ берегамъ Волги.

---

(2) Herberstein, Rer. Moscov. comm. (1600) pag. 60, такимъ-образомъ описываетъ путь къ Оби:

«Ab Stzughorae ostiis adverso flumine usque ad Poiássa, Artawische-Cameni, maioremque Poiassa, iter trium hebdomarum. Porro ad montem Camen trium dierum ascensus est, a quo descendendo ad fluvium Artavischa, inde ad Sibut fluvium, a quo castrum Lepin; a Lepin ad Sossam fluvium pervenitur. Hujus fluvii accolae Wogolici nuncupantur. Sossa autem a dextris relicto ad fluvium Oby, qui oritur ex Kitaysko lacu, pervenitur: quem vix uno die et celeri cursu traiecerunt, adeo vasta hujus fluvii latitudo est, ut ad octoginta fere verst extendantur. Hunc quoque Wogulici et Ugritzschi gentes accolunt. Ab Obea castello secundum Oby fluvium ascendendo, usque ad Irtische fluvium, in quem Sossa ingreditur, ostia est trium mensium iter. In his locis duo castra sunt,—Jerom et Tumen, quibus praesunt domini—Knesi Jugorski, magno Duci Mosco, ut ajunt, vectigales. Multa ibi animalia, pelesque quamplurimae.

«Ab Irtische fluvii ostiis ad castrum Grustina, duorum mensium iter, a quo ad lacu Kitai, per Obi fluvium, quem fontes suos in hoc lacu habere dixi, est plus quam trium mensium iter. Ab hoc lacu plurimi homines nigri, communis sermonis expertes veniunt merces varias, in primis autem uniones, lapides preciosos, secum adferentes, quas populi Grustintzi et Serponowtzi mercantur: hi a castro Serponow, Lucomoryae ultra Obi fluvium in montibus sitae,—nomen habent...»

(3) Про Югру, Печору, Сибирь, Обдорію, Кондорію, Лукоморію говоритъ и авторъ «Russia, seu Moscovia, itemque Tartaria, commentario topographico atque politico illustratae.»—Lugduni Batavorum, 1630. Сочиненіе это, по словамъ автора, писано въ 1612 году; это повтореніе словъ Герберштейна; но тутъ уже упоминается и о Тобольскѣ, о Нарымѣ, Томи, Енисеѣ, о Тунгусахъ, о Мангазеѣ, которую авторъ называетъ «Mangan soiscoigoratum» т. е. Мангазейскій городокъ.

Этимъ кругозоромъ ученыя свѣдѣнія и ограничивались (4).

Изъ «Книги Большому-Чертежу», составленіе которой въ томъ видѣ, въ какомъ книга эта нынѣ намъ извѣстна, относится къ 1627 году — т. е. къ тому времени, когда Сибирь была покорена Русскими вплоть до самаго Енисея, мы опять встрѣчаемъ (5): «Обдорію», вѣроятно, Самоѣдовъ — въ низовьяхъ рѣки Оби; «Югру», вѣроятно, Остяковъ и Вогуличъ—по Оби же, но выше Обдоріи. и «Сибирь» собственно по Иртышу, по рѣкамъ въ него впадающимъ и, отчасти, по прилегающему къ Иртышу лѣвому берегу Оби—значитъ, еще южнѣе Югры; и Сибирью, вѣроятно, называли вообще всѣ отатарившіяся, посредствомъ мухаммеданства, племена Югры, то-есть Вогуловъ и Остяковъ; оба эти племени и нынѣ непосредственно слѣдуютъ за Самоѣдами и для нихъ заобская сторона есть какъ-будто настоящая отчизна.

Такимъ образомъ, можно будетъ понять, что все между Иртышемъ и Яикомъ называлось у Герберштейна Сибирью, безъ точнаго разграниченія Сибири отъ Кайсаковъ и Ногаевъ, и что къ югу отъ Сибири были «Козатская коченая орда да Колмыки», какъ говоритъ объ этомъ «Книга Большому Чертежу».

Составленіе «Книги Большому Чертежу» и собственно старый ея чертежъ, по которому книга эта составлена, по описываемой тутъ мѣстности, должно отнести или къ послѣднимъ годамъ царствованія Ѳедора Ивановича, или къ началу царствованія Бориса Годунова, если только въ ихъ правленіе дополнительныя свѣдѣнія о Сибири не наносились на болѣе-древній чертежъ. Слѣдовательно, географамъ тогдашняго времени, принявъ въ соображеніе полноту и отчетливость Большаго Чертежа, надо отдать полную справедливость и сказать, что о сторонѣ зауральской они имѣли весьма ясное понятіе, для насъ только нѣсколько затруднительное по названіямъ, которыя намъ кажутся произвольными. Хотя нѣкоторыя положенныя на чертежѣ, по повелѣнію царей Ѳеодора

---

(4) Авторъ «Russia seu Moscovia» etc. (стр. 28 и 29) говоритъ о Сибири (Sibier): «Haec provincia ad Camam fluvium jacet, inter Permiam atque Viatkam; videtur urbibus et castris omnimo vacua: regio tota palustris et sylvis opaca et ob vicinitatem Tartarorum magnam partem deserta. Indigenae proprio idiomate utuntur: panis usum nesciunt, ferina carne vescuntur.—Mercimonia aspreoloru pellibus (qui apud illos praestantissimi reperiuntur) exercent, easdemque Magno Russiae Duci, pro tributo, pendunt. In hac provincia Jayczk ingens fluvius oritur, qui per Tartarorum campestria Caspium mare petit.» То-есть: «Эта провинція, или область, прилегаетъ къ рѣкѣ Камѣ, между Вяткою и Пермью; въ ней, кажется, нѣтъ ни городовъ, ни крѣпостей; вся страна болотиста, лѣсиста и, отъ сосѣдства Татаръ, по-большой-части пустынна. Жители имѣютъ свой особый языкъ; хлѣба они не знаютъ, а питаются звѣринымъ мясомъ. Торгъ они ведутъ пушными товарами (которые у нихъ дѣйствительно драгоцѣнны): имъ же они платятъ и дань русскому великому князю. Въ этой области, принимаетъ начало большая рѣка Яикъ, которая, протекая по татарскимъ степямъ, впадаетъ въ Каспійское-Море.

(5) Книга Большому Чертежу, изданіе второе, С. Петербургъ, 1838 стр. 211:
Рѣка Обь великая, а по Оби рѣкѣ и по рѣкамъ, которыя рѣки въ нее впали:
Отъ устья — вверхъ — обдорскіе городы.
А выше обдорскихъ городовъ—югрскіе.
А выше югрскихъ городовъ—сибирскіе.

и Годунова. места и не внесены въ «Книгу Большому Чертежу», но тѣмъ не менѣе свѣдѣнія, вписанныя туда не съ ученыхъ изысканій, а прямо изъ устъ не ученаго народа, превосходны и отличаются совершеннымъ знаніемъ по оренной страны (6).

---

(6) Рѣка Обь — великая пала въ море, въ лѣтнюю ранюю зорю (это по нашему мнѣнію значитъ: съ той стороны, съ которой въ Москвѣ, лѣтомъ — заря занимается), а течетъ отъ Бухарской земли съ правой стороны.

А за рѣкою за Обью, 200 верстъ, пала въ море рѣка Тазъ.

А въ Тазъ-рѣку пала рѣка Пуръ.

Протоку Тазъ рѣки—890 верстъ, а рѣки Пура протоку—460 верстъ.

А по рѣкѣ по Тазу—Мангазея, Самоядь—Пяки.

А на Оби на рѣкѣ, на острову, отъ моря вверхъ по Оби 330 верстъ, городъ Негѣй.

А отъ Негѣя вверхъ 70 верстъ—городъ Носовой.

Противъ Носоваго—Обдора.

А съ лѣвой стороны въ рѣку въ Обь пала рѣка Пузга, течетъ отъ нарымскаго берега 250 верстъ, а протоку той рѣки 150 верстъ.

А отъ Носоваго 70 верстъ, съ правой стороны Оби, городъ Ирка.

А отъ Ирки—40 верстъ—Войкаръ или Нопкой (Ночней). Нынѣ есть селеніе Войкарски, на рѣкѣ Войкаръ, впадающей въ Обь слѣва.

А выше Войкара—Уркаръ, или Бѣлой.

А выше Бѣлово 130 верстъ—Лосма.

А выше Лосмы пала въ Обь рѣку, съ востоку, Казымъ рѣка: протоку той рѣки 480 верстъ.

А на устьѣ той рѣки городъ Казымъ (нынѣ на устьѣ Казыма — Кушевать, а въ вершинѣ Казыма—Казымска).

А выше тово, на другой сторонѣ, 40 верстъ, рѣка Казымъ, а на ней городъ Кельчикаръ (Кенчикаръ).

А выше Казыма 180 верстъ на Оби городъ Чомашъ (Чомашъ нынѣче существуетъ).

А выше Чомаши 70 верстъ Шоркаръ (нынѣ Шоркальской).

А выше 70 верстъ—Ненкаркоръ. (Въ Атласѣ изданномъ Росс. Академіей въ 1745 году обозначены юрты—Нагакарски).

А выше 70 верстъ—Курмышъ-Юрганъ.

А выше 60 верстъ—Атлимъ (нынѣче есть Большие-атлымская деревня).

А выше тово на Оби 140 верстъ—Карымканъ (нынче Карымкаръ).

А выше 60 верстъ—Емдырь. (Въ атласѣ 1745—Ендерскіе-юрты).

А выше 20 верстъ—Калымъ.

А выше 10 верстъ — Обскій Большой (городокъ воеводы Мансурова; нынѣ Самарово).

А противъ того, съ другой стороны, въ Обь рѣку пала рѣка Иртышъ.

А выше Обскова Большово 70 верстъ—Ласлынѣй.

А выше Ласлынѣя 170 верстъ пала въ Обь рѣку рѣка Васъюганъ; протоку Васъюганъ рѣки 220 верстъ (можетъ-быть, просто Юганъ, соединяющійся изъ Большаго и Малаго Юганова: Васюганъ гораздо-выше).

А выше Васюгана-рѣки пала въ Обь рѣку рѣка Сургутъ; протоку рѣки Сургута—160 верстъ.

А выше Сургута 170 верстъ—Лунпукъ-вышней (названіе это сохранилось въ «Лумпокольской волости»; нынѣ Лумпокольско выше р. Ваха).

А выше тово 108 верстъ—Нарымъ, по нынѣшнему—Нѣгая орда.

А выше тово 20 верстъ—Вышней Нарымъ.

А подъ нижней Нарымъ пала рѣка—Нарымъ; протоку ея 130 верстъ.

А выше тово—въ старомъ чертежѣ (то-есть въ томъ, съ котораго чертежъ 1627 года списанъ)—объ рѣкахъ не описано. (Изъ этого видно, что составленіе стараго чертежа относится или къ самому концу XVI-го, или къ самому началу XVII столѣ-

Между-тѣмъ, страна зауральская задолго еще до того времени была очень хорошо знакома нашимъ промышленникамъ: торговыя связи Великаго-Новагорода со странами закамскими и зауральскими, въ XI—XIV столѣтіяхъ, разумѣется, въ смыслѣ мѣны продукта на продуктъ—не

тія, потому-что такихъ обширныхъ, мелочныхъ и правильныхъ подробностей до 90-хъ годовъ XVI столѣтія составителю чертежа пріобрѣсти было невозможно; а послѣ 1612 свѣдѣнія эти были недостаточны, потому-что Сибирь была уже хорошо знакома и многое было наложено на новые чертежи. Извѣстно, что во времена Годунова, сибирскіе начальники представляли въ приказъ собственные свои, составленные на мѣстѣ чертежи племенъ и ихъ обиталищъ, прозванныхъ у нихъ городами, волостями и юртами; но видно свѣдѣнія эти въ «Книгу Большому Чертежу» 1627 года не вошли, потому-что многихъ названій въ ней вовсе не встрѣчается: въ ней есть, на-примѣръ, Тобольскъ, а нѣтъ Сибири; есть рѣка Сикирья и другія, а нѣтъ Томи).

По рѣкѣ жъ по Обѣ, по другому, по лѣвому берегу, ниже Пузги рѣки, пала рѣка Надъ—90 верстъ, а Надъ рѣка тожь течетъ изъ горъ, протоку 250 верстъ; а на устья той рѣки городъ Сабдинъ.

А отъ той рѣки Пузги—100 верстъ до Сабдина.

А выше 20 верстъ—Сускаръ, или Роговой.

А отъ Роговаго, на Оби, городъ Березовой.

А выше Березова, подъ городомъ, пала рѣка Сысва. А вытекла Сысва рѣка изъ той же горы, съ Надъ рѣкою верховьемъ близко; протоку Сысва рѣки 700 (5) верстъ; рѣка течетъ не прямо (нынѣшняя Сосва).

А въ Сысву рѣку пала рѣка Гудырья, вытекла изъ Камени отъ горъ; протоку 300 верстъ.

А отъ верху рѣки Сысвы до верху рѣки Гудырьи горою—400 верстъ.

А промежъ рѣки Сысвы и рѣки Гудырьи пала въ Гудырью, за 30 верстъ отъ устья Гудырьи рѣки, рѣка Сыкырья.

А отъ верху Сысвы до верхъ Сыкырьи рѣки 160 верстъ.

А къ Сыкырью изъ горъ же пала Киртасъ рѣка, а вытекла Киртасъ рѣка отъ верху Гудырьи рѣки — 60 верстъ, а протоку Киртаса рѣки — 120 верстъ.

А отъ горы до усть Киртаса 70 верстъ.

А ниже устья рѣки Гудырьи пала въ Сысву рѣку—рѣка Сосва (Малая). Остальныя рѣки, нынѣ перемѣнившія уже названія, мы разобрать затрудняемся. Но для этого представляемъ вкратцѣ систему рѣки Сосвы:

Большая Сосва
въ нее справа начиная отъ вершины впали
Татуй
Вогулка
Вогулья
Сыгва
въ нее справа
Манья
Щокурья
Въ Сосву
слѣва—
Вышма
Малая Сосва.

А по Сысвѣ и по Сосвѣ города:

Сверху на Сосвѣ городъ Юиль (Юильскія юрты, вогульская деревня во времена Миллера).

А съ другой стороны, на низъ, 30 верстъ—Мункусъ (Мункосъ; во времена Миллера на рѣкѣ Сигвѣ была еще вогульская деревня Мункесъ-пауль, по-русски—Мункасскія юрты).

А ниже Мункуса 30 верстъ,—Ляпинъ (камень преткновенія для разрѣшенія по-

подвержены никакому сомнѣнію. Потомъ, когда Новгородъ палъ, связь Русскихъ съ дальними краями Востока поддерживалась купцами, выселившимися изъ Новагорода въ Устюгъ, Вологду и печерскіе города. Но такъ-какъ, при этихъ сношеніяхъ, ученыя розысканія не составляли

хода Курбскаго при Иванѣ III въ Югорскую Землю. Города эти въ концѣ XVI столѣтія считались обскими остяцкими городками; ихъ считалось 6, именно Куноватъ, Ячма, Ляпинъ, Мункосъ, Юиль, и Березовъ, см. прим. 71).

А ниже Ляпина 60 верстъ, на другой сторонѣ, на Сосвѣ — Искаръ (этимъ кажется именемъ окрестилъ Карамзинъ городъ Сибирь-лѣтописцевъ, назвавъ ее — Искеромъ).

А ниже 80 верстъ—Тапсы.

А ниже 40 верстъ—Ячись (Ячинъ).

А съ другой стороны 30 верстъ—Заглѣй.

А ниже Заглѣя 50 верстъ — Вороней (это должно быть русское переиначенье; мѣстное названіе неизвѣстно).

А ниже Воронья 50 верстъ—Хюликаръ.

А ниже Хюликара 60 верстъ—Естынъ.

А на устьѣ рѣки Сосвы, съ вышней стороны—Махтынъ (Хахтынъ).

А съ нижней стороны—Березовой.

И тѣ города по Сысвѣ и по Сосвѣ — Югра (значитъ до Сысвы и до Сосвы была Обдорія, а къ югу отъ Сысвы и Сосвы — Сибирь).

Рѣки жъ текутъ въ Обь, а по тѣмъ рѣкамъ сибирскіе городы:

Въ рѣку Обь пала рѣка Иртышъ.

А въ Иртышъ пала рѣка Тоболъ.

А сверху въ Иртышъ пала рѣка Сундышъ, отъ Сибирскаго, отъ Сургута (Сургуча) города за 350 верстъ. (Между Тоболомъ и Ишимомъ мы знаемъ только рѣку Вагай; о Сургутѣ или Сургучѣ—догадаться не можемъ).

Въ Иртышъ выше Сургута (Сургуча) города, пала Ишинъ (т. е. Ишимъ) рѣка, а вышла Ишинъ рѣка изъ горы. На той же рѣкѣ островъ 150 верстъ, а на томъ острову дикія нѣгія лошади: добрѣ ихъ много. (О нѣгихъ лошадяхъ говоритъ и Абульгазы, но упоминаетъ о нихъ потому что бывшій на устьѣ Уйгуръ-Мурана городъ Алакинъ получилъ отъ нихъ свое названіе).

Изъ тое жъ горы вытекла рѣка Тоболъ (этого, положимъ, въ тѣ времена и нельзя было знать, чтобъ не сказать ошибки).

А изъ тоё горы 170 верстъ—гора Улутова (должно быть—хребетъ Улу-тау), по нашему Великая-Гора, а въ ней олово (дѣйствительно въ Улу-тау въ наше время открыто олово).

Изъ Улутовой горы потекли три рѣки, — однимъ прозвищемъ всѣ три — Сорлы: Верхняя Сорла пала въ Ишинь рѣку, а середняя и нижняя, обѣ Сорлы рѣки, — пали въ Тоболъ рѣку.

Изъ тоё жъ горы потекли три рѣки Кендерлики, да рѣка Зилаичикъ, а въ ней во брегу краски желтыя да черьчатыя.

А мимо той горы, за 40 верстъ отъ горы, течетъ рѣка Сарсу.

А въ рѣку Сарсу пала рѣка Кендерликъ.

А промежъ рѣки Кендерлика и рѣки Сарсу—Козатская кочевая орда да Колмыки.

А промежъ Тобола-рѣки и Мишки-рѣки, пала въ Иртышъ-рѣку — Аришинъ (Авишинъ) рѣка.

А въ Тоболъ-рѣку за 330 верстъ отъ устья Тобола, пала рѣка Тура.

А рѣка Тура течетъ изъ горы, изъ камени, противъ города Соли-Камскаго (Камской) за 80 верстъ отъ Усолья (Соли-Камской), а отъ великія-Тюмени за 550 верстъ.

А отъ Тюмени 120 верстъ пала Тура въ рѣку Тоболъ.

На рѣкѣ на Турѣ—городъ Верхотурье.

Въ рѣку Туру пала рѣка Тагил (Талга), вытекла изъ горы Усолья Камскаго (Соли-Камской) за 200 верстъ. (Должно быть здѣсь рѣчь идетъ о Тагилѣ).

Библиотека Тобольского

главнаго предмета, то наши купецкаго чина люди, невольно набираясь этнографическихъ знаній, но не придавая имъ особенной важности— всѣ незнакомыя намъ племена просто называли Чулью: по сю сторону Урала, за «волоками» на сѣверныя водныя системы, была Чудь заволоцкая или заволочская, а по ту сторону Урала была просто Чудь. Но русскій человѣкъ всегда вѣренъ своей натурѣ: надѣляя и европейскіе народы и свою братью Русскихъ характеристическими эпитетами, онъ не забылъ и восточныхъ своихъ сосѣдей отличать разными прозвищами. Такъ Татаръ—онъ звалъ «ордой проклятою», Мордву—честилъ «Сурой-поганою», Вогуловъ закамскихъ звалъ — «Гамалью-чусовою», Сибирь кликалъ «нѣмшо́ною», а всю Чудь—«заблудящею».

Въ Туру рѣку, отъ Тюменскаго за 50 верстъ, съ правой стороны, пала рѣка Ница; протоку Ницы—100 верстъ.

А ниже Ницы 50 верстъ, пала въ Туру — Пышъ рѣка; протоку 70 верстъ. (Это Пышма).

А ниже Туры рѣки 250 верстъ, пала (т. е. въ Тоболъ) рѣка Тавда.

Отъ устья Тавды прямо степью—то Тавда рѣка, а выше тово съ почныя стороны—рѣка Лозва, а другая рѣка—Сосва; вытекли изъ горъ: а какъ стеклись тѣ рѣки вмѣстѣ — и той рѣкѣ прозвище Тавда. (Нынѣ три вершины Тавды суть Тавда или Пелымъ, вторая—Лозва, а третья Другая-Соска).

А Лозва рѣка вытекла изъ горы, противъ верховья Вишеры рѣки за 20 верстъ и пала въ Сосву рѣку.

А въ Сосву (Лозву) изъ горъ пала Удыль (Уда)—рѣка, а на устьѣ Удыла (Уды) рѣки—городъ Лозвинской.

А отъ верху Лозвы рѣки до верху Туры рѣки—490 верстъ.

Рѣка Пелынь пала въ рѣку Тавду съ лѣвой стороны; протоку Пелыни 100 верстъ.

А ниже той рѣки, на устьѣ, — городъ Выпшей-Пелынь (нынѣ Пелымска) а ниже тово — Нижней-Пелынь, 20 верстъ на рѣкѣ Тавдѣ (нынѣ Пелымское).

А ниже города Пелыни 100 верстъ, пала въ Тавду рѣчка Таборы, а на устьѣ — городъ Таборы. (По мѣстнымъ изслѣдованіямъ Миллера это была вогульская волость на устьѣ рѣки Иксы, какъ, вѣроятно, называлась рѣчка Таборы, нынѣ селевія Таборинска и Табаринское на самой Тавдѣ).

А ниже города Таборовъ, на Тавдѣ, городъ Ашуки (Ашуки мнѣ неизвѣстны; а встрѣчалось мнѣ названіе Кошуковъ въ грамматахъ 1594 года. По изслѣдованіямъ Миллера Кошуки была вогульская волость по рѣчкѣ Пачепкѣ; нынѣ село Кошупское).

А ниже Тавды рѣки пала въ Тоболъ рѣка Суклемъ; протоку Суклема рѣки 160 верстъ. (На устьѣ ея нынѣ село Суклемское, близь устья Тобола въ Иртышъ).

А изъ устьѣ рѣки Тобола, на рѣкѣ Иртышѣ, на другой сторонѣ рѣки Иртыша — городъ Тобольскъ.

А вниз по Иртышу, отъ Тобольска 40 верстъ, городъ Рямзанъ. (Названіе это сохранилось въ названіи рѣчки Рямзанки въ Тобольскомъ Округѣ).

А ниже Рямзана 20 верстъ — городъ Уки (названіе это нынѣ сохранилось въ названіи деревни Уковской-Заводъ и Уково, близь Ялуторовска).

А ниже Тобола рѣки до усть Иртыша рѣки, до рѣки до Оби—480 верстъ.

А выше Иртыша, на Оби,—городъ Ярлымъ.

А выше Ярлыма, отъ усть Иртыша 30 верстъ, городъ Мазымъ.

А выше 30 верстъ — городъ Лирикъ.

А выше Лирика 20 верстъ—городъ Лунгугей.

А выше Лунгугея 25 верстъ—городъ Салыпра (Салабра),

А выше 60 верстъ,—городъ Салымъ (Салынь). Вѣроятно на устьѣ р. Салымъ. (Книга Большому Чертежу стр. 211—220).—Далѣе смотри примѣчанія 6, 12 и 58.

Между вообще чудскими племенами немаловажную роль играютъ Югричи, имя которыхъ еще въ 1488 году встрѣчается въ титулѣ Ивана III (7).

Лѣтописи наши говорятъ о покореніи Иваномъ III Югорской-Земли; нѣкоторые историки утверлютъ, что покореніе это произведено за Ураломъ, именно по рѣкѣ Оби, и что только въ-слѣдствіе этого покоренія, государи наши стали именоваться «кондійскими», потому-что русское знамя развивалось на берегахъ рѣки Конды, и «обдорскими» потому-что русское оружіе прославилось на берегахъ рѣки Оби, при военныхъ дѣйствіяхъ воеводы князя Курбскаго.

Отложимъ въ сторону разрѣшеніе вопроса: могло ли цѣлое войско, въ числѣ болѣе 4,000 человѣкъ, идти въ походъ за Уралъ на самую Обь, по горамъ почти неприступнымъ, чрезъ лѣса почти непроходимые, между народами малочисленными и дикими, незнавшими употребленія хлѣба? Мы спросимъ только нашихъ историковъ: возможно ли, чтобъ цѣлое войско, въ числѣ болѣе 4,000 человѣкъ, при такихъ обстоятельствахъ, совершило этотъ походъ большею частію на лыжахъ? Гдѣ оно должно было помѣщаться, когда сама природа заставляла его укрываться отъ морозовъ и снѣговыхъ бурь? Чѣмъ оно прокормиться могло во все продолженіе своего похода? Не могло же оно, въ такомъ огромномъ количествѣ и столь долгое время, питаться одною рыбою! Наконецъ, съ кѣмъ же этому полчищу приходилось сражаться?.. Разрѣшеніе этихъ вопросовъ, весьма-незатруднительное, отвлекло бы насъ слишкомъ-далеко: мы только прославимъ сказаніе лѣтописцевъ.

«Въ лѣто семь тысящь седьмаго мѣсяца марта въ 12 день князь ве«ликій Иванъ Васильевичъ послалъ воеводъ своихъ ратію, князя Се«мена Ѳедоровича Курбьского, да князя Петра Ѳедоровича Ушатаго, «да Василья Ивановича Бражника *на Югорскую-Землю*, въ Кодуна и «Вогуличи, а съ ними Устюжане, Вятчане, Двиняне, Важане, Пине«жане (8). Они же шедше—городы поимаша и землю повоеваша и кня«зевъ приведоша съ собою на Москву, а иныхъ князей и земскихъ «людей въ ротъ (9) приведоша по ихъ вѣрѣ за великаго князя, а иныхъ «князей и иныхъ людей, Югричъ и Гогуличъ, тамо побиша и пріидоша «на Москву къ великому князю—вси здраво, лѣта 7008 марта» (10).

Въ розрядныхъ книгахъ, походъ этотъ описывается съ слѣдующими замѣчательными подробностями:

---

(7) Ист. Гос. Рос. Карамзина, Т. VI. Примѣч. 287: «Божію Милостію Государь «всея Руссіи и Великій Князь Иванъ Васильевичъ Володимірскій, и Московскій, и «Новгородцкій, и Псковскій, и Тверскій, и *Югорскій*, и Вятскій, и Пермскій и «иныхъ,—великому и честнѣйшему Матеашу, Божією Милостію *Угорскому* и Чеш«скому и иныхъ земель Кралю и Князю Авщріе,— вамъ, брату почтенному и другу «милому — здравіе!» (1488 іюля 29).

(8) Лѣтописецъ (по каталогу лѣтописей Румянцовскаго Музеума № 246); Описаніе рукописей Румянцовскаго Музеума 1842 стр. 337. Ист. Гос. Рос. Т. VI. прим. 462: «на Куду и на Гогуличи».

(9) «Шерть» и «рота крѣпкая»—присяга.

(10) Миллеръ, стр. 66.

«Послалъ великій Князь Петра Оедоровича Ушатаго, до поддалъ ему «дѣтей боярскихъ Вологжанъ, а пошли до Пинежского-Волочку рѣками «2,000 верстъ. Да тутъ сождались съ Двиняны да съ Пинежаны, да «съ Важаны (т. е. обитателями рѣки Ваги). А пошли съ Ильина-дня (20 іюля) «Колодою-рѣкою 150 верстъ, съ Оленьяго-Броду на многія «рѣки ходили и пришли въ Печору-рѣку, до Устяша-града. И туто «воеводы сождались, князь Петръ (Ушатый) съ княземъ Семеномъ «Курскимъ, да съ Васильемъ Ивановичемъ Гавриловымъ (Бражникомъ), «да тутъ осеневали и городъ зарубили. А съ Печоры-рѣки воеводы «пошли на Введеніевъ-день Святыя-Богородицы (21 октября). А отъ «Печоры воеводы шли до Камени двѣ недѣли и туто розвелися воево- «ды князь Петръ (Ушатый) да князь Семенъ (Курбскій) чрезъ Камень «щелью, а Камени въ облакахъ не видѣти, а коли вѣтрено—ино облака «раздираетъ, а длина его отъ моря до моря» (вѣроятно, отъ Карскаго и до Бѣлаго). «И убили воеводы на Камени — Самоѣди 50 человѣкъ, а «взяли 200 оленей. Отъ Камени шли *недѣлю до перваго городка. Ля-* «*пина*: всѣхъ по тѣ мѣста шли 4,650 верстъ. Изъ Лапина встрѣтили съ «*Одора* на оленяхъ югорскіе-князи, а отъ Лапина шли воеводы» (куда: впередъ или назадъ? вѣроятно, назадъ, потому-что со взятіемъ Лапина разсказываютъ о результатѣ всего похода) «на оленяхъ, а рать — на «собакахъ. Лапинъ взяли и поимали 38 городы, да взяли 1,009 чело- «вѣкъ лучшихъ людей, да 50 князей привели. Да Василей же Бражникъ «взялъ 8 городы да 8 головъ. И пришли къ Москвѣ,—далъ Богъ здо- «рово вовсе,—на Великъ-День къ государю» (11).

Упомянаемый здѣсь Оленій-Бродъ, по смыслу повѣствованія, долженъ находиться между пинежскимъ волокомъ и Печорой, гдѣ-нибудь по Мезени; пинежскій же волокъ находился между вязовьями Пинеги и Сѣверной-Двины: нынѣче существуетъ селеніе—«Пинежскій Волокъ» по лѣвому берегу Пинеги — подъ 59 градусомъ долготы и 65 градусомъ сѣверной широты, приблизительно. Далѣе встрѣчаются названія слѣдующихъ мѣстъ, трудно объяснимыхъ:

Кодунъ, или Кодуны, или Куда, или Кода, какъ кажется — племя, вмѣстѣ съ Вогуличами обитавшее въ Югорской-Землѣ.

Колода—рѣка.

Усташъ—городъ.

Лапинъ—городъ.

Одора—неизвѣстно что̀, но, кажется, рѣка; и наконецъ —

Югра. (Слово щель, въ смыслѣ разсѣлины, ущелія, не можетъ привести къ рѣшительнымъ результатамъ по своей общности; въ двинской странѣ мы находимъ это слово въ обозначеніи мѣстностей Ущельскій, *Карацеле*, *Бѣлощельско* и пр.)

Усташъ-городъ совершенно, кажется, исчезъ изъ памяти народа, и объ немъ мы ничего не можемъ сказать, кромѣ того, что онъ, какъ видно, былъ въ сосѣдствѣ съ Колодою-рѣкою, именно на рѣкѣ Печорѣ.

---

(11) Тамъ же, стр. 63; Карамзинъ т. VI, прим. 462. У него сказано на Угорскую-Землю—на Кулу и на Вогуличи.

Колода-рѣка существуетъ и нынѣ подъ названіемъ «Коладья»; она слѣва впадаетъ въ рѣку Вычегду и могла протекать по пути, по которому проходили воеводы русскіе съ рѣки Пинеги на Печору.

Кодуны, Куда или Кода, сосѣди Вогуличъ; по-видимому, это были именно Остяки, потому-что и въ-послѣдствіи времени всякая мѣстность, занимаемая остяцкимъ племенемъ, называлась Кодскою-Землею.

Названіе Одора или Удора встрѣчается и донынѣ во многихъ мѣстахъ по сю сторону Урала: есть рѣка Удора, которая, въ Вологодской-Губерніи, впадаетъ справа въ рѣку Вашку; есть деревня Удоры по рѣкѣ Юлвѣ, текущей въ рѣку Вычегду; есть еще третье названіе Удоръ, рѣки, текущей, какъ видно изъ «Атласа Россійскаго», изданнаго Академіею въ 1745 году, прямо въ Мезень. Походъ Курбскаго именно на рѣку Обь стараются поддержать тѣмъ, что въ слово Одора вставляютъ букву *б* и подкрѣпляютъ цитатами, что *Об*дорскій народъ былъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ народомъ пермскимъ, съ которымъ у него было одно общее божество, Воппель. Но названіе это нѣтъ основанія относить исключительно на рѣку Обь, во-первыхъ, потому-что при описаніи похода Курбскаго говорится про Одору, а не про Обдору, а во-вторыхъ, слово Обдора и по ту сторону Урала имѣло нѣсколько значеній.

Во-первыхъ—Обдора - былъ народъ по низовьямъ Оби; во-вторыхъ, это былъ городъ на правомъ берегу Оби, въ 620 верстахъ отъ устья Оби; въ-третьихъ, Обдорою же назывался царь неизвѣстнаго народа между Китайской Стѣной и Бухаровъ (12). Относить поѣздку югорскихъ

---

(12) Изъ «Хронографа» (стр. 841).

О государствахъ, что за Сибирью.

Лѣта ҂з того же ое҃ (1567) году по государеву цареву и великаго князя Ивана Васильевича всея Россіи указу посланы были провѣдывать, за Сибирь, государствъ атаманы и казаки Иванъ Петровъ да Бурнашъ Ялычевъ и вывезли тѣмъ государствомъ роспись, которые за Сибирью государства:

Китайскому государству и Мунгалской землѣ и изъ государства жилымъ и кочевымъ и великіе Оби рѣки и протчимъ рѣкамъ и дорогамъ.

Отъ Киргизу, города Сибирскаго, отъ рѣки Бакана ѣзду ѕ҃ (6) дней.

А отъ Бакана до Кумчаку рѣки ѣзду ѳ҃ (9) дней.

А отъ Кумчака рѣки до Большего-Езера,—гдѣ Иванъ Петровъ да Бурнашъ Яковлевъ Ялычевъ сказывалъ въ езерѣ самоцвѣтной камень — з҃ (7) дней ѣзду, а около его ѣзду в҃і (12) дней конемъ; а въ то езеро д҃ (4) рѣки съ востоку до полудне, съ западу къ сѣверу, а тѣ д҃ рѣки текутъ въ езеро смѣюсь, а въ езерѣ вода ни прибываетъ, ни убываетъ, да въ тоже езеро рѣка впала промежъ востокомъ и сѣверомъ, а имя той рѣкѣ Нечеахва.

По той рѣкѣ отъ езера и до вершины гдѣ царя сошли съ кочевьемъ е҃і (15) дней; а дорога вся—итти итти по каменію.

А отъ царя до улуса иттить е҃ (5) дней, а улусы зовутъ Алгуставъ, а въ немъ князь Тормошихъ.

А отъ Тормашанича улуса ѣхати за Утчеркукушъ, а въ немъ князь Каракула, ѣхати до того улуса е҃ дней.

князей изъ мѣста перваго значенія — значитъ ничего не сказать, относить ее ко второму—слишкомъ-далеко, а къ третьему уже и не идетъ: да и вообще не видится никакой надобности читать не такъ, какъ написано, и видѣть опечатку тамъ, гдѣ слово поставлено правильно: дѣло

А отъ Чиняева улуса до князя Тангичиритка ѣхать є҃ дней.

А отъ Тангичириткина улуса до князя Чеченіолнъ уѣзду д҃ дни, безъ воды.

А отъ Чиняева улуса—Таин-катунъ: ѣхати д҃ дни.

А отъ Таин-катулина улуса до царя Башкуты ѣхати д҃ дни.

А отъ царя Башкуты до княгини Маиловъ до Мунгалской земли иттить є҃і дней.

А не дошедъ Мунгалской земли, за два дни, итти щелью межъ камени, а изъ щели выщедъ—въ Магачскую землю.

А на выѣздъ изъ щели два города Мунгалскихъ, каменные, а имена городамъ—Каларбашъ и Баишнъ: а на Мбанѣ-городѣ воевода князь Талам-тайша, а въ Башняхъ городѣ воевода князь Онба-тайша.

А третей городъ въ Мунгалской землѣ Лобинскобы каменной, а царствуетъ въ немъ женщина, имя ей царица Мачи-катуна да сынъ ея царевичъ Ангитаинъ. А та царица Мачи-катуна указываетъ во всей Мунгалской землѣ по всѣмъ градомъ; а кто ни пріѣдетъ, да отъ нея пойдетъ въ китайскую землю—и она дастъ грамату и печать; въ городъ, въ которой пріѣдешь да пойдешь къ рубежу и покажешь сторожамъ грамату и печать, и они пропустятъ за рубежъ, въ китайскую землю; а будетъ нѣтъ отъ нея граматы съ печатію—и они въ китайскую землю не пропустятъ за рубежъ.

А земля Мунгалская велика, долга и широка, отъ Бухаръ и до моря; а городы въ Мунгалской земли дѣланы на четыре углы, а по угламъ башни, а съисподи у городовъ вкладенъ сѣрой камень, а сверху кладенъ кирпичъ: а у воротъ городовыхъ своды такожде что и у русскихъ градовъ; а на вратахъ на градныхъ, на башнѣ, колоколъ мѣдянъ вѣстовой, пудовъ въ 20. А башни крыты образцами кирпичными. А дворы въ Мунгалской землѣ кирпичные: дѣланы на четыре угла; а ограды кругомъ двора велики и высоки; а во дворѣ полаты кирпичныя не высоки, а подволоки у полатъ высоки, писаны травами и красками,—цвѣты различными украшены.

Да въ той же Мунгалской землѣ стоятъ два храма, лобинскіе, кирпичные, какъ дѣлаютъ храмы,—клинчатые, а стоятъ храмы дверьми межъ востоку и полудни, а на храмѣхъ крестовъ нѣтъ; а стоятъ на храмѣхъ звѣри, невѣдомо какія: каменныя.

А во храмѣхъ—неизрѣченное диво! Какъ лѣзешь во храмъ — противъ дверей сидятъ три болвана, великіе, женскіе: сажени по полторы; а вызолочены сусальнымъ златомъ съ головы и до ногъ. — А сѣдятъ высоко на дверехъ каменныхъ; а двери всякими красками выкрашены; а на рукахъ болваны держатъ по горшку съ кашею. А предъ ними горятъ свѣчи не угасимыя, съ саломъ говяжіимъ.

А на правой рукѣ стоять восмь болвановъ мужескаго полу: а на лѣвой странѣ стоятъ восмь болвановъ,—все дѣвки—вызолочены съ головы и до ногъ сусальнымъ же златомъ: за руки протянули чтобы поклоняться, какъ кланяются мунгалскіе люди.

А по-сторонь тѣхъ болвановъ трехъ, которые предъ храмомъ на дверяхъ, стоятъ два болвана наги, какъ бы человѣкъ въ тѣлѣ: не распознаешь издали, что тѣло — какъ бы живъ. А свѣчи предъ ними тонки, что солома, горятъ безъ огня угліемъ.

А поютъ во храмѣхъ въ двѣ трубы великія: сажени по полторы труба. А какъ затрубятъ въ трубы великія, да станутъ бить въ бубны, да припадутъ на колѣни, да руками сплеснутъ, да расхватятъ руки, да ударятся о землю—и лежатъ съ полчаса! И въ тѣ поры въ храмъ лѣзти нельзя. Какъ поютъ—страхъ великъ человѣка объиметъ: неизрѣченное диво во храмѣхъ. А крыты тѣ храмы образцатами кирпичными.

въ томъ, что воеводы встрѣтили предводителей *до*-уральской Югры, которые, съ рѣки Удоры или Олора, пробирались *за* Уралъ.

Названіе Лѣпина-городка сохранилось въ «Книгѣ Большому Чертежу», какъ обозначеніе мѣстности собственно по рѣкѣ Сысвѣ, между города-

---

А хлѣбъ въ Мунгалской землѣ водится всякой: просо, пшеница, ярина, рожь, ячмень, овесъ, и иныхъ сѣменъ много. А овощи въ Мунгалской земли и сады всякіе есть: яблоки, вишни, дыни, арбузы, тыквы, лимоны, огурцы, лукъ, чеснокъ, и иные овощи всякіе.

А люди въ Мунгалской землѣ — мужескій полъ нечисты, а женскій чистъ добрѣ. А платье носятъ по своей волѣ хорошо: бархатное и камчатное, а ожерелья у кафтановъ мужескихъ и у женскихъ большія, по плечамъ. А сапоги носятъ своимъ образцомъ.

А лошадей добрыхъ въ Мунгалской земли, катырей и шековъ, много.

А орютъ плугомъ, а сохи такожде какъ и у Тобольскихъ Татаръ: а бороны долги; а вино курятъ въ Мунгалской земли изо всякаго хлѣба, безъ хмѣлю.

А каменія драгаго въ Мунгалской земли нѣтъ: жемчюгъ не доброй есть. А сребра много—а идетъ сребро изъ Китайской земли.

А Кутухты у нихъ—Кутухъ-то по нашему патріархъ—два; одинъ лѣтъ въ двадцать, а другой лѣтъ въ тридцать: нѣтъ у нихъ ни усовъ, ни брадъ. А во храмѣхъ имъ сдѣланы мѣста: какъ пріидутъ во храмы, да сядутъ по мѣстамъ, а по нихъ вѣрѣ имъ всѣ покланяются: царь кутухтамъ.

А то солгано отъ выходецъ изъ Китайской орды, что кутухта умре, да въ землѣ лежалъ пять лѣтъ, да опять ожилъ: то соврано, что умре да опять ожилъ!

А лоба (лама) потому что наши старцы,—а у нихъ то лоба; а постригаются лѣтъ десяти, а блуда женскаго не вѣдаютъ, а брады и усы брѣютъ и щиплютъ. А ходятъ безъ штановъ, а мясо ѣдятъ по вся дни. А мантьи у нихъ камчатые, разные цвѣты; а боры у мантей что у нашихъ старцовъ; а клобуки у нихъ желтые; а говорятъ такъ: «Како-де ваша вѣра въ насъ нашею была, а вы-де старцы черные, «а наши бѣлые; а не вѣдаемъ какъ ваша вѣра отъ нашей отбыла».

А за Мунгалскою землею къ Бухарнамъ три царства: *Турское*, царь въ немъ Юначка, а городъ каменной, а царство богато;

да царство *Шингуцкое*, а царь въ немъ Салапчинъ, а городъ каменной же;

да царство *Городшаръ*, а царь въ немъ Темиръ-желѣзный: а то царство не далече отъ Бухаръ; изъ того царства идетъ отъ желѣзнаго царя въ китайское царство камень алмазъ.

А тѣ всѣ три царства стоятъ подъ полудень; а по другую стороны Черныхъ Мунгаловъ Желѣзные Мугулы и до моря.

А отъ Мунгалской земли, отъ Манчи-катунина города до Китайскаго-крыму, до рубежу, ѣзду конемъ два дни; а рубежная стѣна пошла на полдень, а къ Бухаромъ два мѣсяца ходу до Обдоры царя; а городъ у Обдоры царя древяной, а царство велико и богато вельми; а другой конецъ пошелъ на востокъ до моря, четыре мѣсяца ходу. А стѣна ведена кирпичная, а мы сочли по рубежной стѣнѣ башень сто, по обонмъ концамъ; а къ морю, сказываютъ, и къ Бухаромъ башни и числа нѣтъ. А башня отъ башни стоитъ по стрѣльбищу.

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

А воюются (китайскіе люди) съ мунгалы съ желтыми и у мунгаловъ бой, а въ китайской землѣ люди робливы; про Обь великую и славную—устья незнаемъ.

И государя царя и великаго князя Іоанна Васильевича всеа Россіи посланникомъ, атаманомъ Ивану Петрову да Буришку Ялычею сказывали китайскія же земли люди, подъячій: «Оби-де мы рѣки великія не знаемъ и не слыхали; а изъ-за моръя-де къ намъ прибѣгаютъ Мацы, по нашему Нѣмцы на корабляхъ по вся годы

шами Искэромъ и Мункусомъ (13); но по всему видно, что это не тотъ городъ, про который говорится въ описаніи похода Курбскаго: его Лапинъ—былъ первый городъ за Камнемъ, а Лапинъ Большаго Чертежа есть третій городъ по той рѣкѣ, которую мы въ настоящее время именуемъ Сыпою; она течетъ въ Сосву, а та въ Обь.

Въ наше время существуютъ на рѣкѣ Маньѣ «Шокурпнскія-Юрты», иначе называемыя «Лапинскою». Шокурпнскими онѣ называются не потому, что въ Маньѣ много ловится рыбы щокуровъ, но названіе это онѣ заимствовали отъ рѣки Шокурьей, которая вмѣстѣ съ Маньею течетъ въ Сыпу, впадающую въ Сосву. Въ вершинахъ Маньи и стояли Лапинъ городокъ, что будетъ согласно и съ Герберштейномъ. Согласно съ Герберштейномъ же надо сказать, что здѣсь дѣйствительно жили Вогулячи, имя которыхъ до-сихъ-поръ осталось за двумя впадающими въ Сосву же рѣками — Вогульей и Вогулкой: онѣ то, вмѣстѣ съ вершиною Большой Сосвы, въ «Книгѣ Большому Чертежу» и названы — Гудырьею, Киртасомъ и Сыкирьею.

Очень жалѣемъ, что не принадлежимъ къ блаженной памяти рѣкамъ «корнеслонія». Тогда мы слово «Колдынь» переименовали бы въ «Колдуны», отъ слова «Куда» произвели бы «кудесниковъ» и доказали бы, какъ дважды-два, что Колдунами или Кудами у насъ звали всѣ племена, которыхъ верованія утверждались или состояли въ волхвованіяхъ ихъ шамановъ или колдуновъ и кудесниковъ. Скажемъ только, что и Колдынь—были Югра, то-есть Остяки или Огяки, и имя это сохранилось до насъ въ названіи Большаго-Колдына и Малаго-Колдына, двухъ рѣчекъ, впадающихъ въ рѣку Щугоръ, текущую справа въ Печору: вершины ихъ сближаются съ вершинами Маньи и Шокурьи.

Вся сѣверная сторона Зауралья, вплоть до самой рѣки Сыпи — испоконъ вѣка и донынѣ есть исключительное обиталище Самоѣдовъ; непосредственно за Самоѣдами всюду слѣдовали и слѣдуютъ Остяки: они были на Сосвѣ; на Сосвѣ же, или, какъ ее тогда также «именовали — Сыпѣ (подразумѣвая подъ Сосвою то, что мы нынѣ зовемъ Малою-

---

съ товары, какъ сейчасъ стоятъ: а того де мы не вѣдаемъ и не слыхали куды они дорогу отъискиваютъ или съ товары пріѣзжаютъ; а про рыбій де зубъ не вѣдаемъ — у насъ не слыхать въ китайскомъ царствѣ, у Мангасея сѣй бы на моря корабли рыбьи; а Шамцы де къ намъ пріѣзжаютъ съ Чернаго-Моря, съ востоку и съ полудня. А того де мы не вѣдаемъ и не слыхали куда Мангасея дорогою, дороги не вѣдаемъ.

Да государя царя и великого князя Ѳедора Іоанновича всея Россіи посланникомъ, атаманомъ казачьимъ Ивашку Петрову да Кузнецу Яковлеву сказали про сосѣдъ ея китайскою пригородка: а въ Челкай Кунской землѣ Кушталъ про Обь,—великую рѣку: вѣсть до рѣки волокомъ, а имя ей Караталь; а за той де рѣкой Каратай есть у насъ кочетъ, кочевалъ; а впередъ де той рѣки Каратай у насъ кочуетъ Алачинъ Царь съ своими улусы прикачиваетъ; а та де рѣка впала въ ту рѣку Обь, рѣку великую, а тое де мы вершины не вѣдаемъ, а устья де мы не знаемъ.

Сравн. у Карамзина Т. IX пр. 648.

Также см. 6, 20 и 38 наши примѣчанія.

(13) См. прим. 6 и Словопов. «Историческое обозрѣніе Сибири» (1838 и 1844 г.) Ч. 2 пр. VI и XXXI.

Сосвою), земли и Вогуличи самовольно, перекрашенность и сношение этих племен с составлявшими ту Югру, на которую ходил Коробейн, и «Книга Большому Чертежу» определяют положительно эту сторону, сказать решительно, что они Сысва и по Сосву—Югра.

Название Югры, вошедшее в титул Ивана III, мы находим в исчислении летописцами племен, составлявших прежде такую-то область Чудь-Заволоцкую (14); значит, Югра была и по ту сторону Урала. Но так-как нет законных причин, которыя дали бы нам право отнести поход русских воевод на Лапонь, когда есть поход тоже описательно положить на старинных документах, то по этому несомненному свидетельству мы безотговорочно можем принять, что поводы наши, с весьма небольшим отрядом людей, спокойно знакомиться с местностью, с инородческими, действительно перешли Урал и достигли города Лапина, или по реки Мезень, впадающей через Сысву в Сосву и оттуда в Обь; но вся громада русской рати, не целою своею четырех-тысячным составе, переходить Урал, а тем паче достигать берегов Оби—никаким образом не могла, и не могла возвращаться в Москву вдоль Волги здорово живешь.

Карамзин, основываясь на актах и делах приказных (15), говорит, что сын Ивана III, Василий, употреблял на титулах названия югорского, и удорского, и обдорского, и кондинского и никак. Если Лапонь была Югра, а весь северо называлось Обдорией, то имена эти, вместе со именем Удоры, должны были входить в его титул. Но, однако, известно нам отечественных летописцев только, что они позволял именовать себя, кроме казанского и астраханского (хотя ни Казань, ни Астрахань по-тогда еще русскими провинциями), царем и государем пермским, вятским, болгарским и обдорским, и всея России государем и обладателем. Самое «кондийский» тут не упомянуто (16). Но если они и действительно именов-

(14) «На Сысве. Ки, так называемых народа Перми и других окрестных земель: Лопина, Устюжан, Вымичан, Вологжан, Пинежан (по Пинеге). Югичан (по р. Югу). Сермян, Рамгян, Вятчан, Лоп, Корелы, Югра, Печера, Вогуличи, Самоядь, Пертасы, Пермь, Самоядь Чусовая (Карамзин, т. V, пр. 138).

(Об Остяках и Вогулах достаточно см. «Инородные люди Строгановых» стр. 37—48 и «Книга Большому Чертежу» стр. 131.

(15) Карамзин т. VIII, гл. III, в прим. 357.

(16) «Великое княжение во Российской земле великого князя Василья Ивановича всея России.—35 (7030—1522).

«Великий Государь и великий князь Василий Иванович всея России сей во-истинну, на супротивных врагов своих храбрество показав, они и царе окрестные приходят к державной своей приходящие к нему и покоряющиеся служити ему.

«Сего ради и титлу именуя державы своей святая и тако же исконныя грамоты, так и по летописцам писати себе повелел, яко же издревле их русской земли, так и от Гаврила Великого князя, иного ни от кого сих титлов государьства, или сан—сице:

«Божиею Милостию Царь и Великий князь Василий Ивановичь—Владимирский, Московский, Новгородский и Псковский, Казанский, Астраханский, Государь Грузинских, Черкасских и Горских земель князей и иных многих земель Государь, и Отчич и Дедич и Наследник, и Обладатель.

вался кондинскимъ или кандинскимъ, то названіе это могло происходить или отъ названія одной изъ рѣкъ Двинской-Страны, Канды или Кондомы, подалеко отъ Онеги и близъ озера Нажмы (17), или изъ-самомъ-дѣлѣ отъ сибирской рѣки Кондомы, о которой мы могли знать по наслышкѣ, но которая, однакожъ, въ «Книгу Большому Чертежу» не внесена, не смотря на всю свою значительность.

Югра страна и народъ, бывшая въ древнія времена, можетъ-быть, тамъ же, гдѣ была и рѣка Югъ (Югъ, вмѣстѣ съ Сухоною, составляетъ Сѣверную-Двину), прозваніе котораго обратилось сначала въ Юговичи (по примѣру Волмичи, Вятичи и др.), а потомъ въ Югричи, могла въ-послѣдствіи времени разселиться и по обоимъ берегамъ Оби; но извѣстная намъ наша Югра, наши Остяки и Богуличи, жили только по ею сторону Урала и именно по Чусовой, по Сылвѣ, по Яйвѣ, по Вишерѣ, по Колупамъ и вообще въ верховьяхъ Печоры. Можетъ-быть даже, что подъ категорію Югры мы подводили и своихъ Самоѣдовъ, по примѣру того, какъ мы и нынѣче смѣшиваемъ иногда Самоѣдовъ съ Остяками и уже позже, пріучая себя къ правильному раздѣленію племенъ, бросили названіе Югры, а имя ея, рѣдко уже встрѣчающееся въ актахъ XVII вѣка, показается, однакожъ, во время сношенія царей Петра и Іоанна, въ концѣ XVII столѣтія, въ названіи Югорскихъ Самоѣдовъ (18).

Ростовскій и Ярославскій, Вологодскій и Пермскій и Вятскій, Болгарскій и Обдорскій и Газинскій и всея Россіи Государь и Обладатель.» (Изъ хронографа, рукописи конца XVII вѣка, по каталогу Румянцовскаго Музеума № 457).

Вѣроятно отъ Кондомы, по которой жили Богуличи — и вся долина Кондійская получила названіе Кондоріи.

(17) Книга Бол. Черт., стр. 188.

(18) Изъ грамматы, 1688 года марта 10, царей Петра и Іоанна и царевны Софьи коврольскому и московскому стольнику и воевод Мих. Ром. Бойкову о прекращеніи междоусобицы между Самоѣдами Мезенскаго тоурскаго берега съ Югорскими и Лѣсовыми Самоѣдами, видно, что Югорскіе и Лѣсовые были въ отношеніи къ Мезенскимъ, дальніе. (Собраніе Архангелогородскихъ грамматъ съ 1632 по 1688 годъ).

Сюда же внесемъ и слѣдующую грамату 1557 года, показывающую, около какихъ мѣстъ рано надобно искать нашу Югру (Изъ Собр. Госуд. Грам. и договоровъ Т. II, № 40 и Миллера стр. 71):

«Божіею милостію, отъ царя и великого князя Ивана Васильевича всея Русіи Казанскаго, и Новгородскаго, Казанскаго, Тверскаго, Смоленскаго, Астраханскаго, Пермскаго, Югорскаго и иныхъ,—на нашу отчину на Югорскую-землю Заказамскаго, на Сергорда князю Пенгѣю и всѣхъ княземъ Сергокидскіе—земли и лучшихъ людемъ, и середнимъ и молодымъ Ирмоловскаго людемъ Сергокидскіе—земли.

«Послалъ есми по свою дань Иванка, Васильева сына, Яковлинкова, да Игнашку, Яковля сына, Быченгинина, да Офоньку, Федорова сына, Гонцужина, да Ваську Лаптева.—И какъ къ вамъ, въ Сергорду, посланники по нашу дань прійдутъ — и ты князь Пенгѣй и всѣхъ княземъ Сергокидскіе-земли лучшіе люди, и середніе и молодые—собрали бъ есте нашу дань своей Сергокидскіе-земли всю сполна, со всякого человѣка по соболю, а собравъ бы есте нашу дань—да съ тою бъ есте данью князь Пенгѣй были къ вамъ къ Москвѣ, или бъ есте прислали къ Москвѣ съ нашею данью брата своего, или племянника, да земскихъ людей: а мы васъ ради жаловать и отъ сторонъ беречи, коли свою руку держать.

«А не соберете вы нашея дани со всякого человѣка по соболю и къ намъ въ Москву не пришлете—и мнѣ на васъ послать рать свою и вотчая себѣ!

Вообще же Югрой назывался народъ, разсѣянный по западнымъ и по восточнымъ склонамъ Урала; по сю сторону его — въ верховьяхъ Камы и Печоры, по ту сторону — «по Сысвѣ и по Сосвѣ». Но это были именно Остяки и Вогуличи, аборигены этого края, а не другое какое-либо племя, потому-что изъ сличенія разныхъ мѣстъ, гдѣ упомянуто имя Югры, мы не найдемъ нигдѣ намека на то, чтобъ названіе это было исключительно присвоено какому-нибудь одному, вымершему въ-теченіе XVI столѣтія, племени; но оно давалось только или Остякамъ, или Вогуламъ, или тѣмъ и другимъ вмѣстѣ.

Если же Югра или Югрія, а не Угра или Угорія, въ обширномъ смыслѣ, была страна между Карою и Печорою (19), включая сюда и опредѣленные уже нами южные ея предѣлы, и если вліяніе наше за Ураломъ ограничивалось одною рѣчкою Маньею — значитъ, то, что мы знали Сибирью, съ ея рѣками Тоболомъ, Иртышемъ и Обью-Великою, до царя Ивана-Грознаго, никогда не было ни покорено, ни покорено. Только Грозному и Ермаку, который узналъ про Сибирь въ-слѣдствіе связей, заведенныхъ съ Сибирью царемъ Иваномъ IV, мы обязаны обладаніемъ этой обширной страны, этой вѣрной опоры и неизмѣнной надежды Россіи въ будущемъ.

Однакожъ, кромѣ Югры, мы и про Сибирь давно и хорошо знали. Въ XV столѣтіи, Русскимъ извѣстно было много Тюменей, но они умѣли различать Хвалынскую Тюмень отъ той, которая лежала за Арантоной-Горой, то-есть, за Ураломъ: жители Великой-Перміи передавали Москвѣ вѣсти о набѣгахъ отъ Тобола разныхъ салтановъ, да

«А Устюжскихъ и Вычегодскіе-Соли выборнымъ судьямъ на тѣхъ нашихъ данщиковъ съ нашие царскіе службы, съ пути кто своротитъ, или чѣмъ изобидитъ — и тому отъ меня, царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи, — быть въ опалѣ и въ проторяхъ.

«А провожать нашихъ данщиковъ — Югорскимъ княземъ, и Югричемъ, и людемъ добрымъ отъ городка до городка, и отъ людей до людей, и беретчи нашихъ данщиковъ во всемъ по ряду, какъ прежь сего.

«А пріѣхати вамъ Сорыкитскимъ княземъ и вашимъ людемъ къ намъ на Москву, и отъ насъ отъѣхать вамъ доброволно, безъ всякіе запинки.

«А ся вамъ наша грамата — жалованная и опасная.

«Писано на Москвѣ, лѣта ,ѕѯѯѕ году.» 7065г.

(На оборотѣ:) «А у подлинные Великаго Государя граматы — печать на шелковомъ мутовкѣ, серебренная и вызолочена; а на печати — Великаго Государя въ лицѣ — орѣлъ двоеглавной съ коруны, а позади той печати чеканено: Великій Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичъ.»

(19) «Сѣверо-Восточная часть Европейской Россіи, — пространство между Печорою и устьями рѣки Кары — есть самая суровая, дикая и уединенная страна, прорѣзываемая цѣпями отраслями Уральскаго Хребта. Это древняя Угорія (Угрія). Внутренность этой страны есть льдистая, тундрѣстая равнина, нарѣдка посѣщаемая промышленниками, звѣроловами и занятая по мѣстамъ подвижными юртами Самоѣдовъ: гиперей. Самоѣды располагаются болѣе по берегамъ рѣкъ Печоры, Усы и Кары. — Пустозерекъ, подъ 67° 40′ широты есть почти единственно здѣсь селеніе Русскихъ, занятыхъ собираніемъ ясака и морскими промыслами» (К. Н. Арсеньевъ. Статистическіе очерки Россіи. С. Пб. 1848 стр. 169).

в Русскіе не упускали случая отплачивать непріятелямъ за ихъ враждебныя нападенія (20).

Но Сибирь все была не наша.

---

(20) А. I. Тюменка рѣчка течетъ 130 верстъ въ Хвалынское-море. (Кн. Бол. Чер. стр. 63).

2. Тюменскій городъ на устьѣ Тюменки (Id. стр. 63 и 164).

3. Тюмень-городъ на усть Терки, въ 180 верстахъ отъ Тарковъ и въ 500 верстахъ отъ Астрахани. (Id. стр. 60).

B. Рѣка Яикъ (нынѣ называется Уралъ) вытекла поровнѣ съ Аралтобою-Горою противъ верховья Тобола-рѣки.

Отъ Великія Тюмени рѣка Яикъ вытекла за 230 верстъ (Id. стр. 60).

А рѣка Тура течетъ изъ Камени отъ великія-Тюмени за 350 верстъ.

А отъ Тюмени 120 верстъ изъ Тура въ рѣку Тобольъ. (Ibid. стр. 217).

C. 1503 годъ.—Въ понедѣльникъ, на страстной, рать пришла безъ вѣсти отъ Тюмени на великую Пермь, Кудукъ-Салтанъ, Исака Царева сынъ, съ братьею и съ дѣтьми,—города по взяли, а землю пожгли, высекли, въ Усольѣ на Камѣ русаковъ вывели и высѣкли; а князь Василій Косеръ, на полѣ-волѣ, въ погоню посылалъ Русаковъ въ судахъ и лодьяхъ въ Сыдвѣ, на переводѣ ледную взялъ,—да и побили.—(Карамзинъ Т. VI, дополнительныя выписки изъ лѣтописей).

D. Было и сіе названіе Тюмень, какъ обозначеніе мѣстности въ вершинахъ рѣки Обвы, въ Великой Перми. (См. Атласъ Росс. изд. Акад. 1745.)

Для поясненія древняго значенія прирождественныхъ странъ дозволяемъ себѣ заимствовать слѣдующія наблюденія П. С. Савельева изъ сочиненія его «Мухаммеданская Нумизматика въ отношеніи къ Русской Исторіи» (С. Петербургъ 1847):

«На сѣверѣ Камѣ съ Булгаріею граничила *Пермь*, «Украина» финскаго міра (1), которую знали скандинавскіе мореплаватели подъ именемъ *Біарміи*, или *Біарміи*, давая это неопредѣленное названіе всей сѣверо-восточной полосѣ Россіи отъ Бѣлаго-Моря до горъ Уральскихъ. Уже въ половинѣ IX столѣтія смѣлый норвежскій викингъ, по имени Оттеръ, обогнувъ Кань-Норъ, проплылъ въ Бѣлому-морю, встрѣтилъ здѣсь Пермяковъ и самъ проникъ въ глубь страны... По слѣдамъ Оттера толпы викинговъ устремлялись на (сѣв.) Двину для торговли или грабежа и имя *Біармландія* сдѣлалось славнымъ на скандинавскомъ сѣверѣ... Послѣднее путешествіе Скандинавовъ къ берегамъ Бѣлаго-моря, о которомъ упоминается въ сагахъ, совершено было въ 1222 году. Съ той поры, въ теченіе трехъ столѣтій, Европа забыла сѣверо-восточный путь къ бѣломорскому побережью, и онъ вновь открытъ былъ англійскимъ мореходомъ Чанселлоромъ уже во времена Іоанна Грознаго и Маріи Стуартъ ..

«Подобно Скандинавамъ, Новгородцы вели съ Биармією и торговлю и войну. Они именовали ближайшую къ нимъ часть Биарміи Скандинавовъ *Заволочьемъ*, то-есть, страною, лежащею за волокомъ, который отдѣляетъ Онегу отъ Двины, восточной изъ положеній ея они давали уже названіе Печоры. За ними уже, по склонамъ Уральскаго кряжа, лежалъ край *Югорскій*. (Стр. CVIII—CXIII).

«Югра лежала за Уральскимъ Хребтомъ, по обѣимъ сторонамъ Оби, простираясь до береговъ рѣки Аміи на востокѣ. Жители ея и до-сихъ-поръ называются *Вогуломи*, именемъ, которое, по свойству финскихъ нарѣчій, есть не иное что, какъ діалектическое измѣненіе имени Угровъ. Они обитали, можетъ быть, и по сю сторону Урала. Новгородцы торговали съ ними по-крайней-мѣрѣ съ XI вѣка: первая наша лѣтопись сохранила о томъ современное сказаніе Юрія Торговчина, богатаго Новгородца, который посылалъ своихъ отроковъ (отрокъ — молодой парень, парень, молодецъ; нынѣ «молодецъ» значитъ «приказчикъ») въ Угру. «Угра же суть людіе языка инаго и говорятъ съ Самоядью (2) на полуночныхъ странахъ»... и оже кто хлѣтъ имъ жалѣзо и они хлѣтъ сворою (шкурами) противу (Несторъ подъ 1096 годомъ). Вѣроятно, и Волжскіе Булгары X и XI вѣка производили такой же мѣновой торгъ въ извѣстной точкѣ Урала, не переходя за горы: привозили сѣверы (бѣлки), о которыхъ говорятъ арабскіе писатели, а Югры сдавали сворою противную. Эти бѣлки, замѣчаютъ Арабы, были самые простые, безъ рукавчиковъ, безъ надписей и украшеній и Югры

ГЛАВА III-я.

Отношенія царя Ивана-Грознаго къ Сибири до Ермака.

Общенародное понятіе о Сибири. — Сибирь—страна, царство и городъ. — Мѣстоположеніе Сибири. — Бытъ Сибирцовъ тогдашняго времени. — Оффиціальное знакомство Руси съ Сибирью.—О дарѣ или дани.—Етигеръ. —Етигеровы послы.—Появленіе Кучума.—Граммата Кучума къ Грозному. — Кучумовы послы у Грознаго. — Русское посольство въ Сибирь.

«Моаметъ постави себѣ градъ на рѣкѣ Иртиши и нарече «Сибирь» и ту, живъ, умре: то и бѣ начальный градъ Сибирь, потомъ же и вся страна та прозвася «Сибирь». — Гради же коиждо свое имя имутъ по прилученію и по смотрѣнію, обще же «Сибирь» именуется, яко же и Римская страна и Италія нарицается — отъ Иттала нѣкоего, обладавшаго странами вечерними (Кроника Латынская): гради же всеа римскія страны разныя имена имѣютъ, обще же и Итталія наречется. — А какъ Сибирстіи гради именами нарицалися — и се невѣдомо ни отъ кого же и не испытанно, понеже бо преже живяше по всей Сибирской земли чюдь; посему и писанія несть.»

Первообразъ Есиповской Лѣтописи.

Сибирью, сколько догадываться можно, попросту называли у насъ все, что лежало за Камою и къ сѣверу и къ востоку. Знали мы, что въ странѣ этой есть горы, есть «Югорскій Камень» и есть «Каменный

передѣлывали ихъ въ багры или гарпуны для рыбной ловли.... Торговыя сношенія Булгаръ и съ зауральскою Югрою могли облегчать Вогулы, живущіе доселѣ по сю сторону горъ по рѣкѣ Вышерѣ, впадающей въ Каму. Еще въ XVI столѣтіи Югра не утратила торговаго своего значенія на сѣверѣ и въ Москву вывозили оттуда не только пушные товары, но и драгоцѣнные камни, которые получались Юграми (3) съ юга, отъ иноземныхъ купцовъ (это говорятъ Герберштейнъ и Лербергъ; но надобно предположить, что не Югра, а русскіе промышленники производили мѣну съ Бухарскими торговцами въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жила Югра, то-есть въ притокахъ Камы, по сю сторону Урала, и за Ураломъ).» (Стр. CIV—CVIII).

1) *Пермь*, Paärmä, есть финское слово, которое доселѣ употребляется въ значеніи «окраины», «украины», — fimbria, plica marginalis, inde margo, circuitus; но у Зырянъ—*Пермa* означаетъ вообще «возвышенность, преимущественно лѣсную». Syria—синонимъ того же слова, — margo, locus marginalis,—и сверхъ того «волокъ» — isthmus, terra tenuis inter maria. Слѣдовательно *Пермь* и *Зырянс* названія синонимическія и значатъ «украинцы». Одна изъ зырянскихъ волостей, въ Сольвычегодскомъ Уѣздѣ Вологодской Губерніи, до нашихъ временъ сохранила названіе *Малой Перми* или *Пермцы*. Въ частности, *Зыряне* суть жители Syria или волока, «Волочане». Заволоцкая Чудь, Заволочане, Zauolocenses позднѣйшихъ писателей. (Ibid. примѣч. 198).

2) Значеніе народнаго имени *Самоѣдовъ* не имѣетъ однакожъ ничего общаго съ идеею людоѣдства, а есть не иное что, какъ ославяненное *Самоди*, какъ по-сю-пору называютъ ихъ ближайшіе ихъ сосѣди, жители Архангельской-Губерніи, потомки высельцевъ Великаго-Новагорода (стр. CXIX).

3) По замѣчанію г. Шегрена названіе *Югры*, Jögra, сохранилось доселѣ между Зырянами: они называютъ Jögrajass (jass есть окончаніе ихъ множественнаго числа) своихъ сосѣдей, уральскихъ Остяковъ. Арабскіе писатели знаютъ Югру подъ именемъ *Юрд*. «Югры», говоритъ Абу-Хамедъ, «не имѣютъ пажитей, но живутъ въ болотахъ (тундрахъ) и питаются рыбою; путь въ ихъ страну всегда покрытъ снѣгомъ.»—Готъ Іорнандесъ, писатель VI вѣка, передаетъ извѣстіе, что Югра живетъ за Хозарами и Булгарами (Ibid.).

Поясъ», но не имѣли точнаго понятія ни о земляхъ, къ нимъ прилегающихъ, ни о направленіи этихъ возвышенностей. Самое различіе этихъ словъ «Каменъ» (гора) и «Поясъ» (хребетъ) даютъ поводъ къ уразумѣнію того, что Югорскимъ Камнемъ называли у насъ отроги Урала, распространяющіеся къ сѣверу отъ Карскаго-Моря до Канина-Носа, близъ котораго полагали, можетъ-быть, окончаніе этихъ отроговъ, извѣстное подъ именемъ «Югорскаго-Шара» (21); Каменнымъ же Поясомъ или Земнымъ Поясомъ назывался весь Уралъ, въ-послѣдствіи уже извѣстный у насъ подъ названіемъ «Аралтовой-Горы» (22).

Со словомъ «Сибирь» соединялось значеніе, близко подходящее къ тому, какое встарину мы придавали слову «нѣмцы». На западѣ и Шведъ, и Французъ, и Цесарецъ были, въ понятіяхъ русскаго, неученаго народа,—одна нѣ-христь, тѣ же нѣмцы. Такъ и на дальнемъ сѣверо-востокѣ: и Остякъ, и Вогуличъ, и Киргизъ, и Нагаецъ — все это была та же нѣ-христь, все одна чудь заблудящая, басурманы изъ Сибири. Но такъ-какъ племена эти, подъ одними и тѣми же наименованіями, обитали и по сю и по ту сторону Урала, съ тѣмъ различіемъ, что Чудь зауральская не была подчинена нашему владычеству, то и Сибирь, въ общемъ значеніи страны, населенной чудью или чужью, можно раздѣлить на двѣ стороны: на Сибирь русскую и на Сибирь нѣмцо́ную.

Земли по-сю-сторону Урала за Камою, хотя и мало намъ знакомыя, но покоренныя русскимъ оружіемъ и подчиненныя русскому вліянію, составляли конецъ русскаго края, сибирскую украйну, которую въ-послѣдствіи тоже стали звать Сибирью. Эта русская Сибирь кончалась за Югорскимъ-Камнемъ, въ границахъ воображаемыхъ, но неопредѣленныхъ ясно. Въ тѣхъ предѣлахъ этого края, куда русское оружіе не проникало, право наше основывалось на правѣ первоначальнаго занятія (jus primi occupantis) страны хотя и населенной, но дикой, невѣжественной, незаключавшей въ себѣ никакой идеи о государствѣ. Слово «Сибирь» въ устахъ народа до-сихъ-поръ осталось за тою частію Пермской-Губерніи, которая лежитъ между Камою и Ураломъ; до-сихъ-поръ собственно закамскіе жители называютъ себя Сибиряками и, говоря передъ нами про свою землю, говорятъ весьма-часто: «у насъ въ Сибири», а про наши края—«у васъ въ Расеи».

За этой русской Сибирью, по ту сторону Урала, лежала не наша Сибирь, Сибирь настоящая, по разноплеменности своихъ обитателей до-сихъ-поръ удержавшая за собой данное ей народомъ прозваніе «нѣмцо́ной». Здѣсь мѣста были намъ незнакомыя и вполнѣ неизвѣстныя, и обитатели ихъ не были нашими данниками.—Это второе значеніе слова «Сибирь», въ обще-употребительномъ смыслѣ всего Зауралья.

Но Сибирь имѣла еще третье, болѣе-тѣсное значеніе—значеніе отдѣльнаго политическаго союза племенъ, составлявшихъ самостоятельное, отдѣльное цѣлое. И этимъ-то словомъ мы преимущественно именовали особенное

---

(21) Полное Собраніе Законовъ Россійской Имперіи, № 296.

(22) См. Примѣч. 20 — B, 6, 12 и 58.

вогуло-татарское... положимъ—ханство, «Сибирскій-Юртъ» воинственныхъ, полу-идолопоклонническихъ, полу-мухаммеданскихъ племенъ. Слово «юртъ» мы принимаемъ въ тогдашнемъ его значеніи, которое у Курбскаго опредѣляется словами «царство, само по себѣ стоящее» (23), или независимую орду, у которой въ извѣстныхъ мѣстахъ были или постоянныя жилища или опредѣленные привалы, надлежащимъ образомъ ограниченные и называвшіеся юртомъ, городищемъ, городкомъ и даже городомъ.

Главный притонъ Сибирскаго-Юрта, столица, или собственно говоря «ханская ставка» сибирскаго владѣтеля—былъ городъ Сибирь, и здѣсь слово Сибирь является въ тѣснѣйшемъ, четвертомъ и послѣднемъ своемъ значеніи. Мѣстоположеніе этого города, по свидѣтельствамъ лѣтописцевъ, было на Иртышѣ, выше нынѣшняго Тобольска; новѣйшіе писатели говорятъ, что городъ Сибирь былъ въ шестнадцати верстахъ отъ соединенія Иртыша съ Тоболомъ.

Карамзинъ главный городъ сибирскаго юрта на Иртышѣ называетъ и Сибирью, и преимущественно Искеромъ. Такого города на Иртышѣ вовсе не существовало. Былъ городъ Искаръ, но не на Иртышѣ, а на Сосвѣ, въ 120 верстахъ отъ города Юиля, лежавшаго въ вершинахъ рѣки Сосвы, и верстахъ въ 300 отъ устья Сосвы, но это былъ городъ не татарскій, а именно югрскій, то-есть вогульскій, какъ видно изъ того, что̀ предки наши понимали подъ Югрою. Но такъ-какъ собственно «Ис-каръ», по толкованію знатока татарскаго языка, означаетъ вообще всякое старое городище (24), то развѣ только въ этомъ смыслѣ мы и можемъ принять названіе города Сибири, замѣнившее, можетъ-быть, встрѣчающееся у Герберштейна названіе Іерома.

По соображенію сказаній лѣтописцевъ о Сибирскомъ Царствѣ мы можемъ вывести заключеніе, что самыя обширныя границы сибирскаго юрта были на сѣверъ—устье Конды, впадающей въ Обь, на западъ — верховья Конды, Тавды, Туры, Тагила, Ницы, Пышмы и Исети, на югъ—лѣвый берегъ Ишима, а на востокъ—Иртышъ. Южнѣе Ишима шла Верхняя-Земля (вверхъ по Иртышу), но отъ кого находилась она въ непосредственной зависимости — отъ Сибири или отъ Ногаевъ — положительно рѣшить трудно. Въ-послѣдствіи времени, сліяніе Сибири съ югомъ происходило незамѣтно и по овладѣніи нами до-иртышскою страною, мы находимъ иныя запртышскія, барабинскія и около-обскія племена подъ вліяніемъ прежняго царя сибирскаго, а иныя подъ вліяніемъ Ногаицевъ. Надобно, однакожь, сказать, что «Книга Большому Чертежу» опредѣлительно обозначаетъ главные пункты собственно «Сибирскаго Царства».

Объ этой-то до-иртышской Сибири и о покореніи ея Русскими мы и будемъ здѣсь говорить, потому-что съ покореніемъ ея все, куда ни

---

(23) «Измаелитскимъ языкомъ обыкло нарицатися Царство само въ собѣ стоящее».—Сказанія князя Курбскаго. 1833 г. Ч. 1 стр. 41.

(24) «Историческое Обозрѣніе Сибири», Словцова, Ч. I, стр. XXIII.

двигалось русское народонаселеніе на сѣверо-востокъ отъ Московіи — все было Сибирь, и еслибъ мы успѣли, то-есть захотѣли, распространиться далѣе и завладѣть Пекиномъ—то и Пекинъ былъ бы Сибирью, то-есть въ Сибири.

Природные, туземные жители до-иртышской страны, которую мы будемъ звать просто Сибирью (тѣмъ правильнѣе, что царь Иванъ-Грозный посылалъ русскихъ людей въ Азію провѣдывать государствъ *за Сибирью*, значитъ за опредѣленною мѣстностью, и приказалъ имъ разузнавать о великой рѣкѣ Оби, о Мунгалахъ и о китайской землѣ), были Вогуличи и Остяки, идолопоклонники, или, какъ въ Сибири обыкновенно выражаются—были люди «камлáрскаго-толка», съ тою разницею, что жрецы сѣверныхъ племенъ назывались «шамáнами», а жрецы южныхъ, киргизскихъ племенъ — «кáмами» (25); жертвенныя дѣйствія первыхъ выражались глаголомъ «шамáнить», а жертвенныя дѣйствія послѣднихъ — глаголомъ «камлáть» и «камлáрить»: отсюда и камларскій-толкъ.

Прочіе, не аборигены, люди пришлые и обитавшіе въ этихъ мѣстахъ, были мухаммедане, Татары: тутъ были и Ногаи, и Киргизы, и Бухарцы, и другіе выходцы изъ Средней-Азіи, стремившіеся къ сѣверу по двумъ направленіямъ — по Аму-Дарьѣ на Яикъ и по Иртышу.

Въ это время, то-есть, въ половинѣ XVI столѣтія, по Сибири сильно распространилось мухаммеданство, и въ-слѣдствіе этого-то распространенія становятся понятными встрѣчающіяся иногда въ старинныхъ грамматахъ выраженія, въ которыхъ одинъ и тотъ же человѣкъ, и человѣкъ съ значеніемъ, именуется то Вогуломъ, или Остякомъ, то Татариномъ. Такъ, напримѣръ, извѣстный въ свое время Тувонча Кувандыковъ вездѣ именуется Остякомъ, а братъ его, еще-болѣе знаменитый —Епанча (Япанза) именуется то остяцкимъ головою, то татарскимъ княземъ, или просто—князцомъ и просто Татариномъ: это мы и доселѣ видимъ у себя—всякаго крещеная въ православную вѣру мы зовемъ Русскимъ, а вѣрующій въ Мухаммеда, кто бы онъ ни былъ—просто Татариномъ.

Жители Сибири были и осѣдлые, и кочевые, и бродячіе На-примѣръ, отдѣльные орды «епанчинъ», «неболсинъ», «аккана» и нѣкоторые другіе были осѣлые и имѣли пашни; другіе, менѣе цивилизованные, кочевали по берегамъ рѣкъ, перерѣзывавшихъ Сибирское Царство,—третьи безвыходно бродили по лѣсамъ и въ нихъ спискивали себѣ пропитаніе.

Сибирцы вообще вели жизнь, какую мы и нынѣче встрѣчаемъ въ племенахъ, которыя не доросли еще до европейскаго образованія; занятія ихъ ограничивались немногимъ: они занимались ловлею пушныхъ звѣрей въ густыхъ рощахъ и тайгахъ; на тучныхъ степяхъ пасли свои стада, поля засѣвали хлѣбомъ и производили мѣну звѣриными шкурами съ сосѣдними народами, вѣроятно и съ нашими промышленниками, давнымъ-давно выславшими въ Сибирь, съ меркантильными цѣлями, Зы-

(25) «Кам-камлжу у Абульгазы, по словамъ Клапрота, были восточные Киргизы. (Sur quelques antiquités de la Siberie, par Mr. Klaproth, Paris 1823) Болхвы нынѣшнихъ при-алтайскихъ Телеутовъ и Калмыковъ тоже называются «камами».

рапъ, которыхъ мы, при открытіи Сибири, встрѣчаемъ въ ней осѣлыми жителями, и съ которыхъ въ 1594 году русскіе воеводы брали аманатовъ—«заклады». Еще въ половинѣ XVI столѣтія извѣстно было, что Татары по Тоболу пашни пашутъ плугами и сохами; но, не смотря на то, что Сибирцы обитали въ странѣ, богатой роскошными рѣками, мы не находимъ убѣдительныхъ доказательствъ, которыя показывали бы, что Татары знакомы съ искусствомъ плавать по рѣкамъ на судахъ: напротивъ еще все удостовѣряетъ насъ, что въ эпоху Ермака, имъ, какъ кажется, вовсе были незнакомы ни плоты, ни лодки, и долго уже спустя они научились строить ихъ отъ Русскихъ, но и тогда рѣчныя суда не были у нихъ въ общемъ употребленіи. Съ одной стороны, оно и естественно: кочевой житель дорожитъ степью и при перекочевкѣ, по нуждѣ, какъ и теперь это дѣлается, переплываетъ рѣку на лошади: значитъ, рѣка ему не помѣха.

Оффиціальное наше знакомство съ Сибирью относится къ 1555 году, когда одинъ изъ владѣтелей Сибири—Етигеръ (изъ сличенія ясачныхъ списковъ видно, что имя это произносилось—Етыгаръ) прислалъ къ царю Ивану-Грозному своихъ пословъ поздравить его съ покореніемъ Царствъ Казанскаго и Астраханскаго и выразить желаніе, чтобъ мы утвердили спокойствіе и безопасность его земли (26). При этомъ прислалъ онъ въ дань, или, вѣрнѣе, въ да́ру—соболей и бѣлокъ.

Съ этого времени, Грозный сталъ именоваться повелителемъ Сибири (27).

Да́ру эту можно принимать или какъ настоящую дань, до чего Грозный и хотѣлъ довести Етигера, или только какъ поминки, какъ обычный поларокъ, ка́къ, по настоящему, и слѣдовало бы намъ смотрѣть на эту присылку.

Чтобъ увѣриться въ томъ, что подобныя присылки были въ обычаѣ, оставляя въ сторонѣ то, къ чему онѣ могли повести, мы приведемъ слѣдующія строки изъ интереснаго путешествія атамановъ и казаковъ Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева, которыхъ Грозный, въ 1567 году, посылалъ провѣдывать государствъ за Сибирью.

Разсказывая о своемъ путешествіи въ землѣ черныхъ и желтыхъ Мунгаловъ, они описываютъ прибытіе свое въ Китай и говорятъ, что въ бытность свою въ столицѣ китайскаго царства, они у самого царя не были «и царя не видали, потому, что нѣ съ чѣмъ къ нему было «идти. И посольскій дьякъ сказывалъ: таковъ-де у насъ чинъ въ Ки«тайской-Землѣ—безъ поминокъ передъ царя нашего не ходятъ. Хотя «бы-де нашъ государь послалъ къ нашему царю съ вами посланника«ми что́ не великое: и то бы-де онъ принялъ за великій даръ. А нашъ «бы царь съ своими посланниками, къ вашему государю тако жь бы «послалъ дары свои да и васъ бы, посланниковъ, пожаловалъ и очи

(26) Карамзинъ Т. VIII, гл. V.

(27) Hakluyt's Navigations, II, 255. Въ грамматѣ къ англійскому королю Эдварду VI Грозный именованъ Commander of all Siberia. Карамзинъ относитъ это къ 1554 году: см. его И. Г. Р. Т. VIII, Пр. 421.

«бы далъ свои видѣти. А нынѣ-де нашъ царь и дастъ вамъ граммату «къ вашему государю-царю, а пословъ не пошлетъ... Не то-де дорого, «что поминки: то-де дорого, что государь московскій царю нашему да- «ру послалъ» (28).

Обычай этотъ всегда существовалъ у всѣхъ восточныхъ владѣтелей; достаточно вспомнить только посольство Спафарія въ Китай, гдѣ и наши подарки вздумали считать данью (29). Такой же обычай и у насъ могъ существовать и существовалъ дѣйствительно. А въ-отношеніи къ сибирскимъ владѣтелямъ намъ, какъ народу сильнѣйшему, и нельзя уже было считать эти дары иначе, какъ данью, хотя приношенія эти были ничтожныя и ограничивались лишь нѣсколькими сотнями дорогихъ шкуръ; даже и въ-послѣдствіи, когда царь выразилъ ясно свою

---

(28) Изъ Хронографа: «о Государствахъ за Сибирью». Также Карамзинъ. Т. IX, пр. 648.

Вотъ, напримѣръ, еще отрывокъ изъ граммоты жигатскихъ мурзъ, 1597 года:

....«Молитва и поклонъ во томъ мѣстѣ, гдѣ былъ царь. Не говорили есмя и не «мирились—и нынѣ къ мирному мѣсту пришли есмя. И мы съ кѣмъ ни станемъ «мириться—ложно не станемъ говорить: впередъ Богомъ правду учнемъ говорить. «А нынѣ бъ естя на насъ не побранили—*лекой поминокъ послали ссмя, сорокъ со-* «*болей*.» (Собраніе государственныхъ граммотъ и договоровъ, часть II, № 64).

(29) Въ журналѣ, веденномъ въ Пекинѣ по случаю прибытія изъ Россіи посланника Николая Гавриловича Спафарія, граммату царя Алексѣя Михайловича Китайцы называли «докладомъ», а подарки, привезенные отъ него къ Богдохану—«данью».

Китайскіе министры представляли повелителю Срединнаго Царства, о нашемъ посольствѣ, слѣдующія рѣдкости и курьёзности, съ разрѣшенія нашего правительства въ-послѣдствіи времени и унасъ обнародованныя:

Переводъ съ китайскаго.

«Россійскаго Бѣлаго-Царя государство—лежитъ отъ нашихъ владѣній къ сѣверному морю въ самой отдаленности, откуда изъ самой глубокой древности въ Срединное Царство никогда посольствъ не бывало.

«Нынѣ же, по особенному уваженію къ премудрому вашего величества правленію—ихъ государь прислалъ приближеннаго своего министра съ докладомъ и данію, что самое заслуживаетъ одобреніе» и проч.

(Резолюція Богдохана). «Все сіе, въ общемъ князей и министерствъ собраніи со всякою подробностію разсмотрѣвъ, доложить намъ со справкою».

(Снова слѣдуетъ докладъ, въ которомъ между прочимъ значится):

«Россійскій Бѣлый-Царь, по чрезмѣрной отдаленности, прежде дани никогда не присылалъ.

«Нынѣ же, преклонившись къ мудрости вашего величества, въ первый разъ, чрезъ своего министра, доставилъ оную.

«И потому, для одобренія сего слѣдуетъ послать къ-нему указъ, и когда на сіе воспослѣдуетъ высочайшее вашего величества соизволеніе, то изготовленіе онаго предоставить сенату.

(Резолюція Богдохана). «Поступить по докладу.»

(Далѣе на вопросъ о посланникахъ сказано:)

«Бѣлый-Царь хотя чрезъ посланника своего и прислалъ дань, но таковые привозы даней не утвердительны. Если же впредь ежегодно оную присылать будетъ, тогда съ нашей стороны должно ли будетъ послать посланника, или нѣтъ?—Управляющій ихъ дѣлами, Монгольскій Трибуналъ, по разсмотрѣніи, долгъ имѣетъ войти съ докладомъ.»

(См. Сибирскій Вѣстникъ 1823 года, часть II.)

волю брать дань, а не подарки, то и тогда дань эта не превышала тысячи штукъ соболей. Напротивъ того, при покореніи Сибири, когда Сибирь сдѣлалась настоящею данницею, дань эта опредѣлена болѣе чѣмъ въ милліонъ шкурокъ.

Грозный не упускалъ Сибири изъ виду и положилъ твердое намѣреніе крѣпко держать ее въ своей могучей рукѣ.

Такъ, напримѣръ, въ 1557 году, «отъ сибирскаго князя Едигера пріиде посолъ ко царю и великому князю. И дань привезе; — но не исполнену: и того ради государь на сибирскаго посла опалу свою возложи и все имѣніе его повелѣ взяти на себя; въ Сибирь же посла своего посланника съ писаніемъ, яко да исправятся предъ нимъ. И привезоша дань исполнену со всея земли сибирскія — и во вѣки поработишася» (30).

Въ слѣдующемъ же году, Етигеръ «учинилъ себя въ холопствѣ» царю и великому князю всея Руси.

Вскорѣ послѣ этого въ Москву прибыли три посланца. Всѣ они были изъ Сибири: Чибичень отъ сибирскаго князя Етигера, Мамишихъ отъ сибирскаго царевича Муртазы, и Тагикинъ отъ царевича Ахметъ-Кирея. Всѣ они, по случаю стычекъ кочеваго племени, подъ предводительствомъ узбека Кучума съ юртомъ Етигера, и въ-слѣдствіе того остановки дани нашему царю — были задержаны въ Москвѣ и не отпущены въ обратный путь.

Это обстоятельство заставило владѣтеля одной ногайской орды ходатайствовать передъ царемъ объ ихъ выпускѣ. «Между мною и сибирскимъ царемъ» писалъ преемникъ Измаила: «ходятъ люди вѣстовые и ты бы Мамишиха и Тагикина-батыря, пріѣхавшихъ къ тебѣ изъ Сибири, отпустилъ: они люди мои, изъ Тюркмен-Улуса, а сибирскій посланецъ Тагикинъ въ Сибири былъ мнѣ другомъ».

Но царь, посылая къ ногайскому князю посланца, велѣлъ ему объяснить, что сибирскій царевичъ Муртаза — подѣлалъ данникамъ нашимъ множество обидъ, и поэтому Мамишиха и Тагикина отпустить непри-

---

(30) «7065 году мѣсяца ноября пришелъ изъ Сибири Митька Куровъ, посолъ царя и великаго князя, и съ нимъ пришелъ отъ Едигера, князя сибирскаго, посолъ Боянда, а привезъ царю и великому князю дани — семьсотъ соболей, а обысной (объ оной) дани писалъ Едигеръ князь и вся земля сибирская, что ихъ воевалъ шибанскій царевичъ, и людей поималъ многихъ. А Митька Куровъ сказывалъ, что имъ было возможно сполна дань прислать, да не похотѣлъ. И царь и великій князь на сибирскаго посла опалу положилъ, велѣлъ его животы поимать, а ему за сторожи сидѣть, а въ Сибирь послалъ служилаго Татарина съ граматою, чтобъ ся во всемъ предъ нимъ государемъ исправили.

«7066 году пріѣхали изъ Сибири царя и великаго князя служилые татарове — Девлетъ Козя да Сабанъ Рязановъ, а съ ними Едигеря князя посланники Истемиръ съ товарищи, и привезли дань сибирскія земли сполна, тысячу соболей, да дорожной поимянны сто соболей, да 69 соболей за бѣлку, *да грамату шертную привезли со княжіею печатью, что ся учинилъ князь въ холопстѣ*, а дань на всю свою землю положилъ впредь ежегодъ безпереводно царю и великому князю со всей сибирской земли давать. И царь и великій князь посла его Боянду выпустилъ, и очи своей дадъ (видѣти), и пожаловалъ — отпустилъ, а съ нимъ послалъ служивыхъ Татаръ по дань въ передній годъ. (Миллеръ стр. 73).

тоже; но еще прежде того въ грамматѣ къ нему царь писалъ: «Твоей дочери, жены сибирскаго князя, и сына ея не отпустилъ къ тебѣ для того, что зять твой, сидя въ Сибири на нашемъ юртѣ, не даетъ дани, за что я ему хочу мстить и доступать тотъ юртъ, дабы послѣ наказать имъ твоего внука. На сей разъ я не отпустилъ къ тебѣ Сибирянина Тагикина, потому-что онъ пришелъ ко мнѣ изъ Сибири, въ посольствѣ отъ царевича Ахметъ-Кирея» (31).

Въ этихъ выраженіяхъ мы видимъ новое доказательство, что Иванъ-Грозный, покоривъ Царство Казанское, твердо хотѣлъ и дальній востокъ держать въ покорности и заставить тамошнихъ владѣтелей признавать его верховную волю.

Что касается до третьяго етигерова посланца, Чибиченя, то онъ былъ отпущенъ въ 1563 году, и именно 16-го сентября, вѣроятно, въ то время, когда до Москвы дошло извѣстіе, что сынъ Муртазы, сдѣлался царемъ сибирскимъ (32).

Объ этомъ событіи лѣтописецъ нашъ, Савва Есиповъ, разсказываетъ коротко въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Ирінде степью изъ ка«зачей орды царь Кучумъ, Муртазьевъ сынъ, со многими воинскими «людьми. И донде до града Сибири, и градъ Сибирь взя, князей же «Етигера и Бекбулата уби и прозвася—сибирскій царь. И многи языцы «повинны себѣ сотвори. Царь же Кучумъ царствова въ Сибири лѣта «довольно во изобиліи и радости и веселіи многъ, дани и оброки со «многихъ языкъ имаше, даже до лѣта новелѣнія Господня, въ ня же «Богъ восхоте царство его разрушити и предати православнымъ хри«стіаномъ».

Кучумъ, котораго потомство представляетъ себѣ сначала удалымъ и счастливымъ наѣзднико̀мъ, а потомъ хилымъ, слѣпымъ, несчастнымъ старикомъ-скитальцемъ, происходилъ, какъ можно предполагать, изъ

---

(31) Ист. Обозр. Спб. Словцова, Т.I стр. XVIII и XIX. По изысканіямъ Миллера, Ахметъ-Кирей былъ старшій сынъ Муртазы, братъ Кучума; онъ въ-послѣдствіи убитъ былъ бухарскими посланцами. (Миллеръ стр. 37).

Изъ этихъ отрывковъ можно заключить, что Сибирью тогда называли 1) всѣ татарскія племена за Ураломъ, и 2) собственно Етигеровъ-юртъ.

(32) «1563 сент. въ 16, отпустилъ царь и великій князь Едигерова посла Чигибеня по измаилеву челобитью. Пришелъ онъ изъ Сибири съ данію и задержанъ потому: послѣ его приходу сибирскіе люди царю и великому князю измѣнили, дани государевымъ данщикамъ давать не учали и *взяли къ себѣ на Сибирь царевича Едигеря князя: государьскаго данщика Едигерь—царевичъ казанскій убилъ*» (Карамзинъ Т. IX. примѣч. 257). Такъ-какъ здѣсь не можетъ быть рѣчи о плѣнномъ казанскомъ царѣ Едигерѣ же, проживавшемъ въ Россіи и извѣстномъ подъ именемъ Симеона, великаго князя тверскаго, то ясно, что послѣднія слова выписки совершенно перепутаны. Ближе къ истинѣ будетъ, если мы станемъ читать такимъ образомъ: «Сибирскіе люди... измѣнили, дани... давать не учали и *взяли къ себѣ на Сибирь другаго царевича: Едигеря князя, государьскаго данщика, Кучумъ царевичъ казацкій убилъ.*» Можно указать множество примѣровъ тому, что простоватые переписчики лѣтописей, вмѣсто казанкій пишутъ — казанскій, а вмѣсто казакъ, множ. казацы, пишутъ—казацы. (Ср. Акты Историч. Т. I № 179—рѣчи князя Никиты Рожденовскаго. См. ниже примѣч. 35).

племени Ногаевъ, и именно изъ той ихъ орды, которая извѣстна была подъ именемъ Алтаульской. Орда эта кочевала около Арала и была въ постоянныхъ сношеніяхъ съ Хивой и Бухарой. Завязя родственныя связи съ разными предводителями ногайскихъ ордъ (33), Кучумъ зналъ отъ нихъ о русскомъ Бѣломъ Царѣ, еще подробнѣе узналъ объ немъ въ Сибири, но, окончивъ свои перекочевки овладѣніемъ сибирскаго юрта, онъ увлекся, можетъ-быть, легкою побѣдою, не захотѣлъ слѣдовать примѣру Етигера и не думалъ посылать къ Бѣлому Царю своей дани...

Въ 1569 году, въ московской тюрьмѣ сидѣлъ Татаринъ изъ Сибири, по имени Анса. Кто онъ былъ такой, когда онъ явился въ Москву, какъ попалъ въ тюрьму — мы не знаемъ. Достовѣрно, однакожъ, извѣстно, что Грозный обратилъ на Ансу свои милостивые взоры, повелѣлъ его отправить на родину, довезти его на казенный счетъ до Перми, съ тѣмъ, чтобъ воевода тамошній, князь Никита Ромодановскій, принялъ мѣры переслать его въ Сибирь немедленно.

При отъѣздѣ Ансы изъ Москвы, въ мартѣ 1569 года, ему вручена грамата для передачи ея новому властителю Сибири.

Грамата эта до насъ не дошла; но отрывокъ ея сохранился въ старинной книгѣ, названной «Титулярникомъ», вмѣстѣ съ отрывками другихъ грамматъ; изъ двухъ посольствъ Кучума въ немъ составлена общая выписка, которая въ томъ же видѣ, въ какомъ она помѣщена въ «Титулярникѣ», перепечатана потомъ у Карамзина и во второмъ томѣ «Собранія Государственныхъ Грамматъ и Договоровъ» (34). Изъ этой выписки, составленіе которой должно отнести къ гораздо — позднѣйшему времени, чѣмъ упоминаемые въ ней документы, видно, что Иванъ Грозный напоминалъ, въ своей граммать 1569 года, сибирскому сосѣду о его обязанностяхъ такими словами: «Прежъ сего сибирскій «Етигеръ князь на насъ смотрилъ, и съ сибирскіе земли, со всѣё, «на всякъ годъ дань къ намъ присылалъ»... Что дальше было сказано—неизвѣстно.

Въ это время между нами и Сибирью все было спокойно. Бывшій до 1570 года въ Перми князь Ромодановскій свидѣтельствовалъ, что во все время пребыванія его въ тѣхъ мѣстахъ, изъ сибирскихъ людей «задору никотораго не было», только однажды они увели съ Чусовой (но въ которомъ именно году, неизвѣстно) трехъ Пермяковъ,

---

(33) Кучумъ сына женилъ своего Алея на дочери ногайскаго владѣтеля Тинъ-Ахмета, а дочь выдалъ за ногайскаго же владѣтеля Акъ-Мирзу, или Икъ-Мирзу (Карамзинъ Т. IX прим. 638 и Словцовъ Ч. I стр. XVIII); въ концѣ своей горькой жизни Кучумъ всѣ надежды свои полагаетъ на Ногаевъ и Бухаръ (Карамзинъ Т. XI прим. 21 и Акты Истор. Т. II № 5); одинъ изъ взятыхъ Русскими въ плѣнъ сыновей его, Махметъ-Кулъ, состоя въ русской службѣ, назвался не по отчеству, не Кучумовичемъ, а Алтауловичемъ, можетъ-быть, въ память того рода Ногаевъ, къ которому онъ принадлежалъ. Во многихъ мѣстахъ Махметъ-Кула называютъ братомъ Кучума, но другой сынъ Кучума, Абдулъ-Хаиръ, называетъ Махметъ-Кула своимъ братомъ. (Собр. Госуд. Грам. и договоровъ Т. II № 67). См. также прим. 82.

(34) См. ниже примѣч. 36, равно Акты Историческіе Т. I. № 179.

Ивашку Позѣева съ двумя товарищами. Ивашко Поздѣевъ былъ въ самой Сибири, у Етигера. Въ разговорахъ и бесѣдѣ съ Ивашкой, сибирскій салтанъ сказывалъ ему, что онъ сбираетъ дань Бѣлому Царю, хочетъ послать къ нему пословъ, говорилъ также, что для него настало плохое время: война у него съ казацкимъ (кайсакскимъ) царемъ. «Одолѣетъ меня царь козацкой! Сядетъ онъ на Сибири!.. да вамъ все «равно—вамъ онъ тоже будетъ дань присылать».

Ровно черезъ годъ послѣ отправленія въ Сибирь Татарина Аиса, именно 17 марта 1570 года, пріѣхалъ въ Москву изъ Перми князь Никита Ромодановскій и привезъ съ собою татарскую граммату, о которой объявилъ, что ее доставилъ къ нему 6 декабря 1569 года Вогулетинъ изъ Пелыма, съ рѣки Конды, Ивака Ивакинъ сынъ и сказалъ только, «что тоё грамоту дали ему изъ Сибири».

Царя въ это время не было въ Москвѣ: онъ жилъ въ слободѣ Александровской.

Князь Ромодановскій передалъ граммату въ Боярскую Думу. Бояре перевели граммату на русскій языкъ, увидѣли, что это граммата отъ Кучума, навели справки въ дѣлахъ и всѣ эти бумаги, вмѣстѣ съ изложеніемъ приведенныхъ выше рѣчей, 21 марта 1570 года отправили къ царю въ слободу при слѣдующей отпискѣ:

«Господарю царю и великому князю Ивану Васильевичу, всея Русіи —

«Холопи твои Иванецъ Бѣлскій, да Иванецъ Мстиславскій, да Михалецъ Воротынскій, и всѣ бояре, челомъ бьютъ!

«По твоему Господареву приказу отъ тебя господаря отпущенъ съ Москвы, изъ тюрмы, сибирскій Татаринъ Аиса въ Сибирь, къ сибирскому царю съ грамматою, въ семьдесятъ седьмомъ году въ мартѣ мѣсяцѣ; а велѣно его изъ Перми отпустити князю Никитѣ Ромодановскому.....

«И привезъ, господарь, изъ Перми князь Никита Ромодановскій граммату сибирскаго царя татарскимъ письмомъ, и что, господарь, Никита рѣчію сказывалъ—и мы рѣчи тѣ, написавъ на списокъ, и съ сибирскіе грамматы переводъ, послали къ тебѣ, господарю».

Грозный прочелъ всѣ бумаги и отвѣчалъ:

«Бояромъ нашимъ князю Ивану Дмитріевичю Бѣльскому, да князю Ивану Ѳедоровичю Мстиславскому, да князю Михаилу Ивановичю Воротынскому, и всѣмъ нашимъ бояромъ.

«Писали есте къ намъ, про спросъ князя Никиты Ромодановскаго, и переводъ съ грамматы сибирскаго царя къ намъ прислали.

«И намъ тѣ вѣсти вѣдомы.

«И вы бъ о томъ поговорили:

«пригоже ли намъ съ сибирскимъ царемъ о томъ ссылатись?

«и почему въ Сибирь Татаринъ къ царю отпущенъ?

«и что съ нимъ писано?

«и въ которомъ году отпущенъ?

«Да что ваша будетъ мысль—и вы бъ приговоръ свой къ намъ отписали, да и грамматы, (которыя) посланы отъ насъ къ царю сибир-

скому (съ) Татарпномъ Апсою прислали къ намъ, не мѣшкавъ часа того.

«Писано въ слободѣ лѣта 7078...» (безъ сомнѣнія, въ мартѣ же мѣсяцѣ; иначе царь не торопилъ бы бояръ, приказавъ имъ не мѣшкать ни часа).

Вѣроятно, бояре поняли мысль государя, что при такой граммать ссылаться съ сибирскимъ царемъ нашему царю не пригоже—и дѣло до 1571 года оставалось, по-видимому, въ забвеніи.

Граммата, которую Кучумъ въ 1569 году прислалъ къ Ивану-Грозному, имѣла цѣлію мирныя условія и дружественное расположеніе, по духу, которымъ она проникнута, по манерѣ изложенія обстоятельствъ дѣла, и по разнымъ особенностямъ она такъ странна и такъ рѣзко очерчиваетъ степнаго Киргиза, превратившагося въ сибирскаго царя, что мы не можемъ не привести ее здѣсь для лучшаго уясненія дѣла, подлинникомъ и, разумѣется, безъ измѣненій. Вотъ она отъ слова до слова:

«Богъ богатъ!

«Вольный человѣкъ Кучумъ—царь, великій Князь—Бѣлый-Царь.

«Слыхали есмя... еси и справедливъ. Мы, и весь народъ,—земли воюютца, а не учнутъ воеватца—и онѣ мирятца. Съ нашимъ отцомъ твой о(тецъ) гораздо помирился—и *гости* на обѣ стороны ход(или, потому что земля твоя близка. Люди наши въ упокоѣ были, а межи нхъ лиха не было, а люд... въ упокоѣ въ добрѣ жили. И нынѣ, при нашемъ и при твоемъ времени, люди черные не въ упокоѣ.

«А по сн мѣста граматы къ тебѣ не посылалъ есми, потому что *съ нѣкоторымъ намъ война была, и мы того недруга взяли.* И нынѣ похошъ миру—и мы помиримся, а похошъ воеватися—и мы воюемся. Пяти, што человѣковъ въ поймапьѣ (аманатахъ) держать: землѣ въ томъ что?

«*Язъ пошлю посла и гостей*, да гораздо помиримся — только похошъ съ нами миру. И ты изъ тѣхъ людей одного, которые въ поймапьѣ сидятъ (можетъ-быть, Кучумъ разумѣлъ подъ ними Тагикина и Мамишиха), отпусти и своего человѣка съ ними къ намъ пришли гонцомъ.

«Съ кѣмъ отецъ чей былъ въ недружбѣ, съ тѣмъ и сыну его въ недружбѣ жъ быти пригоже. Будетъ въ дружбѣ бывалъ—имъ въ дружбѣ и быти! Кого отецъ обрѣлъ сего дру(га) и брата—сыну съ тѣмъ въ недружбѣ быти ли? И нынѣ... помиримся, братомъ старѣйшимъ... чимъ учнимся въ отечествѣ...ствѣ—только похошъ миру!

«И ты наборзе къ намъ гонца пришли.

«Молвя съ поклономъ грамматку послалъ». (35).

---

(35) Собраніе Госуд. Грамматъ и Договоровъ Т. II № 42. Въ сокращеніи граматка эта приведена у Карамзина Т. IX. пр. 257. Объ отпискахъ бояръ и царя см. Акты Истор. Т. I № 179. Мы въ нихъ прибавили два слова, исчезнувшія отъ времени: отсутствіе ихъ было обозначено точками.

Сверхъ помѣщенныхъ въ текстѣ подлинникомъ отписки бояръ и грамматы Кучума, прилагаемъ и слѣдующую выписку рѣчей князя Ромодановскаго, тоже въ подлинникѣ:

«Лѣта 7088 Марта 17 сію граматку Сибирского царя Кучума привезъ изъ Перми

Въ предѣлахъ, смежныхъ съ юртомъ сибирскимъ, обитали бродячія племена тѣхъ же народцевъ, отдѣльные роды которыхъ, по-сю-сторону Урала, находились уже въ покорности русскимъ властямъ въ чемъ насъ еще болѣе убѣдятъ въ-послѣдствіи строгоновскія грамматы. Кучумъ, распространяя мухаммеданство («законъ же царя Кучума — Махмета проклятово!» говорятъ лѣтописцы), а вмѣстѣ съ тѣмъ и свое вліяніе далѣе къ сѣверу и западу отъ Иртыша, подчинилъ себѣ сосѣднихъ намъ Югричей, Остяковъ и Вогуличъ; а такъ-какъ въ одну категорію съ ними легко могли попасть нѣкоторые изъ дѣйствительныхъ нашихъ данниковъ, что̀, можетъ-быть, и было причиною бунта Черемисы, которой сибирскіе люди помогали, то эта путаница дѣлъ, остановка въ обычной подати, страхъ мести и особенное желаніе мира заставили Кучума разсмотрѣть ближе свое положеніе и заискать себѣ благоволеніе русскаго государя.

Вотъ что, по нашему мнѣнію, было поводомъ къ приведенной выше граммата Кучума—дикой, конечно, для нашихъ современныхъ понятій, но достаточно-убѣдительной по понятіямъ Киргиза.

Кучумъ сдержалъ свое слово, и въ 1571 году въ Москвѣ явился отъ него посолъ Тамасъ, въ сопровожденіи того же Ансы, въ оффиціальномъ знаніи гонца, которому Москва была уже знакома. Они привезли съ собой вторую граммату отъ Кучума.

Обстоятельство это подало царю Ивану IV поводъ ясно выразить желаніе свое взять Сибирь сначала только подъ свое покровительство, или, какъ выражено въ актѣ — «подъ свою высокую руку и обереганье», а

князь Микита Ромодановскій, а сказалъ, что пріѣхалъ онъ изъ Перми по государевѣ граматѣ, а тое грамату привезъ къ нему Гогулетинъ изъ Конды, Ивака, Ивакинъ сынъ, съ Пелыма, о Николинѣ-дни осеннемъ. — А ему Ивакѣ, сказалъ (Микита), тое грамоту дали изъ Сибири.

«А которой Татаринъ сибирской Анса присланъ отъ государя въ Пермь, ко князю Микитѣ съ грамотою, а велѣно его отпустить въ Сибирь,—и того Татарина привезъ Сѣрой Дубровинъ въ Пермь, Іюня 3-го, и князь Микита, сказываетъ,—того Татарина отпустилъ въ Сибирь тогды жъ.

«*А какъ князь Микита жилъ въ Перми*—и при немъ, сказываетъ, отъ сибирскихъ людей задору ни котораго не было.

«А взяли было сибирскіе люди на Чусовой, *послѣ Ильина дни*, трехъ Пермяковъ, Ивашка Поздѣева съ товарищи, и былъ Ивашко *у царя въ Сибири* дѣнъ съ десять и отпустилъ его на подволахъ до Перми, а двухъ товарищевъ его оставилъ, а хотѣлъ и тѣхъ отпустить; а обиды, сказалъ (Поздѣевъ), не учинилъ никоторые, а говорилъ,—сказываетъ (Поздѣевъ), ему *царь*: нынѣ-деи дань сбираю господарю вашему царю и великому князю; пословъ пошлю; а нынѣча-деи мнѣ война съ *казанскимъ царемъ*; и одолѣетъ-деи меня царь казанской; и сядетъ на Сибири;—што и тотъ господарю дань учнетъ же давати.»

Мы не знаемъ навѣрное, съ котораго именно времени князь Ромодановскій жилъ въ Перми, и въ которомъ именно году сибирскіе люди заполонили-было Ивашку Поздѣева. Но несомнѣнно, что здѣсь сибирскимъ царемъ называютъ Етигера, а казанскимъ царемъ—Кучума.

Если Кучумъ окончательно овладѣлъ городомъ Сибирью около Николина-дни, 1569 года, то онъ властвовалъ въ ней 12 лѣтъ, а считалъ себя сибирскимъ царемъ почти 30 лѣтъ.

(См. также примѣчаніе 32).

потомъ уже подвести ее подъ совершенное подданство. Весь процессъ пріема пословъ и отписки къ Кучуму проливаютъ яркій свѣтъ на умную политику царя Ивана. Цѣль Грознаго была та, чтобъ безъ высылки войска, безъ большихъ пожертвованій — обезпечить себѣ подчиненность Сибири формальнымъ договоромъ, съ тѣмъ, чтобъ Сибирь, на первый разъ, признала себя страною покровительствуемою, обложенною легкимъ приношеніемъ, или данію «по прежнимъ примѣрамъ» и обязанною намъ въ вѣрности шертною, то-есть, присяжною записью, на которую стеченіе обстоятельствъ вынуждало Кучума. Дипломаты наши предоставляли будущему времени докончить дѣло, которому положено умно-разсчитанное начало.

Второй кучумовой грамматы мы въ подлинникѣ не имѣемъ и снова должны обратиться къ указанной уже нами выпискѣ изъ «Титулярника» для того, чтобъ и читателей нашихъ избавить отъ излишнихъ, ни къ чему не ведущихъ распространеній, да и самихъ-себя не поставить въ необходимость не такъ передать весь колоритъ слѣдующихъ подробностей о содержаніи заготовленныхъ къ подписи Кучума бумагъ (36).

«А се начало писано отъ Кучума ко царю и великому князю съ посломъ его Тамасомъ да съ гонцомъ Ансою и (7080—1571) году:

«Крестьянскому Бѣлому Царю и великому князю всеа Русіи».

«Да на полѣ: «Кучюмъ - Богатырь, царь, — слово наше».

да: «послалъ о томъ, чтобъ его царь и великій князь взялъ въ свои «руки, а дань, со всее сибирскіе земли ималъ по прежнему обычаю».

«А на свершенье у грамматы написано: «писано съ нишаномъ»; — а лѣта не написано.

«И царь и великій князь сибирского царя грамоты и его челобитье выслушалъ и подъ свою руку его и обереганье принялъ и дань на него положилъ на годъ тысячю соболей, да посланнику государьскому, который по дань пріѣдетъ—тысячю бѣлокъ. Да и грамоты и записи тому попысаны. А къ Кучюму царю, съ жалованною граматою, послалъ государь своего сына боярского, Третьяка Чабукова, и запись, какову написали послъ Тамасъ да гонецъ Анса и шерть по ней учинили, покрѣпити, да и дань у Кучюма царя взяти.

«А се начало въ государевѣ граматѣ:

«Всемогущаго, безначальнаго Бога неизрѣченнымъ милосердіемъ кре«стьянскаго закона единъ правый царь и великій князь..... Сибирскіе «земли начальнику, Кучюму-царю, милостивое слово любовнымъ жало«ваньемъ и доброю мыслью великое защищенье и богособные наше влас-

---

(36) Собр. Госуд. Грам. и Догов. Т. II № 45 и Карамзинъ Т. IX, примѣч. 257. Карамзинъ говоритъ, что излагаемая здѣсь выписка помѣщена въ государственной книгѣ Московскаго Архива Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, № 3, л. 79—84. Разница въ тонѣ подлинной первой кучумовой грамматы и помѣщенной въ выпискѣ, отказъ пословъ приложить печати или сдѣлать подписи, и убіеніе нашего посла—не вселяютъ слѣпаго убѣжденія, чтобъ прошеніе самого Кучума о взысканіи съ него дани было дѣйствительно выражено—такъ, какъ оно передается въ выпискѣ.

«сти всего твоего улуса людемъ безстрашное пребываніе и крѣпкое сло-
«во то.....

«А въ свершенье писано:

«И того для къ сему ярлыку на большое укрѣпленье золотую свою
«печать есми приложилъ. Отъ созданія Адамля ҂зп октября писанъ въ
«государьства нашего дворѣ града Москвы, а вашего лѣта 979 (гиджры).

«А се начало въ записи шертной, которую написали посолъ Тамасъ,
да гонецъ Аиса, да и къ шерти на той записи приведены:

«Божіимъ изволеніемъ и царя и великаго князя Ивана Васильевича
«всеа Русіи жалованьемъ язъ Кучумъ посылалъ есми своего посла, бью-
«чи челомъ по прежнимъ обычаемъ, да и тысячю соболей послалъ
«есми..... и посолъ нашъ и гонецъ, благодаря Бога и царя и великаго
«князя жалованье—нашею душею, и всѣхъ нашихъ добрыхъ людей ду-
«шею, и всѣхъ чорныхъ людей душею — царю и великому князю ро-
«ту крѣпкую и шерть дали на сей записи».

«А свершеніе въ записи:

«Язъ, Кучюмъ-царь, печать свою приложилъ, а лучшіе сибирскіе
«люди — руки свои приложили; и сю шертную запись писалъ Магмед-
«бакъ, Хозесеиновъ сынъ, лѣта 979».

«А въ приписи:

«А на томъ на всемъ язъ, посолъ Тамасъ да гонецъ Аиса, за госу-
«даря своего Кучюма-царя и за всѣхъ его лучшихъ людей, и за всю
«землю сибирскую, крѣпко есмя шерть учинили на томъ: какъ будетъ
«у государя нашего посланникъ Третьякъ Чабуковъ — и Кучюму-царю
«и лучшимъ его людемъ на сей записи и на царевѣ и великаго князя
«жаловальномъ ярлыкѣ—шерть учинити и печать своя къ сей записи го-
«сударю нашему Кучюму-царю приложити..... А печатей нашихъ, моеё
«Тамасовы и моеё Аисины и рукъ нашихъ у сей записи нѣтъ, потому
«что грамотѣ и писати не умѣемъ».

«А въ рѣчи Третьяку велѣно отъ государя — Кучюму-царю поклонъ
«правити и рѣчь говорити по наказу.»

Но Кучумъ — убилъ Чабукова (37)...

Значитъ, дѣло приняло дурной оборотъ: Сибирь намъ не поддавалась.

Но тѣмъ не менѣе царю Ивану-Грозному, лично ему одному, принадлежала первая мысль укрѣпить за собою Сибирь средствами, нетребовавшими огромныхъ пожертвованій. Тридцать лѣтъ эта мысль не покидала его.

Здѣсь мы видѣли только одну сторону постепеннаго развитія этой мысли; есть еще и другая сторона: тамъ мы тоже увидимъ, какъ стремился Грозный къ своей цѣли — овладѣть Сибирью.

---

(37) Карамзинъ Т. X, прим. 35 и 37; Словцовъ Ч. I, стр. XX, Миллеръ, стр. 87.

ГЛАВА IV-Я.

Связь имени Строгоновыхъ съ Сибирью.

Пріобрѣтеніе земель за Камою.—Граммата Строгоновымъ на Каму.—Сравненіе ея съ другими современными и древнѣйшими подобными же грамматами. — Граммата Строгоновымъ на Чусовую. — Набѣгъ Черемисы. — Вѣсти о сибирскомъ салтанѣ.—Граммата Строгоновымъ на всю Сибирь.— Строгоновскіе города. — Поколѣнъ историковъ на Строгоновыхъ. — Поводъ лѣтописца къ этому.

«Помните — въ прежнихъ временахъ ве-
«ликаго князя Василья Васильевича оку-
«пили изъ полону: какой великой чести
«сподобились!»

Царская граммата Строгоновымъ 29 марта 7118 г.

(1510 г.)

Въ-продолженіе этого времени, русскій промышленый людъ, по слѣдамъ Новгородцевъ, продолжалъ знакомиться съ зауральскимъ населеніемъ. Зыряне, разсѣянные, какъ кажется, въ западныхъ предѣлахъ допертышской страны и всегда отличавшіеся своимъ меркантильнымъ направленіемъ, посредственно и непосредственно укрѣпляли торговыя связи Руси съ Сибирью. Вологжане, Устюжане и жители Великой-Пермія успѣли провѣдать про царство сибирское: ихъ сношенія и знакомство двора московскаго съ Етигеромъ какъ - нельзя - лучше соотвѣтствовали видамъ и ожиданіямъ царя Ивана-Грознаго на страну, богатую пушнымъ товаромъ и изобильную драгоцѣнными металлами. Покореніе Казани придвинуло насъ еще ближе къ Аралтовой-Горѣ, надѣлявшей въ давнія времена Великій-Новгородъ закамскимъ серебромъ.

Въ 1558 году, одинъ изъ представителей торговаго дома въ тогдашней Восточной-Руси, «купецкаго чина человѣкъ», то-есть, промышленикъ, Григорій Аникіевъ Строгоновъ, заявилъ правительству, что за Чердынью, по обѣимъ сторонамъ рѣки Камы, до самой Чусовой, то-есть, по-сю-сторону Урала, есть мѣста пустыя, дикія, никѣмъ необитаемыя, никому непринадлежащія, для всѣхъ безполезныя, и просилъ позволенія искать здѣсь *рассолъ*, варить соль, призывать работниковъ, и рубить лѣсъ; но при этомъ *обязывался* поставить дворы, построить

на свой счетъ городокъ, имѣть при немъ пушки и беречь нашу границу отъ ногайскихъ и иныхъ ордъ (38).

Мѣсто было незнакомое и неизвѣстное: нельзя навести справки.

Разспросили тамошнихъ людей — и узнали, что за Чердынью земля точно лежитъ впустѣ, что съ этой пустоши нисколько теперь никакихъ пошлинъ въ царскую казну не поступаетъ, но даже и прежде, Казанскому-Царству обитатели этихъ мѣстъ никакихъ податей или ясаковъ не вносили: значитъ, земля эта была чисто-ничья, res nullius.

Царь исполнилъ просьбу Григорья Строгонова и 4-го апрѣля 1558 года далъ ему одну изъ тѣхъ грамматъ, какія обыкновенно и всегда давались разнымъ людямъ на пустоши, въ опредѣленной формѣ, въ казенныхъ выраженіяхъ и съ извѣстнымъ ограниченіемъ срока пользованія. Но такъ-какъ мѣстность эта находилась въ сосѣдствѣ съ ногайскими и иными ордами, то и на этотъ счетъ, согласно видамъ царя Ивана, сообразно съ мѣстными обстоятельствами и по просьбѣ самого Строгонова, сдѣлано было надлежащее опредѣленіе.

Мѣсто на безоброчное пользованіе землею и на выварку соли назначено отъ устья рѣчки Лысвы, по обѣ стороны Камы, до впаденія въ нее рѣки Чусовой; на черныхъ-лѣсахъ, гдѣ было мѣсто крѣпко и осторожливо, дозволено городокъ поставить и на немъ пушечки и пищали учинить для береженья отъ невѣрныхъ; разрѣшено искать рассола и соль варить; позволено, по общепринятому порядку, подзывать къ себѣ изъ Русскаго-Царства людей, только съ условіемъ, чтобы приманенные люди были не письменные и не тяглые, то-есть, не утвержденные за поземельными владѣльцами и другими людьми кабальною записью; льгота отъ платежа податей со стороны будущихъ пахарей, будущихъ колонистовъ дана на двадцать лѣтъ. Но тутъ же строго внушено Григорью Строгонову — и это обстоятельство, упущенное

---

(38) Замѣтимъ здѣсь кстати, что Строгоновы въ это время были обыкновенные люди купецкаго чина, а именитыми людьми, т. е. купецкими людьми съ правомъ на *вичъ*, сдѣлались они уже съ 1582 года по слѣдующему случаю: Въ 1582 году Борисъ Годуновъ долго не являлся ко двору; когда Грозный, по навѣтамъ Ѳедора Нагихъ (Нагаго), заподозрилъ Годунова въ оскорбительномъ для величества неудовольствіи и злобѣ его на государя, между-тѣмъ, какъ Борисъ отзывался болѣзнію, то, чтобъ увѣриться въ истинѣ этой болѣзни, царь самъ поѣхалъ къ Годунову и лично убѣдился въ его немощахъ, осмотрѣвъ его раны. «Тогда государь (говоритъ «лѣтописецъ), видѣвъ Бориса оболгана, и рече ему: кто ти врачуетъ болѣзни сія? «Онъ же отвѣща, яко цѣлитъ моя язвы Великія Перми купецкаго чина человѣкъ, «именуемый Строгоновъ (Строгоновыхъ). Царь же повелѣ пріити ему предъ себѣ и «вопрошаше о настоящей борисовой скорби. Свидѣтельствовалъ же и увѣдѣ истину «и повелѣ того купца назвати *выше гостя*. И отъ того времени тѣ Строгоновы начали «именоватися съ *вичемъ*,—*именитыми людьми*»..... Значитъ, это было вовсе не званіе и не сословіе, какъ иные силились доказать, а только почетное величанье, именованье, даронное наремъ *одному* изъ Строгоновыхъ, которые, сдѣлавшись именитыми людьми, остались тѣми же купцами, что и прежде. Новыя заслуги дали имъ при Петрѣ Великомъ дворянство и титулъ бароновъ; дальнѣйшіе подвиги увѣнчаны титуломъ графскимъ. Изъ этого видно, до какой степени правъ строгоновская лѣтопись, и до какой степени правы историки, возложившіе на нее свою вѣру. (См. Карамзина И. Г. Р. т. IX, стр. 356 и прим. 618 и 653.)

изъ виду нѣкоторыми писателями, мы просимъ особенно замѣтить — чтобъ онъ *не дерзалъ принимать къ себѣ «воровъ и боярскихъ людей былыхъ съ животомъ и татей и разбойниковъ»*; царь предупреждалъ его, что *если «Григорій станетъ не по сей граммать ходити, или учнетъ воровати—и ся наша грамматa не въ граммату»*.

Въ нѣкоторыхъ ученыхъ сочиненіяхъ, проникнутыхъ духомъ Строгоновской Лѣтописи, говорится объ этой граммать какъ о чудѣ удивительномъ: «грозный царь жаловалъ Строгоновыхъ землями! давалъ имъ несудимую граммату! только одного себя признавалъ ихъ судьею! это были владѣтельные князья того времени! у нихъ были цѣлые города! огромныя деревни, свои крестьяне...!»

Заслуги Строгоновыхъ незабвенны въ нашей исторіи: если мы вспомнимъ только про старину, то уже одинъ приписываемый имъ ими окупъ князя Василія-Темнаго и подтверждаемое неоспоримыми документами самоотверженіе ихъ въ годину междоцарствія укажутъ намъ, кто́ были для Россіи Строгоновы; потомъ, сколько предки этого дома надѣлали добра своею казною казнѣ государственной, сколько подвиговъ они совершили для науки, для исторіи и въ прошедшемъ и въ настоящемъ — это уже всѣмъ извѣстно.

Но эти-то самыя заслуги и не позволяютъ намъ говорить про Строгоновыхъ неправду, особенно если неумѣстное увлеченіе можетъ повлечь за собою какой-нибудь, даже малѣйшій, укоръ ихъ въ худомъ дѣлѣ.

Оставляя въ сторонѣ ихъ собственную личность, обратимся къ нашему предмету и прослѣдимъ слѣдующую граммату.

«Граммата Царя Ивана Грознаго отъ 4 апрѣля 7066 (1558) года объ отдачѣ Григорью Строгонову *въ аренду* земель по рѣкѣ Камѣ до устья рѣки Чусовой.

«Се азъ, царь и великій князь Іоаннъ Васильевичъ всеа Русіи, пожаловалъ есми Григорья, Аникіева сына, Строгонова, что намъ билчеломъ, а сказывалъ, что-де

«Въ нашей отчинѣ, ниже Великія Перми, за восемьдесятъ за восемь верстъ, по Камѣ рѣкѣ, по правую сторону Камы рѣки—съ устья Лысвы рѣчки, а по лѣвую-де сторону рѣки Камы противъ Ныскорскія Курьи, по обѣ стороны Камы, до Чусовыя рѣки—мѣста пустыя, лѣса чорные, рѣчки и озера дикія, острова и наволоки пустые, а всего-де того пустаго мѣста сто сорокъ шесть верстъ. *И прежде де сего на томъ мѣстѣ пашни не паживаны и дворы не ставвали и въ мою де царева, великаго князя, казну съ того мѣста пошлина никакая не бывала и оные не отданы ни кому и въ писцовыхъ де книгахъ и въ купчихъ и въ правежныхъ то мѣсто не написано ни у кого.*

«И Григорій Строгоновъ билъ намъ челомъ, а *хочетъ* въ томъ мѣстѣ *городокъ поставити* и на городѣ *пушки и пищали учинити и пушкарей и пищальниковъ устроити* для береженья отъ ногайскихъ людей и отъ иныхъ ордъ и около того мѣста *лѣсъ* по рѣчкамъ и до вершинъ и по озерамъ *сѣчи* и *пашни*, расчистя, *пахати* и *дворы ставити* и *людей называти* неписменныхъ и не тяглыхъ, и *росолу искати* и гдѣ найдется росолъ и *варницы ставити*, и *соль варити*. И мнѣ бы

Григорья Строгонова пожаловати, велѣти ему на томъ мѣстѣ городокъ поставити собою, и на городѣ пушки и пищали учинити и пушкарей и пищальниковъ устроити собою *для береженья отъ ногайскихъ людей и отъ иныхъ ордъ;* и около того мѣста лѣсъ по рѣчкамъ и до вершинъ и по озерамъ велѣти сѣчи и пашни росчистя велѣти пахати и дворы ставити и *людей* велѣти *называти* и въ томъ бы мѣстѣ велѣти росолу искати, гдѣ найдется, и соль бы ему тутъ велѣти варити.

«И здѣся, на Москвѣ, казначеи наши про то мѣсто спрашивали Пермитина Кодаула — а пріѣжжалъ изъ Перми ото всѣхъ Пермичъ съ данію; и казначеемъ нашимъ *Пермитинъ Кодаулъ сказалъ*: о которомъ мѣстѣ намъ Григорей бьетчеломъ и *тѣ де мѣста искони вѣчно лежатъ впусть и доходу въ нашу казну съ нихъ нѣтъ никотораго.*

«*И оже будетъ такъ*, какъ намъ Григорей бьетчеломъ и Пермякъ Кодаулъ, и съ тѣхъ будетъ съ пустыхъ мѣстъ прежъ сего нашихъ даней не шло и нынѣ съ нихъ дани никоторыя пойдутъ и съ Пермичи *не тянутъ ни въ какія подати и въ Казань ясаковъ не даютъ и прежъ того не давывали и Пермичамъ* и проѣжимъ людемъ *никоторые споны не будетъ*, —

«*И азъ царь* и великій князь Іоаннъ Васильевичъ всеа Русіи Григорья, Аникіева сына, Строгонова *пожаловалъ, велѣлъ* есми *ему на томъ пустомъ мѣстѣ* ниже Великія Перми за восемьдесятъ за восемь верстъ по Камѣ рѣкѣ, по правую сторону Камы рѣки съ устья Лысвы рѣчки, а по лѣвую сторону Камы рѣки противъ Пыскорскія Курья, внизъ по обѣ стороны по Камѣ до Чусовыя рѣки, на черныхъ лѣсѣхъ, *городокъ поставити*, гдѣ бы мѣсто было крѣпко и осторожливо, *и на городѣ пушки и пищали учинити и пушкарей и пищальниковъ и воротниковъ велѣлъ ему устроити собою* (т. е. на собственный его, Строгонова, счетъ) *для береженья отъ* ногайскихъ людей и отъ иныхъ ордъ, и около бъ того городка ему по рѣчкамъ и по озерамъ и до вершинъ *лѣсъ сѣчи*, и *пашни* около того городка *распахивати* и *дворы ставити* и *людей* ему въ тотъ городъ *не письменныхъ и не тяглыхъ называти; а изъ Перми и изъ иныхъ городовъ нашего государства Григорью тяглыхъ людей и письменныхъ къ себѣ не называти и не пріимати.*

«*А воровъ ему и боярскихъ людей, бѣглыхъ съ животомъ и татей и разбойниковъ не принимати же.*

«А пріѣдетъ кто къ Григорью изъ иныхъ городовъ нашего государства, или изъ волостей тяглые люди съ женами и съ дѣтьми и станутъ о тѣхъ тяглыхъ людехъ присылати намѣстники, или волостели, или выборныя головы, и Григорью тѣхъ людей тяглыхъ, съ женами и съ дѣтьми, отъ себя отсылати опять въ тѣ жъ городы, изъ котораго города о которыхъ людяхъ отпишутъ имянно, а у себя ему тѣхъ людей и не держати и не принимати ихъ.

«А которые люди кто пріѣдутъ въ тотъ городъ нашего государства, или иныхъ земель люди съ деньгами или съ товаромъ, соли или рыбы купити, или иного товару, и тѣмъ людемъ вольно тутo товары свои продавати и у нихъ покупати безо всякихъ пошлинъ. А которые люди

пойдутъ изъ Перми жити—и тѣхъ людей Григорью имати съ отказомъ не писмянныхъ и не тяглыхъ.

«*А гдѣ въ томъ мѣстѣ росолъ найдутъ—и ему тутъ варницы ставити и соль варити, и по рѣкамъ и по озерамъ въ тѣхъ мѣстахъ рыба ловити безоброчно.*

«*А гдѣ будетъ найдетъ руду серебряную* или медяную, или оловянную и Григорью тотчасъ о тѣхъ рудахъ *отписывати* къ нашимъ казначеямъ, а *самому* ему *тѣхъ рудъ не дѣлати* безъ нашего вѣдома, *а въ пермскія ему ухожеи и въ рыбныя ловли не входити.*

«А *льготы* есмы ему *далъ на 20 лѣтъ* отъ Благовѣщеньева-дни лѣта семь-тысячъ шестьдесятъ-шестаго, до Благовѣщеньева-дни семь-тысячь восемдесятъ-шестаго. И *кто* къ нему *людей* въ городъ, и на посадъ и около города на пашни, и на деревни, и на починки *придутъ жити* не письмянныхъ и не тяглыхъ людей—*и* Григорью *съ тѣхъ людей* въ тѣ льготные 20 лѣтъ *ненадобѣ* моя царева, великаго князя, *дань, ни ямскія деньги, ни ямчюжныя, ни посошная служба, ни городовое дѣло, ни иныя никоторыя подати, ни оброкъ съ соли и съ рыбныхъ ловель въ тѣхъ мѣстѣхъ.*

«А которые люди ѣдутъ мимо тотъ городокъ нашего государства, или иныхъ земель съ товары или безъ товару, и съ тѣхъ людей пошлины не имати ни которыя, торгуютъ ли они тутъ, не торгуютъ ли.

«А повезетъ онъ или пошлетъ ту соль или рыбу по инымъ городамъ, и ему съ той соли и съ рыбы *всякія пошлины давати, какъ и съ иныхъ съ торговыхъ людей* наши пошлины емлютъ.

«А кто у него учнетъ въ томъ его городкѣ людей жити пашенныхъ и непашенныхъ, и *нашимъ* пермскимъ *намѣстникомъ* и ихъ тіуномъ *Григорья Строгонова, и что его городка людей и деревенскихъ — не судити ни въ чемъ* и праведчикомъ и доводчикомъ и ихъ людемъ къ Григорью Строгонову и къ его городка и деревенскимъ людемъ не въѣзжати и на поруки ихъ не даютъ, и не высылаютъ ихъ ни по что, *а вѣдаетъ и судитъ Григорій своихъ слобожанъ самъ во всемъ.*

«А кому будетъ иныхъ городовъ людемъ до Григорья какое дѣло—и тѣмъ людемъ на Григорья *здѣсь* имати управныя грамматы, а по тѣмъ управнымъ грамматамъ обоимъ, ищеямъ и отвѣтчикамъ, безприставно *ставиться на Москвѣ предъ нашими казначеи* на тотъ же срокъ, на Благовѣщеньевъ-день.

«*А какъ* тѣ *урочныя лѣта отойдутъ, и* Григорью *Строгонову* наши всѣ *подати* велѣти *возити* на Москву *въ* нашу *казну на* тотъ же *срокъ*, на Благовѣщеньевъ-день, *чѣмъ ихъ* наши *писцы обложатъ.*

«Также есьми Григорья, Аникіева сына, Строгонова пожаловалъ: *коли* наши *послы поѣдутъ* съ Москвы *въ Сибирь или изъ Сибири къ Москвѣ*, или съ Казани наши посланники пойдутъ въ Пермь, или изъ Перми въ Казань *мимо тотъ его городокъ* —и Григорью и его слобожанамъ нашимъ сибирскимъ посломъ и всякимъ нашимъ посланникомъ, въ тѣ его льготныя 20 лѣтъ, подводъ и проводниковъ и корму не давати (подразумѣвается — даромъ), *а хлѣбъ и соль и всякой запасъ* торговымъ людемъ въ городѣ держати, *и посломъ, и гонцомъ, и про-*

ѣжжимъ людемъ продавати по цѣнѣ, какъ межъ себя купятъ и продаютъ; и подводы, и суды, и гребцы, и кормщики наймуютъ полюбовно всякіе люди проѣжжіе, кому надобенъ и хто у нихъ дешевле похочется наняти.

«Также есьми *Григорья*, Аникіева сына, Строгонова *пожаловалъ: съ Пермичи ему никоторыя тяглы не тянути* и счету съ ними не держати ни въ чемъ *до тѣхъ урочныхъ лѣшъ*, и во всякія угодья Пермичамъ, въ земляныя и лѣсныя, отъ Лысвы рѣчки по Камѣ по рѣчкамъ и по озерамъ и до вершинъ до Чусовыя рѣки, у Григорья не вступатися ни въ которыя угодья въ новыя, а владѣютъ Пермичи старыми угожеи, которыми изстари владѣли.

«А Григорей владѣетъ своими новыми угожеи, съ которыхъ угожеевъ и со всякихъ угодей *въ нашу казну* никоторыхъ *пошлинъ не шло, и въ Казань ясаковъ* нашимъ боярамъ и воеводамъ въ нашу казну *не плачивали, и прежъ того въ Казань не давывали*.

«А что *будетъ Григорей намъ*, по своей челобитной, *ложно билчеломъ или станетъ не по сей грамматѣ ходити, или учнетъ воровати,— и ся моя граммата не въ граммату*.

«Дана граммата на Москвѣ, лѣта 7066, апрѣля 4 дня.» (1558)

У подлинной грамматы на шнуру вислая красная печать.

На оборотѣ грамматы надписано:

Царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи.

Приказали Окольничій Ѳедоръ Ивановичъ Умной,

да *Алексѣй Ѳедоровичъ Одашевъ*,

да Казначей Ѳедоръ Ивановичъ Сукинъ,

да Хозяинъ Юрьевичъ Тютинъ (39).

Подобныхъ грамматъ было множество и прежде и послѣ этого времени; такъ, на-примѣръ, при Грозномъ же, именно 20 мая 1578 года, дана была граммата попу Іеву на разсолъ въ Колмогорскомъ-Уѣздѣ на Ширшемскомъ-Озерѣ на пустомъ мѣстѣ. Граммата эта не такъ обширна, потому-что попъ Іевъ не просилъ позволенія ни крѣпостей строить, ни людей созывать: онъ просилъ только безоброчной выварки соли, всего на семь лѣтъ. О людяхъ и о самосудѣ и потому еще ничего не сказано, что попъ Іевъ заявилъ, что къ той церкви, при которой онъ состоялъ, «приходу крестьянъ нѣту ни откуды, и церковь отъ волостей далече».

Если бы порыться хорошенько въ старинныхъ грамматахъ, издалека можно бы было начать нить документовъ, подобныхъ строгоновскимъ грамматамъ—документовъ тѣмъ болѣе важныхъ, что они пролили бы яркій свѣтъ на систему постепеннаго усиливанія Московскаго-Великокняжества. Къ нашему предмету рѣчь объ этомъ не йдетъ; мы люди простые, и потому беремся за первую учебную книгу по части старинныхъ грамматъ (40) и найдемъ въ ней подкрѣпленіе нашей мы-

(39) Миллеръ, стр. 77 и слѣд.

(40) Изъ «Собранія Палеографическихъ Снимковъ» г. Иванова (Москва, 1842 года) здѣсь помѣщены первыя четыре приводимыя нами грамматы; остальныя двѣ грам-

сли, т. е. что фразы, которыми иные восхищаются — *фразы, общія мѣста.*

Въ 1448 году дана была граммата отъ великой княгини Софіи (Витовтовны) игумену Сергіевскаго-Монастыря Мартиньяну на село Кувакинское съ деревнями и пустошами. Въ этой грамматѣ, кромѣ разныхъ льготъ, сказано, на счетъ переманиваемыхъ крестьянъ («кого перезовутъ *не изъ моихъ волостей, ни изъ селъ*»), между-прочимъ слѣдующее: «А волостели мои къ тѣмъ людемъ, старожильцамъ и пришлымъ, «не всылаютъ ни по что̀, ни кормовъ у нихъ не емлютъ, ни доводники, «ни праведшики у нихъ не берутъ, ни судятъ ихъ ни въ чемъ опричь «душегубьства, а судитъ свои люди игуменъ самъ, или кому прика-«жетъ. А волостель и его тіунъ не вступаются въ монастырскаго чело-«вѣка ни въ праваго, ни въ виноватаго».

Въ такихъ же выраженіяхъ дана граммата сыномъ ея великимъ княземъ Васильемъ Васильевичемъ Темнымъ въ 1449 году женѣ какого-то именитаго человѣка, Каннина, Марьѣ и сыну ея Ѳедору. Въ этой грамматѣ дается льгота отъ податей и другихъ повинностей—на старожильцовъ на пять лѣтъ, а касательно тѣхъ крестьянъ, которыхъ Каннина вновь къ себѣ перезоветъ—на десять лѣтъ. И въ этой грамматѣ встрѣчаются выраженія: «оже будетъ такъ!»; «которые люди переже того туто не живали, а перезовутъ изъ иныхъ княженей, *а не изъ моей*, великаго князя, *отчины*»; «а кому будетъ чего искати на Маріи и на её сынѣ, или на ихъ приказникѣ, ино ихъ сужу язъ самъ, великій князь».

Въ грамматѣ великаго князя Ивана III симоновскому архимандриту съ братіею, отъ 1464 года, сказано: «Не надобѣ моя дань и ни-«которая пошлина на пять лѣтъ; а письменныхъ имъ людей моихъ, «великого князя, и не письменныхъ къ собѣ не принимати; а вѣдаетъ «и судитъ архимандритъ своихъ людей самъ, или кому прикажетъ; а «намѣстницы мои, и волостели, и ихъ тіуны къ нимъ не всылаютъ «ни по што̀, ни кормовъ своихъ у нихъ ни которыхъ не емлютъ.»

Точно такія же грамматы даны въ 1517 году Степанку, Осифку, и Володкѣ Ѳедоровымъ и Ромашкѣ Фролову на земли въ Устюжскомъ-Уѣздѣ, и въ 1524 году Наумку Кобелю на соляныя варницы и другія угодья въ устюжской землѣ на рѣкѣ Юрѣ.

Изъ соображенія этихъ извлеченій съ тою грамматою, которая дана была Григорью Строгонову на лысвинскія пустоши, можно вывести заключеніе, что въ строгоновской грамматѣ не было ничего чудеснаго.

Если предположить, что приводимые нами, для сравненія, документы не были извѣстны нашимъ ученымъ изслѣдователямъ о сибирскомъ покореніи (чего, по нашему убѣжденію, допускать вовсе нельзя), то тѣмъ неменѣе все-таки для насъ кажется непонятною, кромѣ пропуска нѣ-

---

маты, подобныя строгоновскимъ, Ромашкѣ Фролову и Наумкѣ Кобелю, читатель можетъ найдти въ 1-мъ томѣ «Актовъ Археографич. Экспедиціи»: одну подъ № 163, а другую подъ № 386.

которыхъ фразъ, еще и та легкость, съ которою ученые наши читали строгоновскія грамматы, не углубляясь, кажется, вовсе въ ихъ настоящій смыслъ.

Съ чего, напримѣръ, нѣкоторые изъ нихъ полагаютъ, или заставляютъ своихъ читателей полагать, будто-бы Строгоновы, въ описываемую эпоху, сдѣлались, въ-слѣдствіе этихъ грамматъ, *вотчинниками* закамской стороны? Почему они сдѣлались вотчинниками чусовскихъ земель въ-послѣдствіи времени—это другой вопросъ; но были ли они вотчинниками именно въ описываемую эпоху?

Съ чего ученые наши взяли, будто-бы Строгоновы имѣли *свои города*? Зачѣмъ они не объяснили значенія этого слова читателямъ, незнакомымъ съ дѣломъ? Съ чего они взяли, что Строгоновы имѣли *своихъ* людей и, при томъ, въ такомъ еще количествѣ, что, въ 1581 году, могли, изъ среды ихъ, имѣть въ своемъ распоряженіи триста человѣкъ разноплеменныхъ *ратниковъ*, которыми они усиляли, будто-бы, ермакову дружину?

Извѣстно, что во времена Ивана-Грознаго поземельная собственность основывалась или на правѣ помѣстномъ, или на правѣ вотчинномъ, или на правѣ поссессіонномъ — назовемъ его кортомою, кортомленьемъ, даже арендою.

Очевидно само-собою, что земли, уступленныя Строгоновымъ, не могутъ быть подведены подъ первый разрядъ; подъ второй ихъ подвести нельзя, потому-что, если даже признать царское пожалованіе — царственною записью, дареніемъ, то и въ этомъ случаѣ вотчинное право не обусловлено, или не выражено никакимъ положительнымъ опредѣленіемъ. Напротивъ, грамматы ясно говорятъ, что Строгоновымъ предоставлено было только *пользованіе*, въ извѣстныхъ случаяхъ, естественными богатствами данной мѣстности, но далеко не въ тѣхъ размѣрахъ, которые неразрывно связаны съ правомъ собственности полной; что, вмѣстѣ съ правами, предоставленными лично Строгоновымъ, нѣкоторыя такого же рода права предоставлены и будущимъ переселенцамъ на эти мѣста, и что, наконецъ, сущность и результатъ царскаго дара заключались главнѣйше въ *пожалованіи* Строгоновыхъ *льготою*.

Сообразивъ эти обстоятельства съ тѣмъ, что предполагаемые колонисты закамской стороны не были, по тогдашнимъ правамъ, крѣпки землѣ, а тѣмъ паче лицу, что каждому свободному человѣку дано было полное право селиться, по собственной волѣ, на земляхъ, предоставленной въ пользованіе Строгоновыхъ, что идея какъ первой, такъ и остальныхъ строгоновскихъ грамматъ, состояла исключительно въ государственныхъ видахъ на Сибирь, съ цѣлію колонизаціи сибирской украйны— мы полагаемъ, съ своей стороны, за справедливое признать, что упоминаемыя въ грамматахъ къ Строгоновымъ земли даны были имъ не въ вотчину, а въ поссессію, въ аренду, въ кортому... и сердечно сожалѣемъ, что наши ученые изслѣдователи не обратили на этотъ важный предметъ никакого вниманія, не объяснили дѣйствительныхъ правъ Строгоновыхъ *на всю Сибирь*, по третьей граммать, 1574 года, которую мы тоже приведемъ здѣсь, и упущеніемъ всего этого изъ виду

дали право или поводъ нѣкоторымъ писателямъ выразить мысль печатно, даже въ 1848 году, что *Строгоновы подарили русскаго царя Сибирью!*

Вотъ причины, которыя извиняютъ насъ въ томъ, что, обѣщая легкіе разсказы нашимъ читателямъ, мы потчуемъ ихъ до-сихъ-поръ полновѣсными тяжелыми главами; но это необходимо для разъясненія фактовъ... Обратимся же къ нашему предмету.

Получивъ первую граммату, Строгоновы разослали бирючей по сосѣднимъ мѣстамъ и кликнули кличъ; переходъ крестьянъ отъ одного поземельнаго владѣльца къ другому былъ тогда свободный; къ Строгоновымъ явился народъ—и черезъ шесть лѣтъ мы уже видимъ у нихъ Канкоръ-городокъ, или слободку, на Камѣ, и желаніе богатаго солевара основать другую слободку, но все еще не въ Закамскомъ-Краѣ, не въ чужи, а почти во-своясяхъ.

Лѣтъ черезъ десять послѣ того, другой Строгоновъ, Яковъ, нашелъ новый разсолъ, опять-таки по сю же сторону Урала, на пустошахъ не подвластныхъ ни теперь Руси, ни прежде Казани. Строгоновъ видѣлъ, что это мѣсто ничье и, какъ добрый подданный, довелъ объ этомъ до свѣдѣнія государя, прося его дозволить ему и тутъ, заодно ужь, распространять свои промыслы.

Царь Иванъ IV былъ очень-доволенъ, видя новый случай еще ближе придвинуться къ Сибири, которая его давно интересовала. Онъ разрѣшилъ просьбу Строгонова и, въ-слѣдствіе этого, далъ ему слѣдующую, дополнительную къ первой, граммату:

> Отъ 25 марта 7076 (1568) года, объ отдачѣ Якову Строгонову въ аренду земель по обѣ стороны Камы, отъ устья Чусовой внизъ на 20 верстъ и по всѣмъ притокамъ чусовской системы.

«Се азъ царь и великій князь Іоаннъ Васильевичъ всеа Русіи пожаловалъ есми Якова, Аникіева сына, Строгонова, что онъ намъ билчеломъ, а сказывалъ, что-де

«Они, въ нашей отчинѣ, въ тѣхъ же мѣстахъ, которыя мѣста дали есми имъ на льготу, да и грамматы жаловальную брату его Григорью отдали отъ Лысвы рѣчки до Чусовыя рѣки, по обѣ стороны Камы рѣки, мѣста пустыя, лѣсы черные, рѣчки и озера дикія, а всего-де того пустого мѣста по Камѣ на сто по сорокъ на шесть верстъ.—А по Чусовой рѣкѣ вверхъ, на пустомъ мѣстѣ, при наволокѣ, напли росолъ, и они-де у того росолу, безъ нашего вѣдома, крѣпости учинити не смѣютъ; а по другую-де сторону Чусовыя рѣки съ устья и до вершины и отъ Чусовыя рѣки внизъ по рѣкѣ по Камѣ, до Ласвинскаго бору, по обѣ стороны Камы рѣки, острова и наволоки, мѣста пустыя, лѣсы черные, и рѣчки и озера дикія; а всего-де того пустого мѣста на двадцать верстъ имъ не даны и *въ* нашей *жалованной грамматѣ тѣ* у нихъ *пустыя мѣста не написаны*, и пашни на томъ мѣстѣ не пахиваны, и дворы не ставили, и въ нашу де цареву и великаго князя казну съ того мѣста пошлина никакая не бывала, и не отдано-де то мѣсто никому, и въ писцовыхъ-де книгахъ, и въ купчихъ, и въ ра-

вежныхъ грамматахъ то мѣсто не написано ни у кого, и у Пермичъ до въ тѣхъ мѣстѣхъ, писменныхъ въ писцовыхъ книгахъ ухожествъ пять никоторыхъ.

«И Яковъ хочетъ у того у соленаго промыслу *крѣпости подьлати* собою, *городокъ и варницы поставити* и *людей называти* неписменныхъ и нетяглыхъ и городовой нарядъ скорострѣльный, пушечки и затинные и ручные пищали учинить, и пушкарей, и пищальниковъ, и кузнецовъ, и плотниковъ, и воротниковъ устроити, и сторожей держати собою жь, для приходу ногайскихъ *лошадей* (людей?) и иныхъ ордъ. — И намъ бы Якова, Аникіева сына, Строгонова пожаловати на томъ пустомъ мѣстѣ у соленаго промыслу въ Чюсовой рѣкѣ, которое мѣсто имъ дано на льготу отъ Лысвы рѣчки внизъ по рѣкѣ по Камѣ до Чюсовыя рѣки, а отъ устья рѣки Чюсовыя по рѣкѣ по Чюсовой вверхъ и по другую сторону у Чюсовыя рѣки съ устья и до вершины, и отъ Чюсовыя рѣки внизъ по рѣкѣ по Камѣ, до Ласвинскаго бору по обѣ стороны Камы рѣки — *крѣпости подьлати* собою, *городокъ и варницы поставить* и *людей называти* неписменныхъ и нетяглыхъ, и городовой нарядъ скорострѣльный, пушечки и затинные и ручные пищали учинить, и пушкарей, и пищальниковъ, и кузнецовъ, и плотниковъ, и воротниковъ устроити, и *сторожей держати* собою жь *для приходу ногайскихъ людей и иныхъ ордъ*, и около того мѣста *лѣсъ* по рѣчкамъ и до вершинъ и по озерамъ *сѣчи*, и *пашни пахати*, и *сѣна* розчистя *косити*, и всякими *угодьи владьти*.

«*И оже будетъ такъ*, какъ намъ Яковъ, Аникіевъ сынъ, Строгоновъ биличеломъ!

«И азъ, царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи Якова, Аникіева сына, Строгонова, по его челобитью, пожаловалъ, велѣлъ ему на томъ пустомъ мѣстѣ на Чюсовой рѣкѣ, въ тѣхъ же мѣстѣхъ, которыя мѣста за ними въ нашей прежней жаловальной грамматѣ написаны у соленаго промыслу, гдѣ они нынѣ росолъ нашли, *крѣпости подьлати* и *городокъ поставити*, и *городовой нарядъ* скорострѣльной, *пушечки* и затинные *пищали* и ручные *учинити*, и *пушкарей*, и *пищальниковъ*, и *кузнецовъ*, и *плотниковъ*, и *воротниковъ устроити* и *сторожи держати* собою *для береженія отъ ногайскихъ людей и отъ иныхъ ордъ*, и около бы городка у соленаго промыслу *варницы и дворы ставити*, *по обѣ стороны Чюсовыя рѣки*, по рѣчкамъ и по озерамъ и до вершинъ, и отъ Чюсовыя рѣки *по обѣ стороны Камы рѣки внизъ на 20 верстъ* до Ласвинскаго бору, по рѣчкамъ и по озерамъ и до вершинъ *лѣсъ сѣчи* и *пашни пахати*, и *пожни расчищати*, и рыбными *угодьи* и иными всякими *владьти*, и *людей неписменныхъ* и *нетяглыхъ называти*, а нашей бы казнѣ въ томъ убытка не было.

«А изъ Перми и изъ иныхъ городовъ нашего государства Якову *тяглыхъ людей и писменныхъ къ себѣ не называти* и *не принимати*, а *воровъ ему, бѣглыхъ съ животомъ, татей и разбойниковъ не пріимати жъ*.

«А пріѣдетъ кто къ Якову изъ иныхъ городовъ нашего государства, или изъ волостей, тяглые люди съ женами и съ дѣтьми, и станутъ о тѣхъ тяглыхъ людехъ присылати наши намѣстники, или волостели, или вы-

борные головы—и Якову тѣхъ людей тяглыхъ, съ женами и съ дѣтьми, отъ себя отсылати опять въ тѣ жъ городы, изъ котораго города о которыхъ людехъ опишутъ имянно, и у себя ему тѣхъ людей не держати и не пріимати ихъ.

«А которые люди кто пріѣдетъ въ тотъ городъ нашего государства, или изъ иныхъ земель люди, съ деньгами, или съ товаромъ, соли или рыбы купити, или иного товару, и тѣмъ людемъ вольно товары свои *продавати*, и у нихъ *покупати безъ всякихъ пошлинъ*.

«А которые люди пойдутъ изъ Перми жити, и тѣхъ людей Якову имати съ отказомъ неписменныхъ и петяглыхъ.

«А гдѣ въ томъ мѣстѣ росолъ найдутъ—и ему тутъ варницы ставить, и соль варити, и по рѣчкамъ и по озерамъ въ тѣхъ мѣстѣхъ рыбы ловити безоброчно.

«А гдѣ будетъ найдутъ *руду серебряную*, или мѣдяную, или оловянную—и Якову тотчасъ о тѣхъ рудахъ отписывати къ намъ, а *самому* ему тѣхъ рудъ *не дѣлати* безъ нашего вѣдома.

«А *въ пермскіе ухожеи* и *въ рыбные ловли* Якову *не входити*, которые писаны у Пермичъ въ писцовыхъ книгахъ и въ правежныхъ грамматахъ.

«А *льготы* есми ему далъ на тѣ новыя мѣста, о которыхъ намъ Яковъ билчеломъ по другую сторону Чюсовыя рѣки и отъ Чусовыя рѣки по Камѣ внизъ на 20 верстъ по обѣ стороны Камы рѣки до Ласвинскаго бору на *10 лѣтъ* въ тужъ льготу, чѣмъ ихъ прежъ того пожаловалъ по Григорьеву челобитью, отъ Благовѣщенья-дни лѣта семь-тысячь семдесятъ-шестаго, до Благовѣщенья жъ дни лѣта семь-тысячь восемдесятъ-шестаго.

«И *кто къ нему людей* въ городокъ, и на посадъ, и около города на пашни, на деревни, и на починки, *придутъ жити* неписменныхъ и петяглыхъ людей — *и* Якову *съ тѣхъ людей*, въ тѣ льготные 10 лѣтъ, *ненадобь моя*, царя и великаго князя, *дань*, ни ямскіе, ни лячужныя деньги, ни посошная служба, ни городовое дѣло, ни иные *никоторыя подати*, ни оброкъ съ соли и съ рыбныхъ ловель въ тѣхъ мѣстѣхъ.

«А которые люди ѣдутъ мимо тотъ городокъ нашего государства или иныхъ земель съ товары или безъ товару—и съ тѣхъ людей пошлины не имати никоторые, торгуютъ ли они тутъ, не торгуютъ ли.

«А повезетъ онъ, или пошлетъ, ту соль или рыбу по инымъ городамъ — и ему съ той соли и съ рыбы всякія пошлины давати, *какъ и съ иныхъ торговыхъ людей* пошлины емлютъ.

«А кто у него учнетъ въ томъ его городкѣ людей жити пашенныхъ и непашенныхъ — и нашимъ пермскимъ намѣстникомъ и ихъ тіуномъ Якова Строгонова, и что его городка людей деревенскихъ, не судити ни въ чемъ, и правежчикомъ и доводчикомъ и ихъ людемъ къ Якову Строгонову, къ его городка и ко деревенскимъ людемъ, не въѣжжати ни по что, и на поруки ихъ не даютъ, и не высылаютъ къ нимъ ни по что, а *вѣдаетъ и судитъ Яковъ своихъ слобожанъ самъ во всемъ*, или кому прикажетъ.

«А кому будетъ иныхъ городовъ людемъ до Якова какое дѣло — и

тѣмъ людемъ на Якова здѣся имати управныя грамматы, а по тѣмъ управнымъ грамматамъ обоимъ, ищеямъ и отвѣтчикамъ, безприставно *ставиться на Москвѣ предъ нами* на тотъ же срокъ, на Благовѣщеньевъ-день.

«*А какъ тѣ урочныя лѣта отойдутъ—и Якову* Строгонову наши *всѣ подати* велѣти *возити на Москву* въ нашу казну на тотъ же срокъ, на Благовѣщеньевъ-день, чѣмъ ихъ наши писцы обложатъ.

«Также есми Якова, Аникіева сына, Строгонова пожаловалъ: коли онъ, или его люди, или его слободы крестьяне поѣдутъ отъ Вычегоцкія-Соли мимо Пермь на Каму въ слободу, или изъ слободы къ Вычегоцкой-Соли — и наши пермскіе намѣстники и ихъ тіуны и доводчики, и всѣ приказные люди въ Пермѣ, Якова и его людей и его слободы крестьянъ — на поруки ихъ не даютъ и не судятъ ихъ ни въ какихъ дѣлѣхъ.

«Также есми Якова, Аникіева сына, Строгонова, пожаловалъ: коли наши послы поѣдутъ съ Москвы въ Сибирь, или изъ Сибири къ Москвѣ, или изъ Казани наши посланники поѣдутъ въ Пермь, или изъ Перми въ Казань, мимо тотъ его городокъ — и Якову и его слобожаномъ нашимъ сибирскимъ *посломъ* и всякимъ нашимъ *посланникомъ*, въ тѣ его льготные 10 лѣтъ, подводъ и проводниковъ и корму не давати, а *хлѣбъ, и соль, и всякій запасъ* торговымъ людемъ въ городѣ держати, и посломъ и гонцомъ и проѣзжимъ людемъ и дорожнымъ *продавати по цѣнѣ*, какъ межъ себя купятъ и продаютъ; и подводы и суды и гребцы и кормщики наймуютъ всякіе люди проѣзжіе, кому надобѣ и кто у нихъ дешевле похочетъ ся наняти.

«Также есми Якова, Аникіева сына, Строгонова пожаловалъ: съ Пермичи ему никоторыя тяглы не тянуть и счоту съ ними не держати ни въ чемъ до тѣхъ урочныхъ лѣтъ и во всякія угодья Пермичамъ, въ земляные и въ лѣсные, отъ Чюсовыя рѣки по обѣ стороны Камы рѣки, до Ласвинскаго бору по рѣчкамъ и по озерамъ и до вершинъ — у Якова не вступатись ни въ которые угодія въ новые, которыхъ угодій у Пермичъ въ писцовыхъ книгахъ и въ правежныхъ грамматахъ, не написано; а владѣютъ Пермичи старыми угожеи, которыми изстари владѣли по писцовымъ книгамъ.

«А Яковъ владѣетъ своими новыми угожеи, съ которыхъ угожеевъ и со всякихъ угодей въ нашу казну ни которыхъ пошлинъ не шло, и въ Казань ясаковъ нашимъ боярамъ и воеводамъ въ нашу казну не плачивали.

«*А* что *будетъ* намъ *Яковъ* по своей челобитной *ложно билчеломъ, или станетъ не по сей грамматѣ ходити, или учнетъ воровати, и ся моя граммата не въ граммату.*

«Дана грамата на Москвѣ, лѣта 7076, марта въ 25 день.»

У подлинной грамматы приложена вислая красная печать.

На оборотѣ подписано:

Царь и великій князь Иванъ Васильевичъ, всеа Русіи.

Дьякъ Дружина Володимеровъ (41).

Тутъ Строгоновы подвинулись дальше и время-отъ-времени стали заселять мѣста уже по той сторонѣ Камы, по Сылвѣ и по Яйвѣ, то-есть на сѣверѣ и на югѣ новой дачи, заселяя ихъ работниками и неработниками, то-есть, казаками (42).

Въ 1572 году, царь (или отъ его имени — дьякъ), получивъ вѣсти о безпокойствахъ въ Перми и о схваткахъ, произведенныхъ Черемиссою, поспѣшилъ послать къ Строгоновымъ новую граммату. Но такъ-какъ и это событіе нѣсколько переиначено нѣкоторыми учеными, то мы и здѣсь считаемъ необходимымъ привести эту граммату тоже вполнѣ, тѣмъ охотнѣе, что здѣсь чрезвычайно-картинно выставляются всѣ стороны и тогдашняго быта и тогдашней политики (43).

«Отъ царя и великаго князя всея Русіи въ *слободку* на Каму, Якову да Григорью, Аникіевымъ, дѣтямъ Строгонова.

«Въ нынѣшнемъ (з҃) п҃ (7080—1572) году *писалъ къ намъ* съ Перми *воевода нашъ*, князь Иванъ Юрьевичъ Булгаковъ, съ своимъ человѣкомъ, съ Иваномъ съ Борисовымъ, о вѣстяхъ про черемисской приходъ на торговыхъ людей суды на Камѣ. Да Князь же Иванъ писалъ къ намъ, *что писалъ къ нему*, съ устья, *человѣкъ вашъ* (надѣемся, что никто не будетъ понимать подъ этимъ крѣпостнаго человѣка) Третьячко, іюля въ 15 день, что *приходили-де* наши *измѣнники*. Черемиса, на Каму, *сорокъ человѣкъ*, да съ ними-де Остяки и Башкирцы и Буинцы *войною*, и *побили де на Камѣ* Пермичь, *торговыхъ людей и ватащиковъ*, 87 человѣкъ.

«И какъ къ вамъ ся наша граммата придетъ, *и вы бъ жили съ вели-*

---

(41) Миллеръ, стр. 81 и слѣд. Встрѣчающіяся въ этой и въ слѣдующей граммать выраженія: съ Строгоновыхъ всякія пошлины брати *какъ и съ иныхъ торговыхъ людей*—логически доказываютъ, что Строгоновы, какъ и другіе торговые люди, въ то время, были — купцы, и всѣ умствованія, съ цѣлію доказать противное, падаютъ сами собою при ясныхъ выраженіяхъ Уложенія царя Алексѣя Михайловича: въ 94 пун., гл. X Строгоновы поименованы послѣ боярскихъ дѣтей и подъячихъ — и въ одной группѣ съ купцами, посадскими и другими: но, при исчисленіи ихъ, они поставлены выше гостя. Мы не умѣемъ навѣрное сказать, существуютъ ли въ наше время въ этихъ мѣстахъ соляныя варницы, или эта отрасль промышлености прекратилась, и отъ какихъ причинъ. Вѣроятнѣе всего предположить, что у промышленныхъ людей *соль* была дѣломъ второстепеннымъ: гораздо-больше утѣшеній сулила мѣховая промышленость; изъ-за нея дѣйствительно стоило городокъ поставить и пушечки учинить.

(42) Словомъ казакъ—у насъ, кайсакъ—у Татаръ, обозначали человѣка пришлаго, свободнаго, бездомоваго, не земледѣльца постояннаго, и не исключительно воина. Таковы и теперь казаки въ Сибири, и городовые и горные. Такъ въ иныхъ мѣстахъ и нынче зовутъ на Уралѣ—розсыльныхъ, въ Тверской-Губерніи — наемнаго изъ чужихъ (женщину по деревнямъ называютъ казацыха, въ-слѣдствіе простонароднаго измѣненія ч на ц, на-примѣръ, паекъ, голубоцыкъ). Волжскіе казаки, по-нашему, были почти то же, что мы встарину видѣли въ Норманнахъ, Варягахъ, Руссахъ, послѣ въ Поморцахъ; они были не конники, не конница, а матросы, *ладьяры*, и конница ихъ составляла промышлено-грабительскую флотилію.

(43) Карамзинъ, т. IX, стр. 377; «Именитые Люди Строгоновы» стр. 36, и Миллеръ стр. 85.

кимъ береженьемъ; а выбравъ у себя голову добра, *да съ нимъ охочихъ казаковъ*, сколько приберется, *со всякимъ оружьемъ*, съ ручницами и съ сайдаки, да и Остяковъ и Вогуличь, которые намъ прямятъ, съ охочими казаками, которые отъ насъ не отложились, велѣли прибрать, а женамъ ихъ и дѣтямъ велѣли быть въ острогѣ.

«*А какъ голову выберете*—да и *охочихъ людей*, стрѣльцовъ и казаковъ, велѣли написати на списокъ; а *сколько* Остяковъ и Вогуличъ, охочихъ людей, *сберется*, и вы бъ то велѣли жь писати на списокъ же, по имяномъ написать, и разобравъ ихъ по статьямъ, кто съ коимъ оружьемъ и сколько тѣхъ охочихъ людей, и Остяковъ и Вогуличъ, всѣхъ на нашихъ измѣнниковъ въ собраньѣ будетъ, да оставя у себя противень, а съ того имянного списка списавъ, *прислать*, за своею рукою и печатью, съ кѣмъ будетъ пригоже, къ намъ на Москву, *въ приказъ Казанскаго-Дворца, къ дьякамъ нашимъ* Андрею Щелкалову, да къ Кирею Горину, чтобъ намъ про тотъ ихъ сборъ было вѣдомо; да тѣ бы есте головы съ охочими людьми, съ стрѣльцы, и съ казаки, и съ Остяки, и съ Вогуличи —*посылали войною ходить и воевать* нашихъ измѣнниковъ *на Черемису и Остяковъ и на Вотяковъ и на Нагай, которые* намъ измѣнили, *отъ насъ отложились*.

«А которые наши измѣнники учнутъ приходити на слободскія мѣста войною, и *тѣ бъ охочіе люди* на тѣхъ черемисскихъ людей *приходили*, чтобъ *ихъ повоевати, а себя отъ нихъ уберегати, и отъ нихъ отходить самимъ бережно и усторожливо*, а одноличнo бъ имъ нашихъ *измѣнниковъ* Черемису и Остяковъ и Вотяковъ и Нагай, которые намъ измѣнили и отъ насъ отложились—*повоевати*.

«А буде которыя Черемиса, или Остяки—добрые, а похотятъ къ своимъ товарищамъ приказывати, чтобъ они, отъ воровъ отставъ, намъ прямили, и на ихъ будетъ что̀ станется, и вы бъ тѣхъ *не убивали* и ихъ *берегли*, и мы ихъ пожалуемъ.

«А которые, будутъ, и поворовали, а нынѣ похотятъ намъ прямить и правду свою покажутъ, и вы бъ имъ велѣли говорити и приказывати наше жаловальное слово, что мы ихъ пожалуемъ, пени имъ отдадимъ, да и во всемъ имъ полегчимъ, *а они бы намъ тѣмъ правду свою показали, чтобъ* своими головами собрався, съ охочими *ходили* вмѣстѣ *воевати нашихъ измѣнниковъ и ихъ воевали*, и въ войнѣ ихъ *побивали. А котораго повоюютъ—и тому тово животъ, а жены и дѣти—имъ въ работу*.

«А которая Черемиса учнутъ намъ прямить, а обратятся къ намъ истиною, и нашихъ измѣнниковъ повоюютъ, и измѣнничьи жены поемлютъ, и лошади, и коровы, и платье, и иной какой всякъ животъ — и *вы бъ у нихъ того полонскаго живота одноличнo отнимати не велѣли ни кому*.

«Писана на Москвѣ, лѣта 7080, Августа въ 6 день.»

У подлинной грамматы приложена восковая черная печать.

На оборотѣ подписано:

Царь и великій князь всеа Русіи.

Дьякъ Кирей Горинъ.

Здѣсь нѣтъ ни полслова о Сибири, то-есть, о Татарахъ за-уральскихъ, а говорится только именно о тѣхъ племенахъ, которыя обитали по-сю-сторону Уральскаго-Хребта и были въ сосѣдствѣ съ Черемисою; слѣдовательно, граммата эта, по существу своему, не имѣла никакого прямаго соотношенія съ Сибирскимъ-Юртомъ.

Впрочемъ, какія были послѣдствія этой назидательной грамматы, неизвѣстно; но, вѣроятно, поводы къ подобнымъ стычкамъ подали сами же Строгоновы, разселяясь въ мѣстахъ кочевья прикамскихъ Остяковъ и Вогуличъ (44), которые, очень-естественно, по грубости понятій, возставали противъ чуждой имъ цивилизаціи. Не должно, однакожь, казаться удивительнымъ, что Строгоновы, получая подобныя, въ нѣкоторомъ родѣ воинственныя грамматы въ своей глуши и удаленіи отъ центра тогдашняго русскаго населенія по Камѣ, не дѣлали какихъ-нибудь важныхъ завоеваній, на основаніи общихъ терминовъ грамматъ *идти войною* и *повоевать:* они не имѣли на это средствъ, и всѣ ихъ дѣйствія въ этомъ случаѣ должны были ограничиваться расширеніемъ своихъ угодій, да согласнымъ сожительствомъ съ дикарями. Но и это много значило: ужь одно спокойствіе придвигало насъ помаленьку къ золотому лну и соболиному царству.

Главнѣйшая заслуга Строгоновыхъ состояла въ томъ, что они представляли собою первое торговое общество въ огромномъ размѣрѣ: это были торговцы—политики, родственный союзъ которыхъ былъ дѣйствительно первою большою сибирскою компаніею, и въ этомъ отношеніи связь имени Строгоновыхъ съ Сибирью несомнѣнна, вліяніе ихъ операцій на послѣдующія событія естественно и неоспоримо. А все это — заслуга очень немаловажная.

Въ-послѣдствіи времени, Строгоновы доносили государю слѣдующія подробности на сибирскаго салтана; вѣроятно, они разумѣли подъ нимъ Кучума, а не другаго какого-нибудь предводителя племенъ въ Сибири. Они говорили:

1) что за Югорскимъ-Камнемъ, межъ Сибири и Ногаи и Тахчеи, есть рѣка Тахчей и рѣка Тоболь, гдѣ собираются сибирскіе люди; но прибавили, что это именно въ сибирской украйнѣ, то-есть, на границахъ съ Сибирью, не въ территоріи Сибирскаго-Юрта, а въ участкѣ, который Грозный можетъ назвать своей отчинной, то-есть, государственнымъ достояніемъ;

2) что Тахчеевы жили по дорогѣ отъ Вычегодска въ ихъ Строгоновыхъ слободу Орелъ;

3) что Маметкулъ, «братъ сибирсково», приходилъ въ сосѣдство строгоновскихъ промысловъ съ цѣлію «провѣдать дорогъ въ Пермь»;

4) что сибирскій салтанъ убилъ посланника нашего Третьяка Чабукова;

---

(44) «Именитые Люди Строгоновы» стр. 37 — 42. Въ «Книгѣ Большому Чертежу», при исчисленіи рѣкъ Великой-Перміи (стр. 151), сказано: «по тѣмъ рѣкамъ живутъ Вогуличи по лѣсамъ, а селитьбы у нихъ нѣтъ.»

5) что служилыхъ Татаръ, которые шли въ Казацкую-Орду, сибирскій же побилъ;

6) что онъ убилъ нашего данника, Остяка Чагиря, съ товарищами;

7) что иныхъ данщиковъ нашихъ сибирскій же имаетъ, а иныхъ и убиваетъ;

8) что онъ не велитъ нашимъ Остякамъ и Вогуличамъ платить дань въ нашу царскую казну;

9) что сибирскій салтанъ и на рать съ собою емлетъ насильствомъ въ судѣхъ, воевать Югричь — тѣхъ же Остяковъ и Вогуличъ;

10) что въ то время, когда намъ Черемиса измѣнила, сибирскій посылалъ (неизвѣстно что, должно быть имъ помощь) черезъ Тахчей и перевелъ Тахчеевъ къ себѣ;

11) что эти Тахчеевы, ни намъ теперь дани, ни прежде въ Казань ясаковъ не давали, а платили ясакъ Ногаямъ,

и 12) что они, Строгоновы, сами собой, безъ спроса, не осмѣливаются послать своихъ казаковъ (т. е. сторожей) въ погоню за сибирской ратью (Строгоновы не пытались даже просить дозволенія мѣстнаго воеводы: имъ нуженъ былъ только царскій видомъ).

Въ-слѣдствіе всего этого, Строгоновы просили позволить имъ въ тѣхъ мѣстахъ соль варить, пашни пахать, желѣзо плавить и всякими угодьями владѣть, а вмѣстѣ съ тѣмъ, для обороны себя, поставить тамъ, въ усторожливомъ мѣстѣ, крѣпости, напять сторожей и держать огненный нарядъ съ тѣмъ, чтобъ защищать русскихъ подданныхъ отъ «сибирскаго».

Иванъ Васильевичъ, никогда не упуская изъ виду плановъ своихъ на Сибирь, радъ былъ, особенно теперь, неожиданному случаю примкнуть наконецъ къ Тоболу, который давно былъ уже извѣстенъ московскому двору, и основать русское населеніе вблизи владѣній сибирскаго царя Кучума, служившаго единственною помѣхою въ дѣлѣ, такъ удачно приходившемъ уже, повидимому, къ концу. Полагаясь на Строгоновыхъ, что они поймутъ его планы и, для собственной своей выгоды, не преминутъ при первой же возможности воспользоваться удобными мѣстностями за Аралтовой-Горой, царь далъ имъ все, и чего просили Строгоновы, *и чего даже вовсе не просили*: онъ дозволилъ имъ селиться и крѣпости ставить гдѣ имъ угодно—и на Тахчеяхъ (что это за рѣчка—неизвѣстно), и на Тоболѣ, и на Иртышѣ, и на Великой-Обѣ, *и на иныхъ рѣкахъ*.

Не можетъ быть, чтобъ царю Ивану Васильевичу не было извѣстно—приблизительно, по-крайней-мѣрѣ—раздѣленіе племенъ въ Сибири въ извѣстныхъ мѣстахъ, направленіе главныхъ ея рѣкъ и вообще всѣ свѣдѣнія, которыя нашему двору необходимо должно было у себя имѣть. И въ-самомъ-дѣлѣ, при Иванѣ IV, въ царскомъ архивѣ существовалъ цѣлый ящикъ дѣлъ «о Сибири»: значитъ, ему было откуда знать, какова Сибирь и что въ ней особеннаго. Прочитавъ со вниманіемъ слѣдующую грамату, мы убѣдимся, что въ прошеніи Строгоновыхъ не было никакого намѣренія входить въ столкновенія съ сибирскимъ царемъ, но что столкновенія этого искалъ только одинъ Грозный.

Эта грамата покажетъ, какъ разсчитанно и тонко она написана и ка-

кія мудрыя мѣры предписывалъ царь Строгоновымъ для утвержденія могущества Россіи въ краю, который, сближая насъ съ Среднею-Азіею, и тогда уже сулилъ огромныя выгоды.

Но *учёные мужи* наши смотрѣли на граммату совершенно съ другой точки и, по правдѣ сказать, совсѣмъ ее переиначили, увлекшись, можетъ-быть, дѣйствительно огромными выгодами, которыми царь чествовалъ Строгоновыхъ.

Чтобъ упрекъ въ самовольномъ искаженіи истины не падалъ и на насъ, мы находимся въ необходимости, для пользы самой исторіи, приложить и здѣсь эту граммату вполнѣ.

Граммата Царя Ивана Грознаго отъ 30 мая 7082 (1574) года объ отдачѣ Якову и Григорью Строгоновымъ въ аренду земель по рѣкамъ всей Сибири.

«Се азъ, царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всеа Русіи, пожаловалъ есми Якова и Григорья, Аникіевыхъ, дѣтей Строгонова.

«Били намъ челомъ, что *въ нашей отчинѣ*, за Югорскимъ-Камнемъ, *въ Сибирской Украйнѣ*, межь Сибири и Ногай — Тахчей и Тоболь рѣка съ рѣками и съ озеры и до вершинъ, гдѣ сбираются ратные люди сибирскова салтана да ходятъ ратью. А въ восемдесятъ де первомъ году, о Ильинѣ-дни, съ Тоболя де *приходилъ* сибирскова салтана братъ *Маметкуль*, собрався съ ратью *дорогъ провѣдывати*, куды итти ратью *въ Пермь*, да многихъ де нашихъ данныхъ *Остяковъ побили*, а жены ихъ и дѣти въ *полонъ повели*, а посланника нашего Третьяка *Чебукова* и служилыхъ *Татаръ*, кои шли въ Казацкую орду, сибирской же *побилъ*. А до ихъ острогу, гдѣ за ними наше жалованье, промыслы ихъ, *сибирской не доходилъ за пять верстъ*. А онѣ де, Яковъ и Григорей, изъ нашего жалованья, изъ своего острога, своихъ наемныхъ казаковъ за сибирскою ратью, безъ нашего вѣдома, послати не смѣютъ. Да и прежде того, *сибирской же салтанъ* ратью нашихъ данныхъ Остяковъ, *Чагиря* съ товарищи, *побилъ* въ тѣхъ же мѣстѣхъ, гдѣ ихъ, Яковлевъ да Григорьевъ, промыслъ. А *иныхъ данщиковъ* нашихъ сибирской *имаетъ*, а иныхъ и *убиваетъ*, а *не велитъ* нашимъ Остякамъ и Вогуличамъ и Югричамъ нашіе *дани въ нашу казну давати*, да и *на рать* съ собою *емлетъ* съ насильствомъ въ судѣхъ, *воевати Югричъ*, тѣхъ же Остяковъ и Вогуличъ, а *къ* нашимъ де измѣнникамъ, *къ Черемисѣ*, какъ намъ-было Черемиса измѣнила, *посылалъ* сибирской черезъ Тахчей и *перевелъ Тахчей къ себѣ*, а прежде сего *Тахчеевы намъ дани и въ Казань* ясаковъ *не давали*, *а давали* де ясакъ *въ Ногаи*, а которые живутъ Остяки кругъ Тахчей — и тѣ Остяки приказываютъ, чтобъ имъ наша дань давати, какъ иные наши Остяки дань даютъ, а сибирскому бъ дани и ясаковъ не давати и отъ сибирсково бъ ся имъ боронити за одно.

«И намъ бы Якова да Григорья пожаловати *на Тахчеѣ и на Тоболѣ рѣкѣ*, и кои въ Тоболь-рѣку озера падутъ, и до вершинъ на усторожливомъ мѣстѣ освободити *крѣпости дѣлати* и *сторожей наймовати* и *вогнянной нарядъ держати* собою и *желѣзо дѣлати*, и *пашни пахати* и *угодья владѣти*. А кои Остяки отъ сибирсково отступятъ и намъ

дань давати учнутъ, и тѣхъ бы Остяковъ отъ сибирскова оборонятн.

«*И оже будетъ такъ*, какъ намъ Яковъ да Григорей били челомъ!

«И азъ, царь и великій князь Иванъ Васильевичъ всея Русіи, Якова да Григорья, Аникіевыхъ, дѣтей Строгонова, по ихъ челобитью, пожаловалъ *на Тахчеяхъ* и *на Тоболѣ*-рѣкѣ *крѣпости* имъ *подѣлати*, и *снарядъ вогненной и пушкарей, и пищальниковъ и сторожей* отъ сибирскихъ и отъ ногайскихъ людей *держати* и около крѣпостей у желѣзнаго промысла и у рыбныхъ ловель и у пашень по обѣ стороны Тоболы-рѣки и по рѣкамъ и по озерамъ и до вершинъ *дворы ставити*, и *лѣсъ сѣтчи*, и *пашни пахати*, и *угодьи владѣти, а людей называти не письменныхъ и не тяглыхъ*.

«*А воровъ имъ и боярскихъ людей, бѣглыхъ съ животы, и татей и разбойниковъ не называти, и никакихъ воровъ не держати и отъ всякаго лиха беретчися*.

«А гдѣ въ тѣхъ мѣстѣхъ найдутъ руду желѣзную — и имъ *руда дѣлати*, а мѣдяну руду, или оловянную, свинчатую и сѣры горючія гдѣ найдутъ—и тѣ руды на *испытъ дѣлати. А кто похочетъ и иныхъ людей то дѣло дѣлати — и имъ дѣлати освобожати*, да и въ оброкъ ихъ приводити, какъ бы нашей казнѣ была прибыль.

«А которые люди и за тотъ промыселъ имутца и тѣмъ бы изъ чего было дѣлати, да о томъ писати къ намъ, *кàкъ* которое *дѣло учнетца дѣлати*, и *во што* которые руды въ дѣлѣ *пудъ учнетца ставити* и *кàкъ* которымъ *людямъ въ оброкѣхъ быти*, и мы о томъ указъ учинимъ.

«А *льготы* на Тяхчей и на Тоболь рѣку съ рѣками и съ озеры и до вершинъ *на пашни* дали есми отъ Троицына-дни лѣта 7082 до Троицына-дни лѣта 7102 году, *на 20 лѣтъ*.

«И кто въ тѣ крѣпости къ Якову и Григорью жити придутъ, и деревни и починки учнутъ ставити и пашню распахивати неписменные и не тяглые люди—и въ тѣ льготныя лѣта съ тѣхъ мѣстъ *не надобѣ моя*, царя и великаго князя, дань, ни ямскіе, ни ямчужные деньги и посошная служба, ни городовое дѣло, ни иные *ни которые подати, ни оброкъ съ ихъ промысловъ и угодей въ тѣхъ мѣстахъ* до урочныхъ лѣтъ.

«*А будетъ въ тѣхъ мѣстахъ старыя села и деревни и починки и въ нихъ жильцы—и Якову и Григорью въ тѣ мѣста не вступатись*, а быти тѣмъ по старому въ тяглѣ и *во всякихъ нашихъ податѣхъ*.

«А *товары*, которые Яковъ и Григорей и тѣ люди, которые на новые мѣста придутъ жити, повезутъ или пошлютъ куда по инымъ городамъ и имъ *пошлина давати какъ и съ иныхъ торговыхъ людей* по нашимъ указамъ.

«А *кои* Остяки и Вогуличи и Югричи *отъ сибирсково отстанутъ, а почнутъ намъ дань давати* — и тѣхъ людей съ данью *посылати къ нашей казнѣ самихъ*, а не поѣдутъ кои сами съ данью—и Якову да Григорью, выбравъ изъ жильцовъ кому мочно вѣрити, кто почнетъ въ но-

ныхъ мѣстѣхъ жити, да и тѣхъ жильцовъ съ нашею данью къ нашей казнѣ присылати, да отдавати въ нашу казну.

«А *негданныхъ* Остяковъ и Вогуличъ и Югричъ и съ жены ихъ и съ дѣти *отъ Сибирцовъ* отъ ратныхъ приходу *беречи* Якову да Григорью у своихъ крѣпостей, а на сибирсково Якову и Григорью *збирая охочихъ людей и* Остяковъ и Вогуличъ и Югричъ и Самоѣдь *съ своими каемными казаки* и съ нарядомъ своимъ *посылати вогвати, и въ полонъ Сибирцовъ имати и въ дань за насъ приводити.*

«Также есмя Якова да Григорья пожаловалъ: почнутъ къ нимъ въ тѣ новыя мѣста приходити торговые люди Бухарцы и Казацкія-Орды и изъ иныхъ земель съ лошадьми и со всякими товары, а къ Москвѣ которые не ходятъ — *и имъ у нихъ торговати всякими товары вольно безпошлинно.*

«А кто у нихъ учнетъ, въ тѣхъ крѣпостѣхъ, людей жити пашенныхъ и непашенныхъ — и наши пермскіе намѣстники и ихъ тіуны Якова да Григорья и ихъ слободы людей не судить ни въ чемъ, и праведчики, и доводчики и ихъ люди къ Якову да къ Григорью и къ ихъ слободскимъ людямъ не въѣзжаютъ ни по что, и на поруки ихъ не даютъ и не высылаютъ къ нимъ ни по что, *а вѣдаютъ и судятъ Яковъ да Григорей своихъ слобожанъ сами* во всемъ, или кому прикажутъ.

«А кому будетъ иныхъ городовъ людемъ до Якова и Григорья какое дѣло—и тѣмъ людемъ на Якова да на Григорья имати управные граматы у боляръ и у дьяковъ нашихъ, а по тѣмъ управнымъ граматамъ обоимъ, истцемъ и отвѣтчикомъ, безпристанно *ставиться на Москвѣ передъ нами* на тотъ же срокъ, на Троицынъ-день; а *какъ урочныя лѣта отойдутъ*, и Якову да Григорью наши *всѣ подати всѣми возити на Москву* въ нашу казну на срокъ, на Троицынъ-день, по книгамъ, *чьимъ ихъ* наши *писцы обложатъ.*

«Также есмя Якова да Григорья, Аникіевыхъ, дѣтей Строгонова, пожаловалъ: коли они, или ихъ люди, или ихъ слободы крестьяне, поѣдутъ отъ Вычегодскіе-Соли мимо Пермь на Тахчей въ слободу или изъ слободы къ Вычегодской-Соли, и наши пермскіе намѣстники, и ихъ тіуны, и доводчики, и всѣ приказные люди въ Перми — Якова и Григорья, и ихъ людей, и ихъ слободы крестьянъ, на поруки не даютъ и не судятъ ихъ ни въ какихъ дѣлѣхъ.

«Также есмя Якова да Григорья пожаловали: *коли наши послы* или посланники *поѣдутъ* съ Москвы въ Сибирь или въ Казацкую-Орду, или изъ Сибири и изъ Казацкіе-Орды къ Москвѣ, *мимо ту ихъ крѣпость*, и Якову да Григорью и ихъ слобожаномъ нашимъ сибирскимъ и казацкимъ посламъ и всякимъ нашимъ посланникамъ, въ тѣ ихъ льготные 20 лѣтъ, подводъ и проводниковъ и корму не давати, а *хлѣбъ и соль и всякій запасъ посломъ и гонцомъ* и проѣзжимъ людемъ и дорожнымъ *покупать по цѣнѣ*, какъ тамъ межъ себя купятъ и продаютъ, а проѣзжіе люди всякіе подводы и суды и гребцы и кормщики наймуютъ по тамошнему обычаю, какъ пригоже.

«Также есмя Якова и Григорья пожаловалъ *на Иртышъ, и на Обь, и на иныхъ рѣкахъ, гдѣ приходятся* — для береженья и охочимъ (охот-

пикамъ) на опочивъ (для отдыха), крепости дѣлати и сторожей, съ огненнымъ нарядомъ держати и изъ крепости рыба и звѣрь ловити безоборочно до тѣхъ же урочныхъ лѣтъ.

«Дана грамматя въ Слободѣ (Александровской) лѣта 7082 года мая въ 30 день».

Царь и великій князь Іванъ Васильевичъ всея Русіи.

Дьякъ Петръ Григорьевъ (45).

Изъ этихъ грамматъ читатель безпристрастный видитъ, что единственною мыслію Строгоновыхъ было—распространять свои владѣнія, усиливать свои промыслы соляными варницами и рудами, расширять нашу торговлю съ Востокомъ; постоянною же мыслію правительства было занимать своими подданными земли пичьи, расширять свои владѣнія, заселять неизвѣстныя прежде мѣста, сближаться съ бродячими племенами и, буде можно, подводить ихъ подъ нашу власть. Большихъ видовъ ни съ той, ни съ другой стороны и предположить нельзя. Еслибъ государь хотѣлъ дѣйствительно покоренія Сибири въ томъ размѣрѣ, какъ наши ученые хотятъ приписать это исключительно Строгоновымъ — царю стóило только вспомнить примѣръ Ивана III и послать свое воинство подъ начальствомъ боярина въ Сибирь: его планы на дѣлѣ бы осуществились, безъ посторонннихъ заискиваній. Но царь Иванъ понималъ, что походъ ратн въ Сибирь громадою — невозможенъ.

У Строгоновыхъ, при предоставленіи имъ въ первые разы украинскихъ пустошей, вскорѣ за тѣмъ заводились тамъ и селенія. Однакожь, получивъ граммату на Тоболъ и прочія рѣки Сибири, они, въ-теченіе семи лѣтъ, не только не основали во вновь-отданной имъ въ пользованіе землѣ ни слободки, ни даже какого-нибудь ничтожнаго починка, не говоря уже про городки, про крѣпостцы (это вѣроятно почти то же, что нынѣшнія казачьи станицы по кавказской или сибирской линіямъ, только еще менѣе), они даже и не переходили Урала, безъ-сомнѣнія отъ того, что не имѣли къ этому средствъ и возможности, а строились, какъ по писцовымъ книгамъ видно, около подвластныхъ уже имъ племенъ —Остяковъ на Сылвѣ, да Вогуличъ на Чусовой, народа чрезвычайно-смирнаго и кроткаго.

Кромѣ Камы, гдѣ у Строгоновыхъ въ это время была слободка Орелъ (въ ней, въ 1580 году, было 90 дворовъ крестьянскихъ и пищальничихъ, да 7 дворовъ пустыхъ, и самая слободка называлась уже слободой) и еще три деревни, мы къ 1580 же году видимъ, что у Строгоновыхъ, въ закамской сторонѣ, но все еще по-сю-сторону Урала и далеко отъ Сибири, въ-теченіе почти 22 лѣтъ, со времени выдачи имъ первой грамматы, пришлые колонисты поселились въ слѣдующихъ мѣстахъ:

---

(45) Миллеръ, стр. 87 и слѣд. Срав. Карамзина т. IX, стр. 378 и 379 и прим. 661 къ тому же тому.—Г. П. Спасскій въ примѣчаніяхъ къ изданной имъ въ 1821 году «Сибирской (Строгоновской) Лѣтописи» говоритъ, что Миллеръ не вполнѣ выписывалъ царскія грамматы, но вѣрно онъ пользовался другимъ, а не первымъ изданіемъ Исторіи Миллера (1750 года), гдѣ содержаніе грамматъ вполнѣ согласно съ добавленіями г. Спасскаго.

1) На Чусовой — у нихъ была слобода Чусовая съ острогомъ, а къ ней *пять деревень* и *шестнадцать починковъ*;

2) На Сылвѣ—у нихъ была слобода Сылва съ острогомъ, а къ ней *три деревни* и *пять починковъ*, и

3) На Яйвѣ—у нихъ была только *слободка* Яйва.

Всего же въ этихъ мѣстахъ, за Семеномъ (Аникинымъ сыномъ) и Максимомъ (Яковлевымъ сыномъ) Строгоновыми, было двѣ слободы и одна слободка, при нихъ восемь деревень съ двадцатью-четырьмя починками, а число всѣхъ крестьянскихъ дворовъ на этомъ огромномъ пространствѣ не превышало 113 (46).

При такомъ ограниченномъ положеніи, когда у Строгоновыхъ, на неизмѣримомъ пространствѣ, было всего только *одиннадцать населенныхъ мѣстъ*, изъ которыхъ *на каждое*, круглымъ числомъ, приходилось *по десяти крестьянскихъ дворовъ*—Строгоновымъ, естественнымъ образомъ, какъ умнымъ и разсудливымъ промышленникамъ, не могла входить въ голову мысль *о завоеваніи* Сибири: у нихъ людей на это не было, а еслибъ и пришло вновь нѣсколько человѣкъ, то Строгоновымъ слѣдовало — не пускать ихъ на вѣрную смерть въ войну съ Сибирцами, а лучше оставить у себя, для заселенія своихъ *слободокъ*, или, какъ ихъ величаютъ наши ученые—*городовъ*, и для охраненія своихъ собственныхъ дачъ отъ тѣхъ разграбленій, которыя угрожали имъ въ самое это время, какъ увидимъ далѣе. Но еслибъ воинственный духъ Строгоновыхъ дѣйствительно стремился къ завоеваніямъ, то имъ нужно было сформировать армію хотя въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, послать ее въ край, который имъ самимъ былъ неизвѣстенъ, и пожертвовать ею мечтѣ безъ всякаго разсчета, въ надеждѣ на одинъ авось; а между-тѣмъ, возбудивъ противъ себя сосѣдей, они бы дѣйствовали совершенно наперекоръ основнымъ началамъ каждаго торговаго дома и вопреки логическихъ правилъ коммерческой политики—они испортили бы собственное свое дѣло.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что ни одна изъ приведенныхъ нами граммотъ не можетъ навести на слѣдующія ученыя мысли, признаваемыя за неоспоримыя: 1) что Строгоновы, гораздо-прежде пришествія Ермака, задумали «внести свое оружіе» въ предѣлы Сибири, и 2) что Ермакъ былъ призванъ ими «именно для войны съ Кучумомъ». Гораздо-естественнѣе противоположное мнѣніе, что Строгоновымъ нельзя было и думать о Сибири: имъ нужно было прежде всего подумать о себѣ и объ охраненіи того, что̀ принадлежало русскому государю, предоставившему закамскія земли въ ихъ пользованіе.

Мы объ этомъ предметѣ распространились именно для того, чтобъ раскрыть истину, такъ, какъ мы сами ее понимаемъ, и показать, въ какой мѣрѣ заслуживаетъ справедливости укоренившееся у насъ въ большинствѣ публики мнѣніе о причинахъ покоренія Сибири—мнѣніе, выраженное въ нѣсколькихъ положеніяхъ, признаваемыхъ за аксіомы. Мы не считаемъ нужнымъ подробно исчислять эти положенія, блистательно

(46) «Именитые Люди Строгоновы» стр. 37—42.

опровергнутыя знаменитыми потомками Строгоновыхъ: они всѣ свои фамильные документы частію сдѣлали общедоступными всей публикѣ, а частію представили въ Императорскую Академію Наукъ, какъ-будто желая этимъ самымъ сказать намъ: «вотъ вамъ акты, судите по нимъ, какъ было дѣло!» Мы не можемъ, однакожь, не сказать, что мысль приплести имя Строгоновыхъ къ имени Сибири и приписать имъ ея покореніе—могла блеснуть въ умѣ котораго-нибудь изъ недогадливыхъ лѣтописцевъ гораздо-позже покоренія Сибири, особенно, когда они серьёзно увидѣли, что призваніе Ермака и въ царскихъ грамматахъ XVII столѣтія приписывается Строгоновымъ. Услужливый лѣтописецъ восхитился этою мыслію и основалъ на ней все свое твореніе. Онъ благоразсудилъ скрыть тѣ обстоятельства, которыя могли бы обнаружить истину, далъ другое направленіе и словамъ и дѣлу, и прибавилъ, что послѣ покоренія Сибири Иванъ-Грозный, на радости, прислалъ Семену Строгонову *царскую* граммату за *красною* печатью. Но

Во-первыхъ, всѣ грамматы отъ имени царя были *царскія*.

Во-вторыхъ, бо́льшая часть грамматъ, особенно жалованныя — были съ красными печатьми, о чемъ прибавлялось и въ самой грамматѣ, тогдѣ «у подписи сей грамматы на шнуру, или на мутовозѣ,—красная вислая печать»; были однакожь грамматы съ печатьми и другаго цвѣта; грамматы опальныя и вообще невеселаго содержанія были съ черными печатями;

Въ-третьихъ, той грамматы, на содержаніе которой указываетъ лѣтописецъ, *вовсе не существовало*, что̀ ясно доказывается обнародованною описью фамильныхъ документовъ Строгоновыхъ (47).

И въ-четвертыхъ — о призваніи Строгоновымъ Ермака серьёзнымъ образомъ говорится уже въ царской грамматѣ 1673 года (48), то-есть, почти черезъ цѣлое столѣтіе послѣ прибытія Ермака на Чусовую; но здѣсь это приписывается только одному Семену Строгонову, а Грозный, въ современномъ актѣ, въ собственной своей грамматѣ, по доносу одного чиновника, обвинялъ въ томъ не Семена, а именно Максима и Никиту.

Но пойдемъ далѣе и посмотримъ, лежитъ ли на историческомъ имени Строгоновыхъ какая-нибудь тѣнь, которою хотѣлъ запятнать его доносчикъ Нелепелицынъ, обвиняя Строгоновыхъ въ призывѣ бѣглыхъ воровъ и разбойниковъ, въ стачкѣ съ ними и въ измѣнѣ государю... Посмотримъ, ужь за одно, какъ они подарили *свою* Сибирь русскому царю... Напоминаемъ благосклонному читателю, что мы опираемся на тѣ же самые документы, которые приняты въ основаніе и нашими ученымъ мыслителями; только результатъ у насъ выходитъ діаметрально противоположный ихъ окончательнымъ выводамъ.

---

(47) См. «Опись Фамильнымъ Документамъ Строгоновыхъ», приложенную въ концѣ книги «Именитые Люди Строгоновы».

(48) «Именитые Люди Строгоновы» стр. 88.

ГЛАВА V-Я.

Ермакъ.

Происхожденіе Ермака.—Связь между именемъ Ермака и именемъ Строгоновыхъ. — Ермакъ на Волгѣ. — Появленіе его на Чусовой.—Пелымскій князь. — Набѣгъ Ермака на Сибирь. — Опальная грамматa царя къ Строгоновымъ.

Какъ на Волгѣ, да на Камышенкѣ
Казаки живутъ, люди вольные.
У казаковъ былъ атаманушка,
Ермакомъ звали Тимоѳеичемъ.
Не злата труба вострубила имъ,
Не она звонко взговорила рѣчь —
Взговорилъ Ермакъ Тимоѳеевичъ:
«Казаки, братцы, вы послушайте,
«Да мнѣ думушку попридумайте:
«Какъ проходитъ ужь лѣто теплое,
«Наступаетъ зима холодная —
«Куда жъ, братцы, мы зимовать пойдемъ?
«Намъ на Волгѣ жить?—все ворами слыть!
«На Яикъ идти? — переходъ великъ!
«На Казань идти?—грозенъ царь стоитъ—
«Грозенъ царь-Иванъ, сынъ Васильевичъ!
«Онъ на насъ послалъ рать великую,
«Рать великую—въ сорокъ тысячей...
«Такъ пойдемте жъ мы — да возьмемъ Сибирь!»

Пѣсня Уральскихъ Казаковъ.

«Въ нѣкоторой сибирской исторіи упомянуто о родѣ атамана Ермака, яко бы по его собственному объявленію.

«Дѣдъ Ермаковъ былъ города Суздаля посадскій человѣкъ, а жилъ въ великой скудости, искалъ себѣ пропитанія и переѣхалъ въ городъ Володимеръ.

«Его звали Аѳонасій, Григорьевъ сынъ, прозваніемъ Алепинъ.

«Тутъ въ Володимерѣ вскормилъ онъ двухъ сыновъ, Родіона и Тимоѳея; самъ кормился извозомъ; нанимался иногда возить разбойниковъ въ Муромскихъ-Лѣсахъ и, вмѣстѣ съ ними, попался въ тюрьму. Чрезъ нѣкоторое время бѣжалъ, взявъ жену и дѣтей, въ уѣздъ Юрьевца-Повольскаго, гдѣ и умеръ; а дѣти его отъ скудости переѣхали жить на рѣку Чусовую въ вотчины Строгоновыхъ и слыли поволжскими.

«У нихъ были сыновья—у Родіона Димитрей да Лука, у Тимоѳея—Гаврило, Фролъ и Василей.

«Василей былъ весьма-силенъ и рѣчистъ, ходилъ въ работу на стругахъ по Камѣ и Волгѣ; наконецъ, кинувъ работу, прибралъ себѣ артель и пошелъ съ ней на разбой атаманомъ.

«Еще работая на судахъ, Василей отъ товарищей своихъ былъ названъ Ермакомъ, служа имъ кашеваромъ, ибо они симъ именемъ называли дорожный артельный таганъ, а по волскому нарѣчію «Ермакъ» значитъ еще жерновой ручной камень (49).»

Объ этомъ извѣстіи нельзя, кажется, сказать вмѣстѣ съ Карамзинымъ «это сказка—думаю», потому уже, что у насъ въ календарѣ нѣтъ православнаго имени Ермакъ, которое знаменитый историографъ, слѣдуя Ремезову, переводитъ словомъ Германъ; а во-вторыхъ, и въ припискѣ къ лѣтописи Саввы Есипова, какъ мы уже упомянули въ главѣ I, къ прозванію Ермака тоже прибавлено прозваніе Новольскаго. Но такъ-какъ приводимое извѣстіе согласуется и съ отчествомъ Ермака, и съ свидѣтельствомъ лѣтописи, и съ неизвѣстнымъ чувствомъ, которое манило Ермака съ Волги на Каму, а между-тѣмъ, не подтверждается никакими, болѣе-положительными, доказательствами, то, для оцѣнки этого извѣстія, мы можемъ только ограничиться извѣстною поговоркою: «si non è vero — è ben trovato»; а между-тѣмъ, мы сами чувствуемъ, что тутъ есть зародышъ правды въ томъ отношеніи, что между Ермакомъ и Пермью должна быть какая-нибудь неразрѣшенная еще тайна.—

На Волгѣ Ермакъ примкнулъ къ шайкѣ другихъ бродягъ бездомныхъ. Они буйствовали по широкому раздолью, грабили и своихъ и чужихъ, и не давали спуска ничему и никому, были ли то торговые Бухарцы, или смирные горожане, или суда съ царскою казною. Дерзость огромной шайки дошла до того, что для усмиренія ея и для прекращенія разбоевъ нужно было послать особые отряды во всѣ приволжскіе города съ повелѣніемъ отъ государя предать разбойниковъ немедленно смерти (50).

---

(49) Карамзинъ, т. IX, прим. 664; Словцовъ, т. I, стр. XXV.

Что касается до слова «атаманъ», то оно образовалось изъ слова «ваттаманъ», что у насъ на Руси означало прежде всякаго начальника на рыболовномъ суднѣ, начальника экспедиціи промышленниковъ, начальника ватаги (см. Акт. Археогр. Экси., т. I, ст. 92). «Ватаманъ» есть голландское слово «Watter-man», которое и нынѣ употребляется въ голландскомъ и въ англійскомъ языкахъ въ смыслѣ шкипера; а ватаманъ или атаманъ значитъ у насъ «лучшій человѣкъ», «выборный», «голова» ватаги.

Замѣтимъ также, что въ тѣ времена у насъ на Руси была мода на замѣну имени, даннаго при св. крещеніи, другою кличкою; такъ мы встрѣчаемъ прозванія «Воинъ», «Пестома», «Третьякъ», «Хозяинъ», «Неудача» и многія другія.

(50) «Да Урусъ же (князь погайскій) говорилъ: приходили-де государевы казаки сего лѣта и Сарайчикъ воевали и сожгли, не токмо что людей сѣкли — и мертвыхъ изъ земли вынимали и гробы ихъ разоряли.

«И мы (говоритъ царь) на Волгу и къ Сарайчику казаковъ не посылывали, а воровали сами, безъ нашего вѣдома, и нашихъ пословъ, вмѣстѣ съ вашими, переграбили; и прежде того они воровали, и мы ихъ, сыскавъ, казнити велѣли; а нынѣ семя на Волгу людей своихъ изъ Казани и Астрахани многихъ послали, а велѣли имъ тѣхъ воровъ волскихъ и донскихъ казаковъ перевѣшати.

«А для атамановъ Ивана Кольца да Барбоши и для иныхъ казаковъ послалъ го-

При такомъ положеніи дѣлъ, могли ли честные, набожные люди Строгоновы, усердные слуги царя — къ обреченнымъ судьей-государемъ смерти ворамъ посылать «ласковую граммату»? Могла ли умнымъ промышленникамъ Строгоновымъ прійдти въ голову мысль—приглашать къ себѣ цѣлую ватагу, цѣлую армію грабителей, которые ихъ же самихъ, въ дальней глуши, легко могли ограбить? Да и къ какой статьи Строгоновымъ, стяжавшимъ себѣ общее уваженіе, было нужно рѣшаться дѣйствовать вопреки воли благодѣтельствовавшаго имъ государя—«предлагать подвигъ чести» осужденнымъ преступникамъ, особенно, когда имъ каждый разъ подтверждалось «воровъ и боярскихъ людей бѣглыхъ съ животомъ, и татей и разбойниковъ къ себѣ не принимати», и что если они не будутъ отъ этого «беретчися», то всѣ царскія грамматы пойдутъ «не въ грамматы»? Что подобныя мысли Строгоновымъ не приходили въ голову, доказательство — ихъ собственныя слова, что «наемныхъ казаковъ (т. е. своихъ работниковъ, а не волжскихъ воровъ) безъ царскаго вѣдома они не смѣли даже посылать въ погоню за сибирскою ратью»: тѣмъ болѣе они не могли осмѣливаться призывать къ себѣ Ермака и отнимать у правосудія жертвы его справедливой кары.

Ни предъидущія обстоятельства, ни обстоятельства послѣдующія, ни послѣдовательность событій, ни уваженіе къ имени Строгоновыхъ, ни уваженіе къ нашему, лично, убѣжденію не позволяютъ намъ соглашаться съ распространенною нашими учеными «сочинителями» мыслію, что Строгоновы вели переписку съ волжскими разбойниками. Напротивъ, все въ малѣйшихъ подробностяхъ доказываетъ, что взводить на Строгоновыхъ подобные укоры значитъ слѣпо, безъ всякой критики, слѣдовать неправдивой лѣтописи.

Волжскіе разбойники, какъ извѣстно, не съ разу усмирились: долго эти артели продолжали то же ремесло, ремесло рѣчныхъ пиратовъ, ремесло, съ которымъ они сродились и которое не казалось имъ ни омерзительнымъ, ни преступнымъ; по-временамъ скрывались они отъ преслѣдованій, по-временамъ снова появлялись и злодѣйствовали по дорогамъ и около перевозовъ, гдѣ имъ удобнѣе было нападать врасплохъ на приманчивую добычу и гдѣ зажиточнымъ людямъ не-подъ-силу было бороться съ проповѣдниками теоріи дани «добровольно, наступя на горло».

Но когда мѣстныя власти стали ихъ все болѣе-и-болѣе тѣснить, когда разбойники увидѣли, что имъ уже нѣчего больше дѣлать, какъ искать спасенія въ бѣгствѣ, тогда они раскинулись по разнымъ мѣстамъ

сударь во всѣ украйные городы, а велѣлъ тѣхъ волскихъ атамановъ казнити смертью.

«И мы (государь) на тѣхъ казаковъ на волжскихъ, на Митю Бритоусова и на Иванка на Юрьева, опалу свою положили, казнити ихъ велѣли смертью, предъ твоимъ человѣкомъ (Урусовымъ, въ Москвѣ).» (Карамзинъ, изъ Ногайскихъ Дѣлъ 1581 года. Смотри его И. Г. Р. т. IX, прим. 663 и прилагаемый нами ниже Сводъ Сибирскихъ Лѣтописей.)

украйныхъ волостей, а нѣсколько шаекъ, подъ предводительствомъ Ермака и неразлучнаго его товарища Кольца—и это мы особенно просимъ замѣтить — скрылись.

Говорятъ, опираясь на строгоновскую лѣтопись, что Строгоновы послали къ Ермаку и ко всѣмъ казакамъ призывную, ласковую граммату, подписанную 6-мъ числомъ апрѣля 1579 года, и что Ермакъ съ пятьюстами казаками явился къ Строгоновымъ 21 іюня того же 1579 года, два года укрывался у нихъ и готовился къ войнѣ съ Кучумомъ, и 1 сентября 1581 года пошелъ завоевывать Сибирь (51).

Разсмотримъ же, есть ли хоть какая-нибудь логика въ этомъ извѣстіи? есть ли тутъ хотя тѣнь правды?

Посыльный съ строгоновскою грамматою могъ ѣхать изъ пермской земли на Волгу не ранѣе вскрытія водъ; ему надобно было прибыть на Волгу, разузнавать тамъ втихомолку, подъ рукой, о мѣстѣ пребыванія Ермака, достичь до этой цѣли; потомъ, тайкомъ отъ мѣстныхъ властей, умѣть найдти его, согласить его и другихъ атамановъ и всю шайку этихъ грабителей послѣдовать приглашенію Строгоновыхъ и дать имъ срокъ собраться всѣмъ на сборномъ мѣстѣ.

Кажется, эти предварительныя и необходимыя мѣры должны были потребовать нѣкотораго времени? Но это еще не все.

Ермакъ долженъ былъ раздумать о предложеніи, которое будто-бы дѣлали ему Строгоновы, сговорить свою артель и артели другихъ атамановъ, убѣдиться чѣмъ-нибудь видимымъ въ выгодности этого зва и, рѣшившись на походъ, запастись провіантомъ хоть на дорогу, сложить его на суда, совершить свое путешествіе по двумъ большимъ рѣкамъ противъ теченія воды и проплыть, такимъ образомъ, не одну тысячу верстъ, безпрестанно укрываясь отъ преслѣдованій въ мѣстахъ болѣенаселенныхъ.

Въ *семдесятъ-пять* сутокъ, если даже предположить, что вскрытіе рѣкъ послѣдовало дѣйствительно 6 апрѣля, все это начать, устроить и покончить—не было физической возможности.

Понять можно только одно, что Ермаку трудно было имѣть для всѣхъ своихъ людей надежныя лодки и идти на веслахъ, и что ему гораздоудобнѣе было плыть на плотахъ, большихъ и малыхъ, гдѣ безопаснѣе онъ могъ сложить все награбленное достояніе, гдѣ легче было помѣститься людямъ въ большомъ числѣ и гдѣ возможнѣе было разсѣяться въ случаѣ нападеній: иначе — ему слѣдовало идти въ баркахъ и бросить ихъ въ устьѣ Чусовой, потому-что большое судно, удобное для большой рѣки, не годилось уже для рѣки не столь-значительной, какъ Волга или Кама. Но большія суда — бѣда казаку: на нихъ въ разсыпную не кинешься.

Съ Ермакомъ это точно такъ же могло случиться, какъ обыкновенно случается и теперь со многими въ Сибири, когда нужда прійдетъ пуститься въ путь водой, забрать съ собою больше клади или взять

---

(51) Карамзинъ, т. IX, стр. 381 и 382.

больше народу. Плотъ всегда можно скоро устроить, а маленькіе плоты, или плотики, связанные изъ небольшаго количества бревенъ, еще и тѣмъ удобны, что на нихъ возможно плаваніе по быстрымъ рѣкамъ, несудоходнымъ и *даже несплавнымъ*. До-сихъ-поръ, это можно видѣть въ Сибири, гдѣ бродяги и бѣглые рабочіе стремятся на маленькихъ плотахъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ возможность плаванія кажется невѣроятною.

Но, допустивъ даже, что у Ермака были превосходныя суда, «кочи» и «коломенки», въ родѣ употребляемыхъ нынѣ байдаръ и росшивъ, и легкія косныя лодки, и сообразивъ время, потребное для перехода строгоновскаго посланца съ Чусовой на Волгу, и время, употребленное на походъ казаковъ съ Волги на Чусовую, постоянно противъ теченія воды, мы легко убѣдимся, что сказаніе объ этомъ строгоновской лѣтописи есть—ложь, и ложь капитальная.

Ермакъ съ своею шайкою и другіе атаманы не могли жить два года у Строгоновыхъ: два года кормить пятьсотъ человѣкъ не земледѣльцевъ, а людей и безполезныхъ и вредныхъ, при тогдашнемъ населеніи строгоновскихъ арендъ — было и невозможно и несообразно съ здравымъ разсудкомъ; два года держать такую ватагу людей, не заявивъ, по-крайней-мѣрѣ, пермскимъ властямъ, или скрывать ее такимъ образомъ, чтобъ правительство само не провѣдало объ этомъ, тоже было невозможно. Слѣдовательно, сказаніе строгоновской лѣтописи объ этомъ есть вторая, тоже капитальная ложь.

Казаки, и съ ними Кольцо, не могли прійдти на Чусовую къ Строгоновымъ въ 1579 году, потому-что имя неразлучнаго и довѣреннаго товарища ермакова — Ивана Кольца, встрѣчается въ оффиціальныхъ документахъ 1581 года, при описаніи волжскихъ набѣговъ 1580 года (52). Значитъ, въ этомъ отношеніи, строгоновская лѣтопись сказала третью капитальную ложь.

Но перейдемъ къ историческому событію, которое еще болѣе и положительнѣе убѣдитъ насъ, какъ въ совершенной чистотѣ поступковъ Строгоновыхъ въ этомъ отношеніи, такъ и въ томъ, что въ дѣлѣ завоеванія Сибири—они рѣшительно ни въ чемъ неповинны.

Съ самаго начала 1581 года, вогуло-остяцкія племена, подъ предводительствомъ нелымскаго князька (головы), тѣснили владѣнія Строгоновыхъ и угрожали Перми. Еслибъ Ермакъ весну и лѣто этого года дѣйствительно былъ уже на Чусовой и былъ наемникомъ и нахлѣбникомъ Строгоновыхъ, то прямымъ слѣдствіемъ этого пребыванія было бы то, что его или Строгоновы, или земская власть заставили бы защищать русскіе предѣлы: Строгоновымъ въ 1581 году нельзя было посылать Ермака Богъ-знаетъ куда въ такое время, когда бѣда висѣла надъ головой и когда всякая помощь на мѣстѣ была спасеніемъ цѣлаго края отъ будущихъ разореній. Строгоновы, должно-быть, даже вовсе не знали о походѣ къ нимъ Ермака: иначе—надо допустить, что

(52) См. прим. 50.

(въ началѣ 1581 года) *прося у царя ратныхъ людей въ защиту своихъ слободокъ*, а имѣстѣ съ тѣмъ жалуясь ему на Никиту Строгонова, что онъ не даетъ имъ подмоги, они дерзнули скрыть отъ государя, что у нихъ есть много людей ермаковой шайки, и такимъ образомъ, посредствомъ лжи, довели царя къ понужденію и Никиты и пермскихъ властей грамматою отъ 6 ноября 1581 года.

Соображая это число съ мѣстными обстоятельствами и принимая во вниманіе, что у Строгоновыхъ не одинъ день протекъ въ распрѣ съ Никитою на счетъ подмоги противъ нашествія пелымскаго князька, что много времени должно было пройдти, пока жалоба Строгоновыхъ была написана, послана, довезена до Москвы, разсмотрѣна въ приказѣ, доложена государю, разрѣшена имъ и удостоена отвѣтомъ отъ 6 ноября 1581 года, на что, вѣроятно, употреблено не менѣе полугода — мы увидимъ, что набѣгъ пелымскаго князя, предводительствованнаго вогуло-остяцкими племенами, былъ учиненъ въ началѣ весны того же года, или еще ранѣе, когда, по всей вѣроятности, Ермака тутъ еще и не было. Иначе, такой царь, каковъ былъ Иванъ-Грозный, который зналъ все, что̀ въ его государствѣ дѣлается, и не любилъ давать потачки и спуску никому — не простилъ бы подобнаго поступка Строгоновымъ никогда и не счелъ бы за необходимое посылать слѣдующей грамматы:

«Отъ царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи Никитѣ Григорьеву Строгонову.

«Били намъ челомъ Семенъ да Максимъ Строгоновы, а сказали: приходитъ-де войною *пелымскій князь* съ Вогуличи *на ихъ слободы*, и *деревни* многія *выжгли* и *крестьянъ въ полонъ емлютъ*, и *нынѣ* де пелымскій князь съ Вогуличи *стоитъ около чусовского острогу; и намъ бы пожаловати велѣти имъ дати ратныхъ людей* съ Перміи съ великія, *а ты де съ ними* противъ Вогуличъ *не стоишь*, и людей на *помощь не даешь*.

«И какъ къ тебѣ ся наша грамата придетъ—и ты бъ съ семеновыми и съ максимовыми людьми на Вогуличъ посылалъ людей своихъ, сколько пригоже, и стояли бы твои люди съ семеновыми и съ максимовыми людьми за одинъ, и себя оберегали сопча̀.

«А съ *Перми* земскимъ *старостамъ людей въ помочь собравъ, посылати велѣли* же сесьмя, смотря по людямъ, сколько колѝ Вогуличъ воинскихъ людей придетъ,- *и велѣли имъ стояти* съ семеновыми и съ максимовыми людьми противъ пелымскаго князя *сопча̀, за одинъ*.

«А ты бъ таково̀ жъ велѣлъ своихъ людей, съ пермскими людьми и съ семеновыми и съ максимовыми, стояти противъ пелымскаго князя и воевать имъ не давали, чтобъ вамъ всѣмъ отъ войны уберетчись.

«Писана на Москвѣ, лѣта 7090 (1581), ноября въ 6 день.

«Царь и Великій Князь всея Русіи.»

На оборотѣ приложена восковая черная печать (53).

(53) Миллеръ, стр. 144.

Еслибъ Строгоновы посылали Ермака воевать Сибирь—они послали бы его туда въ надлежащую пору, при началѣ лѣта, а не осенью, какъ это въ-самомъ-дѣлѣ случилось, когда не было разумной цѣли посылать туда людей на-зиму и самою природою препятствовать исполненію собственныхъ плановъ, если только химерическая мысль *завоевать Сибирь* могла быть у умныхъ людей Строгоновыхъ.

1-го сентября 1581 года, Ермакъ не могъ идти въ Сибирь какъ воинъ, съ цѣлію покорить ее: онъ могъ бѣжать туда какъ казакъ, съ цѣлію грабить Татаръ и скрыться отъ преслѣдованія законныхъ властей.

Нѣтъ сомнѣнія, что Ермакъ скрылся съ Волги единственно для того, чтобъ избѣжать заслуженной казни. Нельзя отвергать также, чтобъ въ его душѣ не гнѣздилось желанія воспользоваться чужимъ добромъ, обезпечить свое существованіе, добыть себѣ довольство посредствомъ ремесла, въ которое онъ втянулся, которое было для него легко и прибыточно, съ которымъ онъ сроднился... А разъ забравъ въ голову какую-нибудь мысль и вѣру на хорошую поживу и на лучшую долю, чѣмъ петля или тяжкая работа, неподатливая натура такого человѣка, каковъ былъ Ермакъ, врядъ ли могла имѣть столько силы воли, чтобъ освободиться отъ чарующаго обаянія грѣшныхъ наваждений: и духъ времени и обстоятельства—все благопріятствовало Ермаку продолжать разъигрывать взятую имъ на себя роль, перемѣнивъ только мѣсто дѣйствія, но не средства.

Трудно предположить, чтобъ «Ермакъ прослезился отъ умиленія», получивъ граммату, навязываемую Строгоновымъ,—грамату, которой никто не видалъ, никто не читалъ, и которая врядъ ли когда-нибудь существовала. Не ближе ли къ природѣ, къ тогдашнему порядку вещей, къ собственнымъ чувствамъ Ермака—откинувъ нѣмецкія теоріи, на основаніи простой русской смѣтки допустить, что онъ за тѣмъ именно избралъ себѣ закамскую страну, что надѣялся здѣсь безпрепятственно продолжать свои подвиги казачества со смирными Вогулами и Остяками, которыхъ слабость и безсиліе могли быть ему извѣстны, и которые заманивали его къ себѣ множествомъ дорогихъ мѣховъ? Надежда на безнаказанность въ краю далекомъ, увѣренность въ могуществѣ заряженнаго ружья, выстрѣломъ котораго ему не разъ, вѣроятно, случалось разгонять даже русскія селенія (что и на нашей памяти бывало нерѣдко, и не въ одной Сибири), вѣсти о зауральскихъ Татарахъ, мысль обогатить себя безъ великихъ опасеній за собственную участь, заставили Ермака избрать именно этотъ край театромъ своихъ будущихъ дѣйствій, польстили и собственному его самолюбію безбоязненно владычествовать вдали отъ всѣхъ—и пришлись по плечу каждому изъ членовъ его воровскаго братства.

Бродяжничая по разнымъ направленіямъ и отдаляясь все далѣе отъ прежнихъ мѣстъ грабежа, казаки, въ 1581 году, могли очутиться на Камѣ и, утвердившись въ предпринятомъ намѣреніи, пуститься далѣе.

Они пошли вверхъ противъ теченія Камы и достигли Чусовой. Далѣе по Камѣ они не пошли, зная, что тамъ—настоящее заселеніе

Строгоновыхъ, резиденція ихъ: оттуда близко Чердынь, гдѣ, значитъ, ихъ всѣхъ легко было переловить, перевязать и, пожалуй, перевѣшать. Они своротили на Чусовую и пришли на нее среди или въ концѣ лѣта 1581 года.

Встрѣтивъ здѣсь русскихъ людей, строгоновскихъ крестьянъ (въ смыслѣ вольныхъ пахарей, а не кабальныхъ людей—значитъ, такихъ, до которыхъ Строгоновымъ не было никакого дѣла) и казаковъ (въ смыслѣ простой вольницы-бездомовницы, прислуги по разнымъ промышленнымъ порученіямъ), Ермакъ естественнымъ образомъ приступилъ къ нимъ съ разспросами. Тѣ разсказали ему про свое горе, что пелымскій-де князь зоритъ ихъ и обижаетъ, тутъ же, за одно, передали вѣсти о Строгоновыхъ и о Кучумѣ, и пояснили, что сибирская земля близко, что она бокъ-о-бокъ, за Камнемъ (54).

Ермакъ пропустилъ мимо ушей разсказы о нападеніи пелымскаго князька: боялся ли онъ честнаго боя съ врагами отечества, надѣялся ли на плохую съ нихъ поживу, опасался ли земскихъ начальниковъ и Строгоновыхъ—неизвѣстно. Но мысли, вѣроятно, недобрыя ходили у него въ головѣ; высокихъ помысловъ не могли раздѣлять всѣ пятьсотъ человѣкъ его товарищей: казачество, набѣги, грабежъ—были ихъ стихіями. Не съ чистыми цѣлями товарищи его пошли въ Сибирь, безчестно хотѣли бѣжать оттуда отъ Кучума, безчестно и убѣжали наконецъ, послѣ смерти Ермака, всѣ до одного—и тогда только царское уже войско покорило намъ Сибирь.

Ермакъ рѣшился — оставить Русскихъ на произволъ судьбы и бѣжать на чужую сторону. Мысль грабежа у Татаръ, у Кучума, неслыхавшаго никогда выстрѣловъ, богатаго всякимъ добромъ и знакомаго съ бухарскими купцами, принята была ермаковыми товарищами съ одобреніемъ: спѣшили скорѣй привести ее въ исполненіе.

Долго сбираться было не для чего—ружья кой-у-кого изъ казаковъ, вѣроятно, были; струги, на которыхъ они приплыли, готовы: дѣло за провіантомъ.

У русскихъ промышлениковъ, въ дорогѣ, провіантъ до-сихъ-поръ—одинъ: сухари, да иногда крупа; воды вездѣ вдоволь. Больше и не для чего и нельзя. Въ тѣ времена, какъ это каждому изъ насъ легко догадаться, главнымъ жизненнымъ запасомъ для дороги было толокно: оно и мѣста занимаетъ несравненно-меньше, чѣмъ сухари, и чрезвычайно-питательно: даже иностранные писатели свидѣтельствуютъ, что русскій народъ, ратный и нератный, считалъ эту пищу капитальною, вкусною и здоровою. Кромѣ толокна, крупы и соли, Ермаку нѣчего было заготовлять, а отъ мяса онъ долженъ былъ отказаться, еслибъ даже оно и могло случиться у Строгоновыхъ — для Ермака оно было безполезно и только обременяло бы въ пути, тѣмъ болѣе, что въ далекой перспективѣ ожидали казаковъ вкусныя стерляди и жирныя пельмы.

---

(54) См. Сводъ Лѣтописей Сибирскихъ: на нихъ мы основываемъ и весь слѣдующій разсказъ о покореніи Сибири.

Какъ бы то ни было, Ермакъ все-таки долженъ былъ позаботиться о провіантѣ и не стѣснять себя излишнею тяжестью, которую, по Уралу, ему нужно было переносить или на себѣ, или на вьючныхъ лошадяхъ, потому-что по горамъ тайгою, то-есть, дремучимъ лѣсомъ, въ телегѣ проѣхать нельзя. Еслибъ даже предположить, что Ермаку было извѣстно, что у Татаръ на Тоболѣ есть свой хлѣбъ (55), то даже и въ этомъ случаѣ ему нужно было запастись, хотя бы и однимъ толокномъ, на громаду въ 540 человѣкъ, которые, въ-продолженіе одного мѣсяца, должны были потребить тысячу пудовъ хлѣба, полагая, что каждый изъ нихъ въ цѣлый день съѣдалъ его только по два съ половиною фунта. Въ этомъ случаѣ, ему не легко было бѣжать за Уралъ безъ содѣйствія посторонней помощи.

Строгоновымъ, которымъ угрожало конечное разореніе отъ присутствія на ихъ землѣ огромной ватаги безпутныхъ воровъ, неподающихъ никакой подмоги противъ враговъ, обступившихъ уже, въ самое это время, пермскую землю, Строгоновымъ нельзя было съ ними сладить, приказать защищать родную землю; имъ нужно было избавиться отъ незваныхъ гостей и по неволѣ уступить всѣмъ ихъ требованіямъ, снабдить ихъ толокномъ, солью, можетъ-быть, даже порохомъ, но, безъ сомнѣнія, съ разсчетомъ и не обезсиливая себя въ предстоявшихъ крайнихъ нуждахъ. Наши ученые мужи, слѣдуя знаменитой лѣтописи, увѣряютъ насъ, что Строгоновы снабдили Ермака даже и артиллеріей: эту выдумку мы даже и опровергать теперь не будемъ, хотя въ-послѣдствіи (глава X) постараемся при случаѣ доказать, что у Ермака не могло быть ни одной пушки.

Можетъ быть даже и то, что Строгоновы, имѣя въ виду общія выраженія царской грамматы 1574 года, о посылкѣ ратныхъ людей, о воеванья, сами рады были случаю прикрыть этимъ дозволеніемъ свои вынужденныя Ермакомъ распоряженія и, чтобъ скорѣй освободиться отъ казаковъ, поджигать ихъ замыслы надеждою на вѣрный успѣхъ.

А можетъ-быть, дѣло обошлось и еще проще, безъ всякаго знанія и тутъ со стороны Строгоновыхъ: Ермакъ, прибывъ на Чусовую, въ августѣ 1581 года, могъ, своей рукой властной, безъ излишней и несвойственной ему деликатности, обобрать чусовскихъ крестьянъ и 1-го

---

(55) См. прим. 12 и 38.

«Провіантъ русской *арміи* составляютъ — сухари, то-есть хлѣбъ, изрѣзанный въ мелкіе куски и высушенный въ печкѣ; крупа ячная, просяная, а наиболѣе овсяная (croup qui est fait de millet et orge mondé; mais le principal est fait d'avoine); толокно, то-есть поджаренный и высушенный овесъ, измолотый въ муку (его употребляютъ разнымъ способомъ, въ видѣ кушанья и напитка: смѣшавъ въ доброй чашѣ двѣ или три горсти толокна съ водою и двумя или тремя щепотами соли, воины пьютъ эту смѣсь, считая ее вкусною и здоровою); соленое и копченое мясо баранье, свиное и рогатаго скота; масло; сыръ, истертый въ муку — его пьютъ съ водою; большое количество хлѣбнаго вина; наконецъ рыба сушеная и соленая, которую ѣдятъ сырую. Это пища начальниковъ: воины довольствуются сухарями, овсяною крупою и толокномъ, съ небольшимъ количествомъ соли».

(Estat de l'Empire de Russie et Grande Duché de Moscovie... depuis l'an 1390 jusques en l'an 1606... par le capitaine Margeret.)

же сентября того же 1581 года скрыться такъ, что его и слѣхъ простылъ.

Оно такъ почти и выходитъ: сами Строгоновы на Чусовой не жили, а жили на Камѣ, выше устья Чусовой; чусовское населеніе не въ состояніи было сдѣлать отпора разбойникамъ, превосходившимъ ихъ своею численностію и завербовавшимъ въ свою шайку сорокъ человѣкъ строгоновскихъ же крестьянъ и казаковъ; Ермакъ пропалъ, и никто не зналъ, куда именно онъ отправился (какъ это обнаруживается изъ слѣдующей царской грамматы).

Изготовившись къ пути, Ермакъ нагрузилъ свои струги разною кладью и, взявъ съ собой *провожатыхъ*, пошелъ по Чусовой и поднялся рѣчкою Серебрянкою столько, сколько было возможно идти водою. Здѣсь надлежало ему остановиться, бросить свои струги и идти черезъ горы пѣшкомъ, не иначе. Перевезя всю кладь за одинъ разъ на вьючныхъ лошадяхъ, а можетъ-быть перенеся ее на плечахъ или даже на волокушахъ, на ту сторону Урала, казаки вышли на рѣку Тагилъ, срубили здѣсь для себя плоты и—пошли-себѣ съ Богомъ въ невѣдомый путь! Очень-вѣроятно, что во время днёвокъ и разныхъ остановокъ, они ладили себѣ суда, однодерёвки, струги, но безъ сомнѣнія понемногу и исподоволь: изготовить разомъ суда для всѣхъ 540 человѣкъ—невозможно.

Доплывъ до рѣки Туры, казаки вступили въ область кучумова юрта, или въ такъ-называемое у насъ Сибирское-Царство («и вышедъ на рѣку Туру: ту бѣ и сибирская страна»).

Вогуло-остяцкія племена, бывшія уже съ пелымскимъ княземъ прежде на Чусовой и двигавшіяся въ это самое время далѣе по Перми, съ самаго прибытія казаковъ слѣдили, вѣроятно, за толпами новаго народа, нагрянувшаго съ Ермакомъ на строгоновскія владѣнія; но, не получая ни откуда отпора, они съ новымъ ожесточеніемъ бросились на Русскихъ и разграбили всю сторону пермскую. Нападеніе это, какъ мы видѣли, было вовсе не нечаянное, какъ говоритъ Карамзинъ, а давно предвидѣнное и давно заставившее Строгоновыхъ заявить правительству о грозящей бѣдѣ обитателямъ Камы.

Иванъ Васильевичъ, какъ царь и какъ человѣкъ, былъ пораженъ донесеніемъ о грабежахъ Вогуловъ; огорченный вѣстями объ участи русскаго народа, а еще болѣе взволнованный и разгнѣванный донесеніемъ чердынскаго воеводы Пелепелицына (который, какъ основательно замѣчаетъ знаменитый и правдивый историографъ Миллеръ, изъ желанія заподозрить Строгоновыхъ въ черномъ дѣлѣ стачки съ грабителями (56), написалъ къ Государю на нихъ извѣтъ), Грозный, понявъ,

---

(56) Миллеръ, стр. 143. Можетъ-быть, вѣсти о Ермакѣ достигли до Пелепелицына по жалобѣ чусовскихъ обитателей на казацкій грабежъ, и Пелепелицынъ рѣшился употребить собранныя имъ свѣдѣнія въ дѣло противъ Строгоновыхъ, не разузнавъ, куда именно ушелъ Ермакъ съ казаками и отписавъ объ этомъ слѣча «и на Вотяки и на Пелымцы и на Сибирцы».

Карамзинъ (И. Г. Р. т. IX, прим. 671), полагая, что Грозный могъ черезъ мѣ-

что Ермаку невозможно было скрыться безъ содѣйствія Строгоновыхъ, увлекся черными мыслями, обвинилъ ихъ, невинныхъ, въ измѣнѣ и послалъ къ нимъ свою опальную граммату.

У насъ иные эту граммату ставили въ укоръ самому царю Ивану Васильевичу: мы, признаться, не видимъ никакой вины со стороны Грознаго: видимъ только одно—что, вѣря воеводѣ, царь былъ правъ въ опалѣ и еще очень-снисходителенъ къ Строгоновымъ.

Но вотъ и самая граммата; она пышетъ огнемъ и царственнымъ гнѣвомъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаетъ и участіе царя къ самимъ Строгоновымъ. Представляемъ ее вполнѣ:

Граммата царя Ивана Грознаго отъ 16 ноября 7091 (1582) года Максиму и Никитѣ Строгоновымъ,—опальная.

«Отъ царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи, въ Чюсовую, Максиму, Яковлеву сыну, да Микитѣ, Григорьеву сыну, Строгоновымъ.

«Писалъ къ намъ изъ Перміи Василій Телепелицынъ, что послали вы изъ остроговъ своихъ волжскихъ атамановъ и казаковъ, Ермака съ товарыщи, *воевать Вотяки и Вогуличей и пелымскія и сибирскія мѣста* сентября въ 1-й день.

«А въ тотъ же день, собрався, пелымскій князь съ сибирскими людьми и съ Вогуличи приходилъ войною въ наши пермскія мѣста, и къ городу къ Чердыни къ острогу приступалъ, и нашихъ людей побили, и многіе убытки нашимъ людемъ починили.

«И то сдѣлалось *вашею измѣною! Вы* Вогуличъ и *Вотяковъ* и Пелымцовъ отъ нашего жалованья отвели, и ихъ задирали, и войною на нихъ приходили, да тѣмъ задоромъ съ сибирскимъ съ салтановъ ссорили насъ; а волжскихъ атамановъ *къ себѣ призвавъ воровъ наняли въ свои остроги безъ нашего указу.*

«А тѣ атаманы и казаки прежъ того ссорили насъ съ ногайскою ордою, пословъ ногайскихъ на Волгѣ на перевозѣхъ побивали, и Ардобазарцовъ грабили и побивали, и нашимъ людемъ многіе грабежи и убытки чинили. И имъ было вины свои покрыти тѣмъ, что было нашу пермскую землю оберегать — *и они сдѣлали со вами вмѣстѣ потому же какъ на Волгѣ чинили и воровали!*

«Въ *который день къ Перми, къ Чердыни, приходили Вогуличи*, сен-

---

сяцъ узнать, что дѣлается въ Перми, сомнѣвается, чтобъ онъ не раньше какъ черезъ цѣлый годъ узналъ о набѣгѣ пелымскаго князя.

Если предположить, что 1-го сентября 1581 года пелымскій князецъ началъ дѣлать набѣги съ рѣки Чусовой, что набѣги эти на Чердынь и на всю пермскую страну продолжались нѣсколько недѣль, а можетъ-быть и мѣсяцовъ, что одни переходы Вогуличъ и Остяковъ доуральскихъ (бывшихъ тоже въ волненіи) съ одного мѣста на другое требовали много времени и что въ тѣ времена трудно было передавать вѣсти на Москву съ быстротою, нынѣ доступною, то намъ и не будетъ казаться удивительнымъ, что опальная граммата была подписана въ ноябрѣ 1582 г.

тября въ 1-й день—*и въ тотъ же день отъ тебя* изъ остроговъ *Ермакъ* съ товарыщи *пошли воевать Вогуличи!* А Перми ничѣмъ не пособили!

«*И то все сталося вашимъ воровствомъ и измѣною!* А только бы вы намъ служили—*и выбъ тѣхъ казаковъ въ тѣ поры въ войну не посылали, а послали ихъ и своихъ людей* изъ своихъ остроговъ *нашія земли* пермскія *оберегать!*

«И мы послали въ Пермь Воина Оничкова, а велѣли тѣхъ казаковъ, Ермака съ товарыщи, взявъ, отвести въ Пермь и въ Усолье Камское и тутъ имъ стояти велѣли раздѣлався, и изъ тѣхъ мѣстъ на пелымскаго князя зимою на нартахъ ходить воевать велѣли есьмя тѣмъ всѣмъ казакамъ и Пермичамъ и Вятчанамъ съ своими посланники съ Воиномъ съ Оничковымъ да съ Иваномъ Глуховымъ, чтобъ впередъ воинскіе люди Пелымцы и Отяки и Вогуличи съ сибирскими людьми на наши земли войною не пришли и нашіе земли не извоевали; а велѣли есмя тѣмъ казакамъ быти въ Пермін до весны, и на Отяки и на Вогуличи ходити съ Воиномъ воевать и ихъ въ нашу волю приводить по нашему указу.

«А вы бъ, обсылався въ Чердынь съ Васильемъ съ Нелепелицынымъ и съ Воиномъ съ Оничковымъ, посылали отъ себя воевать Вогуличъ и Отяковъ, и одиначно бъ естя, по сей нашей граммать, казаковъ всѣхъ, только къ вамъ изъ войны пришли, послали ихъ въ Чердынь тотчасъ и у себя ихъ не держали; а будетъ для приходу вамъ въ острогѣ быти нельзя — и вы бъ у себя оставили немногихъ людей, человѣкъ до ста, съ которымъ атаманомъ, а достальныхъ всѣхъ выслали въ Чердынь одиначно тотчасъ.

«А *не вышлете* изъ остроговъ своихъ въ Пермь волжскихъ казаковъ, атамана *Ермака* Тимофеева *съ товарыщи, а учнете ихъ держати у себя*, и пермскихъ мѣстъ не учнете оберегати, и такою вашею измѣною, что надъ пермскими мѣсты учинитца отъ Вогуличъ и отъ Пелымцовъ и отъ сибирскаго салтана людей впередъ — и намъ въ томъ на васъ опала своя положить большая!

«А *атамановъ и казаковъ, которые слушали васъ и вамъ служили, а нашу землю выдали—велимъ перевѣшати!*

«И вы бъ тѣхъ казаковъ одиначно отпустили отъ себя въ Пермь, и нашимъ дѣломъ надъ Пелымцы и на Вогуличи и на Вотяки промышляли по нашему указу, ссылався о томъ съ Васильемъ Нелепелицынымъ и съ Воиномъ Оничковымъ, *чтобъ далъ Богъ ихъ извоевать, и въ нашу волю привести, а пермской земли и вашихъ острогов уберечи.*

«Писана на Москвѣ, лѣта 7091 (1582), ноября 16 дня.»

У грамматы приложена черная восковая печать.

На оборотѣ подписано:

Царь и великій князь всеа Русіи.

Дьякъ Андрей Щелкаловъ (37).

Но «гдѣ гнѣвъ—тамъ и милость!» говоритъ старинная русская поговорка. Строгоновы сами чувствовали, что они тутъ чисты и рѣшительно ни въ чемъ неповинны.

И они, да и сами казаки, были спокойны и не трепетали этой гнѣвной грамматы грознаго государя.

Они ужь знали, съ какимъ гостинцемъ къ царю поѣхалъ вѣрный товарищъ Ермака — извѣстный уже намъ, давно приговоренный къ смерти, Иванъ Кольцо...

Да, много великихъ дѣлъ дѣлается на свѣтѣ, какъ-будто невзначай!

ГЛАВА VI-Я.

Взятіе Сибири.

Ермаковы подвиги въ Сибири. — Первыя стычки на Турѣ — Вѣсти къ Кучуму. — Ополченіе Кучума. — Махмет-Кулъ. — Битва при Бабасанѣ. — Покореніе Карачева-Улуса. — Битва на берегахъ Иртыша. — Засада. — Ночной совѣтъ — Битва подъ Чувашевымъ.—Пораженіе Махмет-Кула.— Бѣгство Кучума. — Вшествіе казаковъ въ кучумову столицу, Сибирь.

«Начиная описаніе Ермаковыхъ подвиговъ, «скажемъ, что они, сильно дѣйствуя на воображеніе людей, произвели многія басни, которыя смѣшались въ преданіяхъ съ истиною и, «подъ именемъ лѣтописаній — обманывали самыхъ историковъ.»

П. М. Карамзинъ.

Ермакъ, съ подчинившимися ему артелями бездомныхъ промышленниковъ-искателей приключеній, явился за Ураломъ, въ предѣлахъ сибирскаго юрта, къ осени 1581 года: цифры этого года вырѣзаны и на памятникѣ ему въ Тобольскѣ.

По дорогѣ, Ермакъ всюду встрѣчалъ кочевья и мелкія сборища туземныхъ племенъ, которыя и не думали ему сопротивляться, потому-что, ведя жизнь кочевую или бродячую, они переходили съ одного мѣста на другое, не знали о поземельной собственности и не имѣли, значитъ, никакого повода препятствовать походу толпы, дотолѣ ими невидѣнной. Тѣ изъ сибирскихъ обитателей, которымъ сознаніе осѣдлости было уже доступно и которые, можетъ-быть, не такъ хладно-

(37) Миллеръ, стр. 146. Въ этомъ же году врачевавшій Годунова Строгоновъ получилъ право на «именитость»: въ этомъ же году пришло и посольство Ермака въ Москву: стеченіе этихъ обстоятельствъ, если вникнуть въ ихъ смыслъ, еще болѣе убѣдитъ въ несправедливости начала Строгановской лѣтописи. (П. Г. Р. т. IX, прим. 611, 617 и 653).

кровно смотрѣли на своихъ незваныхъ гостей, не могли поставить казакамъ; никакого препятствія; тѣ, которые жили далѣе отъ берега, не видѣли самодѣльной флотиліи казаковъ, тѣ же, которые видѣли ее, не могли пуститься въ погоню за нею: плаваніе на судахъ и въ лодкахъ, какъ мы имѣли уже случай замѣтить, не было у нихъ въ общемъ употребленіи.

Углубляясь далѣе и далѣе въ пустынныя мѣста, Ермакъ явился на Турѣ. Первое, что̀ онъ встрѣтилъ здѣсь, что̀ напоминало ему жизнь, нѣсколько похожую на жизнь нашего народа — были пашенные юрты или улусы Вогуловъ и Остяковъ, находившихся въ непосредственномъ завѣдываніи или кучумова брата, или остяцкаго князя Епанчи. О населенности тамошнихъ мѣстъ мы имѣемъ кой-какія, хотя и чрезвычайно-краткія, но достовѣрныя статистическія данныя, извлеченныя нами изъ неопровержимыхъ документовъ, царскихъ грамматъ, наказныхъ памятей и другихъ актовъ (58). Хотя данныя эти относятся и

---

(58) Мы изъ «Сибирской Исторіи» Миллера и изъ помѣщенныхъ въ ней грамматъ и разныхъ документовъ сдѣлали слѣдующее извлеченіе. Извлеченіе это, содержащее въ себѣ статистическія свѣдѣнія за время около конца XVI и начала XVII столѣтій, будетъ служить какъ-бы продолженіемъ свѣдѣній, помѣщенныхъ въ 6, 12, 20 и 83 примѣчаніяхъ. Цифры въ скобкахъ означаютъ страницы Исторіи Миллера перваго, 1750 года, изданія.

Таборы (230 и 237) былъ городъ или городище на *Тавдѣ*, пониже устья Пелыма (по Кн. Бол. Черт. стр. 218 — онъ лежитъ на рѣчкѣ Таборы, текущей въ Тавду).

Кошуки (270) — вогульская волость на рѣкѣ Печенкѣ (Кн. Бол. Черт. стр. 219 — Ашуки на Тавдѣ, ниже Таборовъ), нынѣ по рѣкѣ Тавдѣ существуютъ селенія: Табаринска, ниже ея — Табаринское, а за нимъ Кошуцкое.

На чертежъ въ 1600 году были уже положены слѣдующія мѣста (364):

I. Отъ Верхотурья (отъ Неромкары) до Туринска (до Епанчина-Юрта):

Байгаринъ
Колмакъ
Илясовъ
Ургунчинъ
Кокузовъ
— всѣ пять — пашенные юрты.

II. Отъ Туринска къ Тюмени:

Енбайковъ — пашенный юртъ.

Далѣе отъ Туринска верстъ съ пять поле, десятинъ съ 30; за нимъ:

Ногаевъ,
Аккапа,
Неболсинъ, что было городище кучумова брата,
Берсегеневъ,
Девлетевъ,
Кабачинъ,
Эти шесть юртовъ были пашенные же.

Два юрта непашенныхъ.

О тогдашнемъ народонаселеніи этихъ мѣстъ изъ тѣхъ же документовъ извѣстно слѣдующее (355 и 361):

Епанчинъ — юртъ; около него жили Татары, и Остяки, и Вогуличи. Нынѣ это мѣсто зовется «Туринскъ».

«А у Епанчи въ юртѣ всего — восемь человѣкъ, да и тѣ стары и нужны: послати для вѣстей нѣкого.

Юрты Епанчина сбору:

I. Вверхъ по Турѣ (между Туринскомъ и устьемъ Тагила):

къ позднѣйшему нѣсколько времени, но все-таки они могутъ навести насъ на мысль о суммѣ сопротивленій, которыя предстояли Ермаку во время его похода.

Объ отношеніяхъ обитавшихъ здѣсь народцевъ къ князькамъ, а князьковъ къ Кучуму, мы можемъ сказать только то, что, *вѣроятно*,

---

Отъ Турынска (Епанчина) въ 5-ти верстахъ	Кукузовъ, всего	6 человѣкъ.	въ тѣхъ
А верстъ съ пять оттуда	Угунчинъ, —	6 человѣкъ.	юртахъ
Въ полудняхъ отъ Епанчина	Ильясовъ, —	6 человѣкъ.	пашенные
Въ днищѣ отъ Епанчина	Багаринъ да Колмаковъ, —	6 человѣкъ.	Остяки.
Верстъ со сто отъ Епанчина юртъ	Санкинъ, —	8 человѣкъ.	

Выше тагильскаго устья—пашенныхъ Татаръ, то-есть, Вогуловъ и Остяковъ мухаммеданъ—нѣтъ.

II. Вверхъ по Ишѣ.

Во днищѣ отъ Епанчина юртъ Ногаевъ—30 человѣкъ.

III. Внизъ по Турѣ.

Въ пяти верстахъ отъ Епанчина юртъ Енбайковъ—2 человѣка.

У этихъ Татаръ и Остяковъ — и были лошади, но къ 1601 году люди опѣшали, потому-что лошади въ подводахъ распропали (362).

Турынскіе Вогуличи (354 и 369).
(Платили ясакъ съ Епанчинными Татарами.)
Юрты отъ Усть-Тагила вверхъ по Турѣ рѣкѣ.

	Всего живыхъ въ 1601 г. мужеска пола взрослыхъ.
Нелуковъ — четверо женатыхъ; пятеро холостыхъ; одинъ старъ добрѣ: ясаку съ него взять не на комъ.	10 человѣкъ.
Туразиковъ — одинъ женатый.	1 —
Талячинъ — одинъ женатый, двое холостыхъ, одинъ старъ добрѣ изувѣченъ: кормится по юртамъ, да одинъ за звѣремъ не ходитъ: медвѣдь испортилъ — ясаку за нихъ взяти не на комъ.	5 —
Курманчинъ—двое женатыхъ; одинъ старъ—ясаку давно не платитъ; а одинъ умеръ	3 —
Хабарчинъ — двое холостыхъ	2 —
Ямашовъ — четверо женатыхъ, одинъ холостой	5 —
Неромкары или Неромкуры (Верхотурье), *старое чудское городище*; въ этомъ юртѣ было четверо женатыхъ, двое холостыхъ, двое старыхъ, да двое умерло — итого	8 —
А всего въ семи юртахъ. .	34 человѣка.

(Ясаку бралось: съ женатаго—по 10 соболей, а съ холостаго — по пяти соболей.)

Вотъ какъ описывали это городище въ 1597 году бывалые люди «для городового и осторожнаго дѣла»:

«Отъ рѣки отъ Туры, по берегу, крутово камени горы (утесы) отъ воды вверхъ «высотою саженъ съ двѣнадцать и больши, а саженьми не мѣрено; а та гора крута, «утесъ. И тово мѣста по Турѣ по рѣкѣ, по самому берегу—шестдесятъ саженъ боль«шихъ. И по смѣтѣ тому мѣсту городовая стѣна не надобѣ, потому что то мѣсто «добре крѣпко— ни которыми дѣлы взлѣсти не можно! И по смѣтѣ (коли смекнуть) «—тому мѣсту городовая стѣна не надобѣ, потому что мѣсто, и безъ городовые стѣ«ны, всякова города крѣпче. Развѣ бъ потому мѣсту велѣти хоромы поставить «врядъ—что городъ же; да избы подѣлать и дворы бъ поставить постѣнно, а по угломъ «города, отъ рѣки отъ Туры — поставить наугольныя башни» (336).

Волости по рѣкѣ Иртышу.

Асъ-Пугль и Куль-Пугль (231, 252 и 395), въ конкой землѣ; ихъ называли сначала Васпакульская-Волость и Колпокутпкая-Волость или Васпадукукъ и Колпукулукъ;

и въ тѣ времена между ними существовали тѣ же самыя отношенія, какія и нынѣче находимъ у кочевыхъ народовъ Сибири, то-есть, *кибитка*, *юрта* — соединеніе членовъ одного и того же семейства, *улусъ* — соединеніе нѣсколькихъ семей; *аулъ* — связь всѣхъ семей въ поколѣніе, подъ одну *власть* или *волость*; *орда* — соединеніе

потомъ Аспуколокъ и Кулпуколокъ волостки, накопецъ, Аспухольскія-Юрты и Колпуховскія-Юрты; по правому берегу Иртыша, между рѣками Демьянкою и Обью, ближе къ Оби, нынѣ есть деревня Заводинская, Колпухово — тожъ.

Волости отъ Тобольска вверхъ по Иртышу, въ Верхнюю-Землю, къ новому городу ко Ялому, идѣ поставленъ будетъ городъ государевъ на Тарѣ рѣкѣ (1594 г.).

Въ 1594 году половину ясака платили царю русскому, а другую половину давали Кучуму.	Курдакъ, нынѣче Каурдацкая (четыре дни ѣзды по Иртышу отъ Тобольска), въ ней князь Канкулі; народу	350	человѣкъ.
	Соргачъ, нынѣ Саргацка, при устьѣ Ишима (восемь день отъ Тобольска), а въ ней князь Янбышъ; народу	80	—
	Отузъ (ходу два дница), народу	15	—
	Таву (ходу два дница), лучшій человѣкъ Апгильдей; народу	10	—
	Урусъ, народу	6	—
	Токузъ, въ ней лучшій человѣкъ Баишепъ; народу	3	—
	Супра.		
	Аялы (также Оялы, Ялы, Ялымъ, нынѣ Тара), а въ ней ясаулъ Ямукъ, а другой Ямильдей; ходу до той волости отъ Тобольскова города въ судѣхъ вверхъ по Иртышу пятнадцать дницъ; народу у нихъ	500	—
	Всего около	1000	человѣкъ.

Мерзлый-городокъ;
Турашъ;
Кирпики;
Малогорцы или Малогородскіе волости, за Тарой вверхъ по Иртышу.

Въ 1594 году эти волости были за нагайскимъ мурзою Алеемъ (272).

Вузюковы волости на Вузюковѣ-Озерѣ (вѣроятно, близъ Оми или Чанъ).

Волости эти исчисляются слѣдующимъ образомъ (295):

Городокъ Тунусъ, князь Чангула-Мурза (нынѣче есть селеніе Тупуска на рѣкѣ Тарѣ, на границѣ Тобольской и Томской Губерніи.

Волости: Чангула, Лугуй, Люба, Келема, Турашъ, Барама, Кирпики,

За Алеемъ, мурзою нагайскимъ; въ 1595 году ясаку Москвѣ не давали; они были преданными приверженцами Кучума и никакихъ ясаковъ до того времени московскому двору не платили, отправляя разнаго рода повинности натурою Алею и Кучуму, на-примѣръ, распахивая ему поля, снабжая его рыбою изъ озеръ и защищая его отъ преслѣдованія русскихъ отрядовъ. (По Барабинской-Степи близъ Оми и Убинскаго-Озера.)

Кетскія волости.

Пѣгая-Орда или Нарымъ, при устьѣ р. Кети въ Обь (320, 327). У Пѣгой-Орды было два городка: «Нижній Нарымъ» на р. Нарымѣ и «Верхній Нарымъ» въ двадцати тогдашнихъ тысяча-саженныхъ верстахъ отсюда.

У ней волости:
Ларбодиска,
Каскопиковская,
Миткасская,
Чюрубарская (въ предѣлахъ нынѣшней Томской-Губерніи выше села Тогуръ).
Шамская.
Кадышская волость вверхъ по Кети.

Нарымскій и Кетскій остроги, на Раздорѣ, на лѣвой сторонѣ Оби и кетскаго устья (318).

всѣхъ поколѣній, и наконецъ *сибирскій юртъ*—совокупная связь всѣхъ этихъ единичныхъ дѣленій. Глава этого юрта былъ сибирскій царь или ханъ; Сибирь—была то же, что ханская ставка; отдѣльные предводители племенъ, ауловъ, волостей, имѣли отношеніе къ нему, какое нынѣшніе киргизскіе султаны имѣютъ къ своему хану: они были лучшіе люди изъ мѣстныхъ народовъ и назывались князьками и ясаулами; а духовенство мухаммеданское, ахуны и сеиты, и родственники хана, царевичи, были его думными, карачами.

Какъ ни ограниченно, можетъ-быть, было туринское населеніе, но Ермакъ понималъ, что здѣсь дѣло не обойдется безъ битвы, потому-что улусники были въ необходимости защищать ту землю, которая имъ принадлежитъ по праву. Ермакъ рѣшился дать тутъ «сраженіе»... но при первыхъ же выстрѣлахъ дикари пришли въ смятеніе.

Оглушивъ непривычное ухо ружейною пальбою, Ермакъ прогналъ епанчинскихъ Татаръ и обратилъ ихъ въ бѣгство.

Вотъ, въ какихъ выраженіяхъ передаетъ строгоновскій лѣтописецъ ощущенія сибирскихъ дикарей, такъ хорошо понятыя и какъ-будто-бы отъ нихъ подслушанныя, но переданныя тогдашнимъ книжнымъ языкомъ:

«Таковы бо суть Рустіи воини сильни: егда стрѣльнутъ изъ луковъ «своихъ — тогда огнь пышетъ и дымъ великій исходитъ и громко «толкнетъ, аки громъ на небеси. А ущититься отъ нихъ никакими «ратными сбруями не мочно: куяки и бехтердцы и пансыри и коль«чуги наши не держатъ—все пробиваетъ на вылетъ.»

Первый шагъ и первая побѣда оправдали надежды Ермака. Онъ пустился далѣе, пошелъ внизъ по Турѣ, вышелъ на Тоболъ и, достигнувъ устья Тавды, встрѣтился съ толпою Сибирцевъ или Татаръ, предводительствуемыхъ приближеннымъ къ Кучуму сановникомъ, по имени Таузаномъ. Казаки переловили Татаръ и Таузана представили Ермаку. Ермакъ принялся его разспрашивать, и Таузанъ, которому были показаны опыты всемогущества русскаго ружья, со страху

Тогуръ — тамъ же.

Сургутъ — внизъ отъ Нарыма, по Оби; князь Бардакъ.

Томскія волости (392) 1604 года.

Еушта, на Томи, князь Тоянъ; народу 300 человѣкъ.

Чатская или Чаты, десять дней пути отъ Тояна. Вѣроятно, барабинскіе Татары у озера Чаны.

Киргизы, семь дней пути отъ Тояна; князь Немча; народу 1000 человѣкъ (по Іюсу, Урюпу и Чулыму).

Волости князя Бинея: отъ Тояна до ближняго Бинеева кочевья 10 дней пути, до дальняго 5 недѣль; народу 10,000 человѣкъ (Миллеръ полагаетъ, что это должно быть Калмыки, кочевавшіе между Иртышемъ и Обью.)

Телеуты; князецъ Обакъ; отъ Тояна 5 денъ пути до дальняго кочевья; народу 1000 человѣкъ.

Чити; у нихъ Умацкій князецъ; ходу до него отъ Тояна 14 денъ; народу 300 чел. Мы уже имѣли, въ 1847 году, случай обнаружить свои догадки, что это была именно татарская кійская волость половины XVII столѣтія, по р. Кіѣ, текущей въ Томь.

Кузнецы—или Кузнецкая волость, въ предѣлахъ нынѣшняго Кузнецкаго-Округа.

смерти «повѣда имъ вся по ряду про сибирскихъ царей и князей, про мурзъ и улановъ и про царя Кучума». Ермакъ, добывъ языка и разузнавъ всѣ подробности, отпустилъ его съ миромъ, «да скажетъ Кучумови салтану пришествіе ихъ».

Кучума удивилъ нежданый приходъ Русскихъ, а чудеса, разсказанныя про казаковъ Татарами, заставили его крѣпко опасаться грознаго непріятеля. По разсказамъ лѣтописцевъ, «Царь Кучумъ оскорбися и опечалися вельми зѣло и въ недоумѣніи многъ бысть; и посылаетъ во всю свою державу по градомъ и улусомъ, дабы къ нему ѣхали во градъ Сибирь на спомоганіе противу русскихъ сильныхъ вой. Въ малѣ же времени собрашася къ нему все множество воя его, князи, и мурзы, и уланове и Татарове и Остяки и Вогуличи и прочая языци подъ властію его вси».

Собравъ рать, Кучумъ послалъ ее противъ Ермака, назначивъ начальникомъ надъ избраннымъ имъ людьми сына своего Махмет-Кула. А самъ, между-прочимъ, оставаясь въ своей резиденціи, Сибири, въ ожиданіи приближенія Ермака къ Иртышу, велѣлъ, на всякій случай, въ недальнемъ разстояніи отъ Сибири, внизъ отъ нея по Иртышу, ближе къ Тоболу, при урочищѣ Чувашевомъ, приготовить новый городокъ или ограду, укрѣпленную валомъ, которую (слѣдуя лѣтописцамъ) онъ приказалъ «засыпати землею и каменіемъ и окрѣпити, яко же есть достойно утвержденію» — однимъ словомъ, приготовился какъ слѣдуетъ.

«Маметкулъ же, съ вои своими, донде до нѣкоего урочища, иже Бабасанъ именуемо» и тутъ, на Тоболѣ, между Тавдою и Иртышемъ, встрѣтился съ нашими «витязями». Витязи наши, по одному лѣтописцу, «*не мало* убояшеся», а по другому лѣтописцу «*ни мало* того устрашишася». Что было вѣрнѣе—не знаемъ, но нѣтъ сомнѣнія, что казакамъ не совсѣмъ это полюбилось.

Въ-самомъ-дѣлѣ, съ этого времени дѣло принимаетъ болѣе-серьёзный оборотъ, и положеніе нашихъ будущихъ завоевателей становится болѣе-затруднительнымъ. Во-первыхъ, враги наши были фанатики, мухаммедане, люди, въ-слѣдствіе вновь воспріятыхъ ими идей, само-по-себѣ воинственные; во-вторыхъ, это были люди, которые, съ разу привыкнувъ къ грому ермаковыхъ пищалей, медлятъ обращаться въ бѣгство и сами уже дерзаютъ осыпать казаковъ тучами стрѣлъ; въ-третьихъ, наконецъ, это были уже не бродячія племена, ни къ чему непривязанныя, а люди болѣе цивилизованные, люди съ сознаніемъ права: дорожа роднымъ клочкомъ земли, они бьются жестоко съ казаками.

Такова была первая битва, при урочищѣ Бабасанъ. Здѣсь Ермакъ хотя и не затмилъ славы своей первой побѣды, однакожь, уступая численности Татаръ, принужденъ былъ, не ожидая бѣгства непріятелей, самъ пуститься на стругахъ своихъ внизъ по Тоболу. Между-тѣмъ, Татары, не имѣя лодокъ, да и на сухомъ-то пути боясь еще близко подступиться къ нашимъ удальцамъ, заняли выгодную позицію на воз-

вышенныхъ мѣстахъ и изъ-за береговыхъ утесовъ преслѣдовали казаковъ меткими стрѣлами.

«Неизвѣстная Рукопись», служившая первообразомъ для составленія «Строгоновской Лѣтописи», такъ описываетъ это событіе: «Рустіи воини видѣвше ихъ (невѣрныхъ), Бога на помощь призвавше, на нихъ устремишася. Они же, сопротивъ ихъ крѣпко бьющеся и отъ бой ихъ много падоша, но проидоша мимо ихъ въ стругахъ казацы».

Ермакъ продолжалъ дѣлать дальнѣйшія завоеванія—мы употребляемъ это слово, потому-что каждый шагъ Ермака, въ странѣ чужой, былъ уже побѣдой: гдѣ онъ прошелъ, тамъ пріобрѣлъ право собственности, налагая свою руку на богатства прибрежныхъ обитателей; гдѣ онъ разбивалъ мухаммеданъ въ битвѣ, тамъ въ ихъ глазахъ, въ ихъ убѣжденіи былъ ихъ законнымъ покорителемъ.

На рѣкѣ Тоболѣ, Ермакъ встрѣтилъ новую татарскую осѣдлость, кучумовыхъ же подданныхъ: этою мѣстностью правилъ какой-то думный кучумовъ карача: имя его неизвѣстно. Слово это означаетъ вообще «набольшаго» (59), но мы будемъ употреблять его какъ собственное имя, по примѣру другихъ, писавшихъ о ермаковомъ набѣгѣ. Ермакъ не замедлилъ сразиться и съ Карачею. Онъ вышелъ на берегъ, далъ «брань не малую», разбилъ Карачу въ пухъ, разорилъ его улусъ, взялъ богатую добычу, все, что нашелъ тутъ, даже медъ, перенесъ на свои плоты и поплылъ на новые подвиги далѣе, внизъ по Тоболу, ближе къ Иртышу.

Близъ устья Тобола, его настигли Татары. На этотъ разъ, Ермаку трудно было уплыть, жалѣя зарядовъ. Не всѣ враги были пѣши, многіе были на коняхъ: они слѣдили за ходомъ ермаковыхъ плотовъ, старались преградить ему дорогу своими стрѣлами и надѣялись ввести казаковъ въ засаду.

Сынъ Кучума, Махмет-Кулъ, поджидалъ своего непріятеля въ новомъ укрѣпленіи, подъ Чувашевымъ. Но Ермакъ, не доходя еще до Чувашева, причалилъ къ берегу близъ самаго устья Тобола и мужественно кинулся на наѣздниковъ и на пѣшую рать. Битва его увѣнчалась успѣхомъ: Татары обратились въ бѣгство; удалые казаки сѣли на струги и, распростившись съ Тоболомъ, стали подниматься вверхъ по Иртышу. У нихъ въ этой битвѣ «мало убіено бысть: точію кійждо уязвленъ быша» (60).

---

(59) «Царь со всѣми *карачи*, духовными и мірскими».—«И отдаша намъ царя своего со единымъ *карачемъ*, что *наибольшимъ* ихъ; царю же было бусурманское имя Илигеръ (казанскій), а *князю* оному—Зеніешъ» (Сказанія Князя Курбскаго. 1833, ч. I, стр. 41).

Карамзинъ (стр. 387, т. IX, И. Г. Р.) полагаетъ, что эта битва была на Карачинскомъ-Озерѣ. Откуда вывелъ это исторіографъ — не понимаемъ и очень бы желали знать, какими способами могли казаки въ лодкахъ пробраться внутрь страны, если, дѣйствительно, сраженіе было при озерѣ. Не можетъ быть, чтобъ казаки бросили свои струги и отправились туда пѣшкомъ.

(60) Лѣтопись Сибирская (Строгоновская) 1821 г., стр. 33. Карамзинъ, т. IX, примѣч. 683.

Взятое Ермакомъ направленіе, то-есть, именно то, что Ермакъ поплылъ вверхъ, а не внизъ по Иртышу, что, казалось бы, для него было и удобнѣе и сподручнѣе—доказываетъ уже, что хитрый казакъ дѣйствовалъ по здраво-обдуманному и умно-разсчитанному плану. Зная, вѣроятно, что внизъ по Иртышу и далѣе, по Оби, живутъ Остяки, питающіеся преимущественно одною рыбою, хотя и не менѣе богатые дорогими мѣхами, Ермакъ сообразилъ, что въ этихъ мѣстахъ, зимой, средства къ жизни и прокормленію многочисленныхъ товарищей его будутъ недостаточны. Вверхъ же по Иртышу были юрты пашенные, народъ богаче средствами къ осѣдлому проживанію; близко тутъ же самъ царь Кучумъ жилъ; къ Кучуму ходили торговые Бухарцы. Ермакъ, можетъ-быть, и разсчитывалъ, что, поднявшись съ осени подальше отъ Сибири, онъ весною, по вскрытіи водъ, отдохнувъ хорошенько зимой, съ свѣжими силами нахлынетъ на Сибирь, и тогда что Богъ дастъ! а пожива вѣрная и богатая. А до того времени, вдали отъ Кучума, онъ съ пятьюстами удальцовъ надѣялся, можетъ-быть, при помощи ружья, мирно и согласно прозимовать съ сосѣдями, которыхъ ему Богъ пошлетъ.

Можетъ-быть, и въ-самомъ-дѣлѣ такъ разсчитывалъ Ермакъ, но не такъ вышло на дѣлѣ.

Кучумъ, получивъ извѣстіе о новомъ пораженіи своихъ Татаръ и о походѣ Ермака по Иртышу къ Сибири, обрадовался случаю отплатить нарушителю своего спокойствія должною местью. Онъ пошелъ самъ къ нему на встрѣчу и отправился подъ Чувашево для усиленія въ новомъ укрѣпленіи рати своего сына.

Это было 22 октября 1581 года, въ пятьдесятъ-второй день похода Ермака.

Къ вечеру этого дня, казаки подплыли къ Чувашеву, и такъ-какъ ночью подниматься вверхъ, въ сосѣдствѣ отъ Сибири, было слишкомъ-опасно, то, замѣтивъ старое городище (въ которомъ были ли въ то время обитатели—неизвѣстно), называемое Аты, или городокъ Атикъ-мурзы, засѣли въ немъ, не зная, какъ кажется, о приготовленной для нихъ засадѣ (61).

---

(61) Вотъ точка зрѣнія, съ которой смотритъ на все это событіе «Строгоновская Лѣтопись» (стр. 33, изд. г. Спасскаго):

Глава XVII.

О взятіи городка Атика-Мурзы.

Придоша русское воинство подъ городокъ Атикъ-Мурзы и взяша его и сѣдше въ немъ, уже нощи пришедши, тьмѣ нашедшу.

Видѣвше же казаки у засѣки толикое поганыхъ собраніе — они же сего устрашишася и рекоша себѣ: како можетъ стати противу толикаго собранія? И начаша размышлятя въ себѣ, и учиня кругъ, и совѣтъ благъ сотворища о томъ и глаголаша другъ ко другу: «отойти ли намъ мѣста сего, или стояти единодушно?» Инии же начаша мыслити и глаголати: «лучше бы намъ было, аще отыдемъ отъ нихъ въ отходъ!» А инии же супротивъ глаголюще жестостію твердо:

«О, братія наша единомыслонная! Камо намъ бѣжати? Уже осени достигшу и въ «рѣкахъ ледъ смерзается: не дадимся бѣгству, и тоя худыя славы себѣ не полу-

Утомленные недавнею битвою и трудностью пути, казаки расположились-было на покой; но зоркіе глаза стражи замѣтили страшное полчище невѣрныхъ, заранѣе радовавшихся ожидающей ихъ побѣдѣ. Многочисленность непріятелей испугала нашихъ витязей. Поднялась тревога; паническій страхъ объялъ казаковъ: они рѣшились бѣжать!

«чимъ, ни укоризны на себя не положимъ, но возложимъ упованіе на Бога. Не отъ «многихъ бо воіи побѣда бываетъ — но свыше, отъ Бога, помощь дается: можетъ бо «и безпомощнымъ Богъ помощи. Слышали есмы, братія, сами колико зла сотво- «рихъ безбожніи оніи и окаяннін Агаряне сибирскія земли, Салтанъ Кучумъ, нашей «русской, пермстѣй земли: государевымъ городомъ запустѣніе, православнымъ хри- «стіаномъ посѣченіе и плѣненіе. И *Строгоновыхъ* острожкомъ колико зла учинили? «—Того ради всемогій Богъ иститъ имъ, окаяннымъ, за кровь ихъ крестьянскую!— «Воспомянемъ, братіе, обѣщаніе свое, какъ мы честнымъ людемъ (Строгоновымъ) «обѣты и слово свое дали и увѣрившеся крестнымъ цѣлованіемъ, елико всемогій «Богъ намъ помощи подастъ, а отнюдь не побѣжати, хотя до единаго всѣмъ умре- «ти — а вспять возвратитися не можемъ, срама ради и преступленія ради слова «своего, яже съ клятвою обѣщахомся (Строгоновымъ). Аще намъ всемогій, въ Троицѣ «славимый, Богъ поможетъ — то и по смерти нашей память наша не оскудѣетъ въ «тѣхъ странахъ и слава наша вѣчно будетъ!»

И посемъ атаманы и казаки утвердившися вси единодушно и мужественно укрѣпившася и увѣрившись до единаго и вси глаголаху едино вкупѣ:

«Готови умрети за святыя Божія церкви! и за истинную православную вѣру по- «страдати! и благочестивому государю, царю и великому князю Ивану Васильевичу «всеа Руси послужимъ! и постоимъ противъ поганыхъ твердо до крови и до самыя «смерти! и того, братіе, не премѣнимъ обѣта своего и вси единодушно на томъ ста- «немъ непоколебими!»

И всѣмъ совѣтъ имъ бысть благъ.

И уже нощи прошедши, свитающу дневи и солнцу просіявшу, — просвѣтися облакъ свѣтлымъ блистаніемъ; Ермакъ же о дѣлѣ своемъ зѣло печашеся и рече дружинѣ своей со слезами:

«О друзи и братіе! — Помолимся Богу, и Пречистой Его Богоматери, и всѣмъ не- «беснымъ силамъ и угодникомъ Его, — дабы сохранены была отъ нечестивыхъ и «окаянныхъ враговъ нашествія!»

И изыдоша изъ городка на бой мѣсяца октября въ 23-й день, на память святаго апостола Іакова, брата Господня, и вси вкупѣ, яко едиными устами, глаголаху: «съ нами Богъ!» и паки: «Господи, помози намъ рабомъ Своимъ!» И начаша приступати къ засѣкѣ мужественно и сурово зѣло — и бысть съ погаными брань велія. Погании же пустиша стрѣлы тьмочисленныя сверху засѣки и изъ бойницъ и многихъ отъ Ермаковы дружины буйственныхъ овѣхъ уязвляютъ, а иныхъ смертно побиваютъ. Погании же, видѣвше храбрыхъ мужей паденіе,—и разломиша сами засѣку свою въ трехъ мѣстѣхъ, и изыдоша на вылазку, надѣяхуся казаковъ неизбратному бѣгству предати. И въ то время на вылазѣ составившася брань велія, крѣпко бьющеся, дондеже другъ друга за руки емлюще сѣчахуся. Казацы же на поганыхъ вси единодушно устремишася и показавше храбрость свою и жесточь надъ нечестивыми и безбожными Агаряны.

«Но малу же времени погании начаша оскудѣвати въ силѣ своей — Богъ же казацѣмъ на поганыхъ побѣду дая; казаны же поля пріобрѣтаютъ, и отъ засѣки отбиша и *знамена своя* на засѣку поставиша, и царевича Маметкула уязвиша — но вои его увезоша на малой лодцѣ за Иртышъ рѣку.

«Царь же Кучумъ, стояще на высотѣ мѣстѣ и видѣвъ своихъ Татаръ паденіе и сына своего Маметкула уязвленіе и бѣгство скоро, — повелѣ муллямъ своимъ кликати свою скверную бусурменскую молитву и начаша призывати къ себѣ на помощь скверные своя боги — и не бысть имъ ни мало помощи.

«И въ то время князи остяцкіи отойдоша съ своими людьми кождо во-свояси.

Они — но не Ермакъ.

Собрался кругъ или совѣтъ. Казаки толковали: время позднее; снѣгъ; не трудно и зазимовать въ чужой странѣ; тогда Татарынъ окружитъ и изведетъ ихъ всѣхъ по одиначкѣ. Положено — бѣжать.

О рѣшеніи казацкой дружины доведено было до свѣдѣнія Ермака. Зная характеръ своего предводителя, своего удалаго атамана, неизъявлявшаго желанія отступать ни на шагъ предъ непріятелемъ, старѣйшіе изъ его шайки, вѣроятно, старались убѣдить его къ побѣгу доводами, по ихъ мнѣнію, самыми неопровержимыми, на счетъ того, что, конечно, въ животѣ и смерти Богъ воленъ, однакожь — оно все-таки недурно бы предотвратить бѣду, пока есть еще къ этому возможность.

«Батюшка нашъ, Ермакъ Тимоѳеичъ (говорили, можетъ-быть, они), ну, самъ ты подумай: вишь Татаръ-то сила какая — несметное множество рати! А нашихъ всего пятьсотъ человѣкъ: такъ царь-то Кучумъ насъ лоскомъ положитъ, живой души не оставитъ, завтра же всѣхъ перебьетъ! Что жь пользы изъ этого будетъ? Сибири не возьмемъ; сами погибнемъ; добычи лишимся; родной земли не увидимъ и сгибнемъ, какъ псы какіе-нибудь, безъ креста и молитвы... Ну, диви-бы случилось такъ, что мы побѣдили Кучума, и богатства набрали и зажили бъ въ полномъ довольствѣ, а то теперь... ну, ты самъ посуди—что насъ впереди ожидаетъ, если и точно случится намъ завтра счастливо пробраться впередъ?.. Нынче и осень въ исходѣ, и снѣгъ ужь идетъ, и зима на дворѣ, и рѣка скоро станетъ: на стругахъ ужь не проберешься... Мы зазимуемъ въ степяхъ, безъ хлѣба, безъ теплой одежды, и тогда или сами погибнемъ съ голоду въ снѣжныхъ сугробахъ, или насъ окружатъ Татары кучумовы, будутъ тѣснить и угомонятъ насъ ни за что ни про что! Такъ убѣжимъ-ка покуда мы цѣлы: благо уйдемъ не съ пустыми руками!»

Ермакъ, котораго честолюбіе и какое-то странное и досель непонятое имъ самимъ чувство ужаснулись этой низкой мысли Русскихъ — бѣжать въ виду врага отъ битвы, старался отговорить названныхъ товарищей отъ предпринятаго ими намѣренія, урезонивая ихъ тѣмъ, что имъ нѣтъ выхода на Русь! Они пропали дома! ихъ головы оцѣнены въ Чердыни!

— Ребята, говорилъ Ермакъ: — потрудись маленько! Богъ милостивъ! Сибирь близка, наживы много... поработай, ребята! Возьмемъ Сибирь!

— Мы ужь и то поработали! отвѣчали казаки: — пора и до дому! Чего намъ дожидаться? Чтобъ всѣхъ насъ перебили?... Идемъ! Бѣжимъ!.. Есть мѣсто намъ и безъ Чердыни!..

Вотъ единственная минута, которая окупаетъ всю протекшую жизнь Ермака и въ которую могла вспыхнуть въ груди его мысль о славѣ. Постоянныя заботы о мелочныхъ потребностяхъ, постоянныя тягости, не смотря на постоянныя побѣды, еще заглушали то высокое чувство, которое должно было разгорѣться въ пылкой душѣ его только въ минуты сильнаго потрясенія. Теперь только Ермакъ могъ об-

нять умомъ пройденное имъ поприще; оцѣнить, что его ожидаетъ тамъ, дома, что ожидаетъ здѣсь, и рѣшить то, что успѣлъ онъ совершить въ отдаленномъ краѣ, понять и важность своихъ подвиговъ, прозрѣть тѣ послѣдствія, которыя непремѣнно должны были быть плодомъ нечаянно-заброшеннаго сѣмени.... Съ этой минуты онъ уже не простой волжскій казакъ, онъ не разбойникъ, не одинъ грабежъ—цѣль его: для грабежа онъ могъ найдти себѣ другой притонъ, могъ соединить свои интересы съ интересами огромной своей шайки и, раздѣляя мнѣніе большинства, могъ закончить свой сибирскій набѣгъ и возвратиться благополучно туда, куда надежды хорошей добычи указали бы ему дорогу. Рѣшаясь на битву, Ермакъ является героемъ, которому нуженъ только одинъ шагъ — и онъ на верху славы. И вдругъ, въ такую минуту, шайка грубыхъ буяновъ безъ стыда сознается въ трусости, хочетъ бѣжать, ниспровергнуть всѣ его планы, стереть съ лица земли его доброе дѣло, затоптать въ грязь его славу..

Ретивое заговорило!

Ермакъ остановилъ казаковъ. Онъ вдохнулъ въ нихъ храбрость звуками, на которые отозвались непорванныя еще струны въ сердцахъ воровъ-завоевателей, и они рѣшились: «погибнуть—такъ погибнуть съ честью!»

Утромъ, 23 октября, казаки пошли къ Чувашеву на приступъ.

Битва была жестокая; пули и стрѣлы свистѣли; богатыри сибирскіе валились подъ ударами казаковъ, хотя число Татаръ и превосходило наши силы въ двадцать разъ.

Кучумъ, наблюдая съ высокой горы за движеніями ратниковъ, приносилъ мольбы Аллаху о побѣдѣ надъ Русскими; но казаки были непобѣдимы. Съ обѣихъ сторонъ рѣшался вопросъ о «быть или не быть»: съ обѣихъ сторонъ не было пощады врагу; съ обѣихъ сторонъ ярость дошла до остервенѣнія—бросились въ рукопашную: «и бысть сѣча зла —за руки емлюще сѣчахуся!»

Толпы Татаръ стали замѣтно рѣдѣть; царевичь Махмет-Кулъ былъ раненъ и переплавленъ на ту сторону рѣки съ приближенными къ нему людьми; остяцкіе князцы оставили Кучума и удалились по-своясн.

Покинутый всѣми Кучумъ увидѣлъ бездну, которая такъ неожиданно подъ нимъ разверзлась: ему угрожалъ плѣнъ, а малочисленность его ратниковъ не могла долѣе бороться въ открытомъ полѣ съ богатыремъ казаковъ. Кучумъ возвратился къ своему дому, собралъ весь свой кочевой скарбъ и съ оставшимися въ живыхъ своими подданными пошелъ искать пріюта, куда глаза глядятъ! (62).

---

(62) Вотъ другой образчикъ той же лѣтописи, для критическаго соображенія на счетъ распространенія періодовъ первообраза и для присоединенія по возможности имени Строгоновыхъ:

«Царь же Кучумъ, видя свою погибель и царства своего и богатства лишеніе, рече ко всѣмъ своимъ съ горькимъ плачемъ:

«О, мурзы и уланове! Побѣжимъ, не медлимъ — сами бо видимъ своего царства

Сибири не стало. Но казаки не знали объ этомъ.

Потерявъ въ битвѣ подъ Чувашевымъ пятую часть своей дружины и утомившись отъ продолжительнаго и упорнаго боя, окончившагося только съ наступленіемъ темноты, Ермакъ расположился на покой и поставилъ крѣпкую стражу, опасаясь нѣроломства Татаръ. Утромъ слѣдующаго дня, казаки отправились къ Сибири. Какъ далеко Чувашево лежало отъ Сибири — навѣрное неизвѣстно; кажется, однакожъ, что это очень-близко отъ нынѣшняго Тобольска, верстахъ въ трехъ или около, отъ устья Тобола, вверхъ по Иртышу: воспоминаніе объ этомъ мѣстѣ сохранилось нынѣ въ названіи Подчувашскаго-Перевоза и селенія Подчуваши: значитъ, казакамъ предстояло пройдти менѣе шестнадцати верстъ.

Казаки пошли къ Сибири, какъ увѣряютъ лѣтописцы «безъ боязни». Но когда они приблизились къ ней, то, къ удивленію своему, не замѣтили ни одной души. Раздумье напало на казаковъ; они стали прислушиваться — «и не бѣ никакого гласа». Мертвая тишина и запустѣніе поразили ихъ. Казаки, подозрѣвая, что Татары снова скрылись въ засадѣ, что они притворяются, въ надеждѣ заманить къ себѣ побѣдителей, долго не рѣшались входить въ запустѣлый городъ, «мняще, яко лукавствуютъ погании надъ ними и нѣчто лукавующе». И только 26-го числа, совершенно убѣдившись въ напрасномъ безпокойствѣ, они рѣшились войдти въ Сибирь.

Сибирь была пуста.

Но Ермакъ былъ уже владыкой всего Зауралья, вплоть до самаго Иртыша.

Въ два мѣсяца онъ совершилъ весь свой походъ, побѣдилъ Татаръ — покорилъ Сибирь.

«лишеніе: сильніи наши—изнемогоша и храбріи воини—вси побіени быша! О, горе «мнѣ! Что сотворю? или камо бѣжу? Покры срамота лице мое! Кто мя побѣди — «и царства моего лишихъ? Простыхъ бо людей послаша на мя Строгоновы изъ сво- «ихъ острожковъ свои мнѣ мстити обиды, атамановъ и казаковъ, Ермака съ товари- «щи не со многими своими людьми — и тыи насъ, нашедъ, побѣди и только намъ «зла сотвори: воинство мое избиша, и сына моего уязвиша — еле жива отъ нихъ «увезоша, и мене самого посрами и отъ царствія моего отгна! И неправда моя сія- «де на ма: азъ бо чужая съ радостію пріяхъ, русскую землю воевахъ, Пермь-веди- «кую и Строгоновыхъ острожки — а нынѣ всего своего лишенъ быхъ и самъ по- «бѣженъ бысть! Нѣсть бо тоя радости на земли, яже не премѣнится на жалость!»

«И прибѣже, окаянный, въ градъ Сибирь, и взя себѣ мало—нѣчто отъ сокровищъ своихъ, и вдашася невозвратному бѣгству; а градъ Сибирь оставиша пустъ.» (Стр. Лѣтоп. 1821 г., изд. г. Спасскаго, стр. 38.)

Какъ значительны были богатства сибирскаго царя — мы не знаемъ; но вотъ, напримѣръ, исчисленіе конфискованныхъ въ 1594 году, въ пользу короны, «животовъ» кондійскаго князька: «два вѣнчика серебренныхъ; двѣ чепочки серебренныхъ; ложка серебрена, а у ней шесть плашей серебренныхъ, завитца серебрена; чарка серебрена; 426 соболей; 13 лисицъ — чорныхъ и бурыхъ и красныхъ; 61 бобръ; 1000 бѣлки (сто бѣлокъ были положены тогда противъ одного рубля); завѣсь дорогишена, а опушенъ камчишкомъ двоелишною.» (Миллеръ, стр. 253.)

Объ относительной стоимости бѣлокъ и соболей можно вывести заключеніе изъ того, что когда Етигеръ присылалъ Ивану Грозному по 1000 соболей и по 1000 бѣлокъ, то однажды прислалъ къ нему «за бѣлку—60 соболей». (Миллеръ, стр. 73.)

ГЛАВА VII-Я.

Утрата Сибири.

Умерщвленіе казаковъ. — Плѣнъ Махмет-Кула. — Посольство къ царю. — Подмога изъ Москвы. — Князь Волховской. — Указъ Строгоновымъ. — Ожесточеніе Татаръ. — Вѣроломство Карачи. — Осада Сибири. — Походъ Ермака къ Вагаю. — Смерть Ермака. — Бѣгство Казаковъ.

«Великій! гдѣ бъ ты ни родился
«Хотя бы въ варварскихъ вѣкахъ —
«Твой подвигъ жизни совершился!
«Хотя бъ исчезъ твой самый прахъ,
«Хотя бъ сыны твои, потомки,
«Забывъ дѣянья предка громки,
«Скитались въ дебряхъ и лѣсахъ
«И жили съ алчными волками,
«Но ты, великій человѣкъ,
«Пойдешь въ ряду съ полубогами
«Изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ,
«И славы лучъ твоей затмится
«Когда померкнетъ солнца свѣтъ,
«Со трескомъ небо развалится
«И время на косу падетъ!!»

П. И. Дмитріевъ.

Ермакъ взялъ Сибирь, или, какъ въ то время чрезвычайно-вѣрно выражались сами казаки—«сбилъ съ куреня царя Кучума». Изъ пятисотъ-сорока человѣкъ, первоначальнаго числа дружины, у него стало гораздо-меньше. Порохъ вышелъ. Запасы истощились. Сообщеній съ Русскими на Камѣ не было и не могло быть. Зима...

Остаться въ Сибири— останешься если и не безъ хлѣба, то уже навѣрное безъ снарядовъ; отправиться самому за Уралъ — Сибирь опять потеряна.

Положеніе Ермака было незавидное.

Не смотря на то, что на четвертый же день послѣ занятія имъ запустѣлаго города, возвратились туда и обитавшіе въ немъ Остяки, что они видѣли въ Ермакѣ героя непобѣдимаго, что, не имѣя сочувствія къ личнымъ выгодамъ Кучума, князецъ остяцкій снабдилъ ермакову дружину, сколько могъ, всѣми жизненными запасами, не смотря на то, что семейства этихъ Остяковъ и ихъ жены скоро подружились съ покорителями, Ермаку надо было подумать о будущемъ и оградить себя, сколько это было возможно въ его положеніи, отъ козней Кучума и Махмет-Кула, которыхъ мѣстопребываніе было ему неизвѣстно.

Однакожь, казаки, съ первыхъ же недѣль своей зимовки, увѣрились, что теперь имъ нѣчего безпокоиться, что подвиги ихъ надолго упрочили

въ этихъ мѣстахъ тишину и спокойствіе; они довѣрчиво стали выходить изъ Сибири на промыслы и мелкими дружинами удалялись отъ прочихъ собратій на порядочное разстояніе.

Такъ однажды, 5 декабря, отправившись на рыбный промыселъ къ урочищу Абалакъ (это названіе сохранилось и понынѣ въ названіи селенія Абалацкаго, верстахъ въ пяти отъ бывшей Сибири вверхъ по Иртышу), казаки устроили себѣ тамъ шалаши и, утомившись одно время работой, легли на покой но стражи не разставили. Махмет-Кулъ воспользовался ихъ безпечностью, напалъ на нихъ, и умертвилъ ихъ всѣхъ до единаго.

Узнавъ объ этой потерѣ, Ермакъ съ дружиною бросился за нимъ въ погоню, догналъ его и разбилъ: Татары разбѣжались.

Этотъ случай, послужившій Ермаку новымъ доказательствомъ, что положеніе его было слишкомъ не обезпечено, заставилъ его обсудить свое дѣло со всѣхъ сторонъ.

Въ-слѣдствіе ли давнишнихъ соображеній, или нечаянно, сказать навѣрное трудно, Ермака осѣнила счастливая мысль — рѣшиться на предпріятіе небывалое, на послѣдвюю крайность, на которую могъ рѣшиться только человѣкъ съ сильной энергіей и въ самомъ безвыходномъ положеніи: мысль эта была—послать посольство *къ царю!*

Остановимся на этомъ, и объяснимъ благосклонному читателю, что здѣсь мы должны нѣсколько отступить отъ того порядка, въ которомъ лѣтописцы передаютъ намъ послѣдующія событія. Чтобъ понять вполнѣ дѣло, намъ нужно, вооружившись чистою логикой, войдти въ соображеніе этихъ событій съ ихъ естественною послѣдовательностью въ томъ видѣ, въ какомъ они, по нашему мнѣнію, должны были пропстекать одно изъ другаго; намъ нужно войдти въ тогдашнія обстоятельства Ермака, примѣнить къ нимъ мѣстныя особенности и распутать темное доселѣ дѣло самыми простыми причинами, опредѣливъ вмѣстѣ съ тѣмъ и хронологическій порядокъ происшествій, который самимъ Карамзинымъ признанъ запутаннымъ (63).

Дѣло въ томъ, что до-сихъ-поръ, сколько по-крайней-мѣрѣ намъ это извѣстно, не было положительно опредѣлено нашими писателями:

1) Отъ-чего царь поздно будто-бы узналъ о взятіи Сибири?
2) Когда Ермакъ послалъ къ царю пословъ?
3) Когда царь узналъ о плѣнѣ Махмет-Кула?
4) Когда пришло въ Сибирь царское войско?
5) Что дѣлалъ Ермакъ въ-теченіе весьма-продолжительнаго періода? и
6) Когда умеръ Ермакъ?

О времени плѣна Махмет-Кула нашъ лѣтописецъ, Есиповъ, ничего не говоритъ, но изъ разстановки главъ его лѣтописи выходитъ,

---

(63) Путаница годовъ такъ изумила Карамзина, что онъ въ одномъ мѣстѣ преоткровенно говоритъ, что «остается или не вѣрить *хронологіи грамотъ*— или (писать) вопреки лѣтописямъ». (Ср. И. Г. Р. т. IX, стр. 382 и 397, и примѣчанія къ тому же тому 670, 671 и 703.)

что плѣнъ этотъ случился какъ-будто послѣ отбытія нѣкоторыхъ казаковъ на Москву. Извѣстно положительно, что Махмет-Кулъ отправленъ къ царю немедленно по прибытіи въ Сибирь посланной тула Грознымъ рати, воеводы которой объявили Ермаку повелѣніе Грознаго о высылкѣ Махмет-Кула (64): значитъ, Грозный, при посылкѣ рати, зналъ о плѣнѣ Махмет-Кула. Посольство къ царю отъ Ермака было только одно, объ одномъ только и упоминаютъ всѣ лѣтописцы: значитъ, Махмет-Кулъ былъ взятъ въ плѣнъ до отсылки Ермакомъ пословъ изъ Сибири. Если выводъ этотъ вѣренъ, то одинъ изъ существенныхъ вопросовъ разрѣшенъ согласно съ строгоновскою лѣтописью.

Плѣнъ Махмет-Кула происходилъ по слѣдующему случаю:

Отецъ и сынъ, Кучумъ и Махмет-Кулъ, послѣ несчастныхъ для нихъ пропешествій подъ Чувашевымъ, разлѣлились и, кажется, кочевали розно.

Ермакъ пріучалъ къ себѣ Татаръ, ладилъ съ ними и умѣлъ расположить ихъ въ свою пользу. Добрыя Татарки, вѣроятно, играли тутъ тоже не послѣднюю роль. Повѣствованія о разселеніяхъ Русскихъ по Сибири, въ-продолженіе всего послѣдующаго столѣтія, наводятъ насъ, стороною, на мысль, что туземныя обитательницы этихъ краевъ много дѣлали добра нашимъ героямъ; нѣтъ сомнѣнія, что многими удачами казаки были обязаны именно женщинамъ. Поэтому мы никакъ не можемъ вѣровать въ то, во что вѣровалъ Карамзинъ, именно въ удивительную, неземную чистоту нравовъ нашихъ удальцовъ въ-отношеніи къ сибирскимъ красавицамъ и въ непонятную, непостижимую скромность, при которой наши казаки не смѣли будто-бы «тронуть ни волоса у мирныхъ жителей». Или строгоновскому лѣтописцу, а съ нимъ вмѣстѣ и Карамзину, не были извѣстны подлинныя слова цѣлой кипы царскихъ грамматъ и груды другихъ не менѣе достовѣрныхъ актовъ, которые могли ясно показать имъ, что дѣлывалось въ бывалые годы въ Сибири, или они не считали ермаковыхъ казаковъ за казаковъ (тогдашняго времени). Безпристрастный читатель и самъ знаетъ, что участь войны и другія обстоятельства набрасываютъ на многое очень-темныя тѣни: для чего же эти черныя пятна выставлять въ несвойственномъ имъ видѣ? И въ XIX вѣкѣ мы видимъ мародеровъ сплошь и рядомъ: дурныя стороны—сами-по-себѣ; но дѣло въ томъ, что, не смотря на насилія, казаки умѣли привязать къ себѣ покоренныя племена и пользовались этою привязанностью какъ-нельзя-лучше.

Итакъ, Татары любили Ермака. Одинъ изъ нихъ, болѣе-усердный къ видамъ нашихъ богатырей, пришелъ къ Ермаку съ доброю вѣстью и разсказалъ, что вотъ тамъ и тамъ, въ такомъ-то мѣстѣ, у рѣки Вагая, кочуетъ Махмет-Кулъ съ такими-то толпами.

Ермакъ собралъ отрядъ самыхъ расторопныхъ и удалыхъ молодцовъ,

---

(64) Карамзинъ И. Г. Р. Т. IX, прим. 712.

и послалъ ихъ въ указанное мѣсто съ приказомъ наверстать наши потери и отплатить царевичу за его варварскую жестокость при Абалакѣ.

Казаки полетѣли, достигли до становища махмет-куловой орды, выждали ночи, подкрались къ «шатрамъ» (вѣроятно, къ кибиткамъ), накрыли ихъ, ударили, перерубили всѣхъ Татаръ и захватили въ плѣнъ Махмет-Кула. Они пощадили жизнь «сибирскихъ странъ богатыря» и съ торжествомъ представили его къ Ермаку.

Умный Ермакъ обошелся съ Махмет-Куломъ какъ-нельзя-лучше: онъ принялъ его съ подобающею сану царевича честію, старался утѣшить его въ печальномъ удѣлѣ воинскаго счастія, окружилъ его заботами, «повѣдаетъ ему царское великое жалованіе и ублажаетъ ласкосердыми словесы». Единоборства съ нимъ у Ермака никакого не было, и знаменитому стиху «то сей, то оный на бокъ гнется!» надобно уже дать другое значеніе. Но тѣмъ не менѣе поэтъ постигъ великость этой минуты, и Ермакъ дѣйствительно могъ и долженъ былъ высказать свои чувства въ родѣ того, какъ они переданы у И. И. Дмитріева.

Несчастный отецъ узналъ объ участи сына и горько его оплакивалъ. Страшась за жизнь его, онъ смиренно перенесъ свою тяжелую долю, боясь Ермака прогнѣвить.

Теперь Ермаку нельзя было долѣе медлить: пора было привести свою мысль въ исполненіе и послать къ царю посольство.

Для этого Ермаку слѣдовало раздѣлить свою дружину на двѣ неравныя части. Съ однимъ, значительнѣйшимъ отрядомъ, онъ самъ остался въ покоренной странѣ, увѣренный, что добудетъ себѣ запасовъ отъ мѣстныхъ жителей, и для лучшаго успѣха въ этомъ рѣшился оставить при себѣ кучумова сына Махмет-Кула. Другой отрядъ, разумѣется, менѣе-значительный, Ермакъ послалъ за-горы, какъ говорятъ, съ вѣрнымъ своимъ товарищемъ, обреченнымъ уже казни, Иваномъ Кольцомъ (65). Кольцо, проводивъ своихъ охранителей до чусовскихъ слободокъ, долженъ былъ ѣхать къ царю, упросить его претворить гнѣвъ на милость ради новаго царства и заявить тутъ же, что сынъ кучумовъ взятъ въ плѣнъ и находится при Ермакѣ, а между-прочимъ просить о высылкѣ воинства, для скрѣпленія слабыхъ еще узъ Россіи съ Сибирью. Провожатые Кольца, вѣроятно, должны были остаться на Чусовой, заготовить запасы и осенью доставить ихъ Ермаку.

Если предположить, что плѣнъ Махмет-Кула послѣдовалъ непосредственно за умерщвленіемъ казаковъ при Абалакѣ (5 декабря 1581 г.), то Кольцо, окончивъ сборы, не могъ отправиться въ путь ранѣе начала 1582 года. А идя, въ краткіе зимніе дни, дремучими лѣсами, въ горахъ, на лыжахъ, или много-что въ партахъ, на оленяхъ, по указаніямъ вожаковъ изъ мѣстныхъ племенъ, и притомъ съ порядочною толпою своихъ людей, онъ не имѣлъ возможности ранѣе февраля или марта 1582 года достигнуть центра пермской земли, не для того, какъ думаетъ Карамзинъ, чтобъ рапортовать Строгоновымъ объ успѣхахъ

(65) См. прим. 30 и далѣе глава X.

предпріятія, а для того, чтобъ явиться къ чердынскому воеводѣ и отъ него получить должное содѣйствіе къ дальнѣйшему путешествію. Долженъ ли былъ Кольцо выждать здѣсь вскрытія рѣкъ и когда именно онъ отсюда отправился, неизвѣстно, но достовѣрно одно, что онъ явился въ Москву позже 16 числа ноября 1582 года, т. е. того дня, въ который была подписана приведенная выше опальная граммата Строгоновымъ. Значитъ, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, царь узналъ обо всемъ во-время, что и требовалось доказать.

Нежданая вѣсть должна была обрадовать царя: при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, особенно послѣ набѣга пелымскаго князька, послѣ тщетныхъ ожиданій короткихъ связей нашихъ съ Сибирью и притомъ въ такое время, когда правительство занято было съ одной стороны войною съ Шведами, а съ другой, усмиреніемъ общаго бунта въ Черемисской-Землѣ — для царя Сибирь точно съ неба упала. Онъ простилъ и наградилъ Кольцо, Ермака и всѣхъ казаковъ, и забылъ ихъ старыя вины; увѣряютъ даже, что Грозный пожаловалъ Ермаку дорогую шубу съ своего плеча, серебряный ковшъ и два дорогіе панцыря, но такъ-какъ эта награда ничѣмъ не подтверждается, то и намъ не на что опереться, чтобъ ей повѣрить.

Немедленно по полученіи этого радостнаго извѣстія, царь назначилъ въ новую свою провинцію воеводъ князя Семена Болховскаго и Ивана Глухова съ тремястами ратниками, стрѣльцами, которыхъ, въ-послѣдствіи, тоже стали называть казаками, въ смыслѣ войсковой черни, простыхъ солдатъ.

Естественно, что въ-слѣдствіе этого Болховской отправился изъ Москвы не ранѣе весны 1583 года. Въ строгоновскія дачи онъ пришелъ къ зимѣ того же 1583 года. Ему данъ былъ приказъ: взять у Строгоновыхъ, въ подмогу къ своей рати, 50 человѣкъ конныхъ, отправиться съ ними въ Сибирь и немедленно выслать къ царскому двору царевича Махмет-Кула.

Зимой, въ горахъ, въ снѣгахъ, по непроторенной дорогѣ нельзя было ѣхать верхомъ. Болховской не могъ изготовить своему войску ни лыжъ, ни нартъ, ни достаточнаго количества запасовъ: это было выше его средствъ и возможности. Сосѣднія племена не могли ссудить его своими лыжами или нартами, что у кого было, или всѣми запасами, на триста пятьдесятъ человѣкъ и лишиться чрезъ это средствъ къ собственному существованію.

Но Болховской былъ въ Сибири, приказалъ отправить Махмет-Кула къ царю и умеръ отъ распространившейся въ станѣ болѣзни, отъ которой гибли его воины, претерпѣвая страшный голодъ и нужду при недостаточности своихъ запасовъ и истомившись сверхъестественными трудами отъ Чусовой до Иртыша, по дорогѣ, которая, если даже предположить ее самою краткою, прямою линіею—не могла простираться менѣе пятисотъ верстъ.

Но прежде еще, чѣмъ вѣсть объ этомъ достигла до Москвы, Иванъ-Грозный, не зная, что Болховской успѣлъ совершить такой переходъ, но только прослышавъ объ опасностяхъ пути чрезъ Уралъ, поспѣшилъ

послать Болховскому повелѣніе, чтобъ онъ остался въ Перми до весны слѣдующаго 1584 года и до полой воды не ходилъ въ Сибирь.

Но было уже поздно.

Чтобъ не случилось остановки за Строгоновыми, и къ нимъ посланъ былъ слѣдующій приказъ:

«Отъ царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи — Семену, Оникіеву сыну, да Максиму, Яковлеву сыну, да Никитѣ, Григорьеву сыну — Строгоновымъ.

«По нашему указу велѣно было у васъ взяти, съ остроговъ вашихъ, князю Семену Дмитріевичу Болховскому, на нашу службу, въ сибирской зимней походъ пятьдесятъ человѣкъ на коняхъ.

«И нынѣ намъ слухъ дошелъ, что въ Сибирь, зимнимъ путемъ, на коняхъ, пройтить не мочно, и мы князю Семену нынѣ изъ Перми зимнимъ путемъ въ Сибирь до весны, до полыя воды, ходить есмя не велѣли, и ратныхъ людей по прежнему нашему указу, пятьдесятъ человѣкъ коныхъ, имати у васъ есмя не велѣли.

«А на веснѣ велѣли есмя князю Семену, идучи въ Сибирь, взять у васъ подъ нашу рать и подъ запасъ—пятнадцать струговъ, со всѣмъ струговымъ запасомъ, которые бъ струги подняли по двадцати человѣкъ съ запасомъ, а *людей ратныхъ* и подводъ и проводниковъ *имати у васъ* есмя *не велѣли*, и обиды есмя, идучи въ Сибирь, вашимъ людемъ и крестьянамъ никакія чинить не велѣли.

«И какъ къ вамъ ся наша граммата прійдетъ—и вы бъ тотчасъ велѣли къ веснѣ, ко князю Семенову пріѣзду Болховскому, изготовить подъ нашу рать и подъ запасъ пятнадцать струговъ добрыхъ со всѣмъ струговымъ запасомъ, которые бъ подняли по двадцати человѣкъ съ запасомъ, да какъ по веснѣ съ нашею ратью и съ запасомъ князь Семенъ Болховской, или головы Иванъ Киреевъ да Иванъ Глуховъ, въ Сибирь пойдутъ, и вы бъ тотчасъ тѣ суды со всѣмъ судовымъ запасомъ дали подъ нашу рать и подъ запасъ князь Семену Болховскому, или головамъ Ивану Кирееву да Ивану Глухову, чтобъ за тѣми струги, въ вашихъ острогахъ, и часу не мѣшкати.

«А не дадутъ судовъ подъ наши ратные люди вскорѣ, со всѣмъ судовымъ запасомъ тотчасъ, а нашему дѣлу учинится поруха—и вамъ отъ насъ быти въ великой опалѣ.

«Писанъ на Москвѣ лѣта 7092 (1584) генваря въ 7 день.»

(На оборотѣ приложена черная восковая печать) (66).

Что же дѣлалъ Ермакъ въ-продолженіе этого времени, въ 1582 и 1583 годахъ?

---

(66) Миллеръ, стр. 171. Царской подписи тутъ вовсе не имѣется.—Просимъ благосклоннаго читателя обратить вниманіе, что ни въ этой бумагѣ изъ приказа, ни въ другихъ грамматахъ Строгоновы никогда не почествованы, *вичемъ*, единственнымъ правомъ «именитыхъ людей».

Послѣ этого указа, въ которомъ смотрятъ на Строгоновыхъ съ общей точки, какъ на пермскихъ купцовъ, а не какъ на хозяевъ-покорителей Сибири, о другой *граммате царской съ красной печатью*—намъ нигдѣ, кромѣ новѣйшихъ сочиненій нашихъ

Старался жить въ ладахъ съ окрестными племенами, съ Кучумомъ и другими кочевыми властителями, которые были тутъ же около него, и ограничивался наѣздами на отдѣльныя племена, кочевавшія внизъ по Иртышу. Кучума онъ держалъ въ рукахъ, не подавая повода къ ссорамъ и лаская Махмет-Кула, за жизнь котораго страшился отецъ, а кажущеюся бездѣятельностью онъ усыплялъ всѣ подозрѣнія сибирскаго народа. Одни вовсе не сочувствовали интересамъ Кучума, до котораго имъ не было никакого дѣла; а другіе, не видя ни усиленія ермаковой рати, ни особенныхъ притѣсненій, можетъ-быть, и подумывали иногда о странномъ появленіи въ ихъ глуши чудныхъ людей и о конечныхъ результатахъ прежнихъ битвъ и браней, но всегда оканчивали свои размышленія утѣшительнымъ убѣжденіемъ, что и впередъ хуже того, чѣмъ теперь есть, уже не будетъ.

Но когда Татары увидѣли, что силы Ермака усугубились новыми силами, когда они узнали, что Махмет-Кулъ отправленъ въ Москву и, значитъ, то, что̀ связывало ихъ съ Ермакомъ, рушилось, когда они поняли тонкую политику Ермака, убѣдились въ участи, которая теперь ихъ ожидаетъ, то, желая побѣдить хитрость хитростью, рѣшились на всѣ возможныя коварства. И съ 1584 года мы видимъ въ Сибири новыя движенія, новыя убійства, новыя потери, окончившіяся послѣднею, жестокою утратою.

Началось съ того, что Татары, карачева улуса, притворившись довѣрчивыми къ Ермаку и къ нелицемѣрной дружбѣ его съ ними, явились къ нему съ жалобами на хищничество сосѣдней казачьей (кайсакской) орды и просили у него на помощь какой-нибудь отрядъ казаковъ, чтобъ устранить своихъ непріятелей. Ермакъ сначала не до-

---

ученыхъ историковъ, не случалось слышать. Но вотъ сказаніе объ ней двухъ авторовъ:

Карамзинъ:

«Строгоновы, сіи усердные, знаменитые граждане, *истинные виновники* столь важнаго пріобрѣтенія для Россіи,— *уступивъ окно Государству*, не остались безъ возмездія: Іоаннъ, за ихъ службу и радѣніе, пожаловалъ Семену Строгонову два мѣстечка, — Большую и Малую Соль на Волгѣ, а Максиму и Никитѣ — право торговать во всѣхъ своихъ городкахъ безпошлинно» (Кар., т. IX, стр. 393).

Строгоновская Лѣтопись:

«Государь, за ихъ (Строгоновыхъ) службу и радѣнье пожаловалъ городы Солью Большою, еже есть на Волгѣ, и Солью Малою и грамоту свою *царскую* на тѣ мѣста Семену Строгонову пожаловалъ, за *красною* печатью, за приписью дьяка Андрея Щелкалова, почему ему тѣми городами владѣти; а Максима и Никиту, Строгоновыхъ же, пожаловалъ въ городкѣхъ и въ острожкѣхъ ихъ торговати имъ, и у нихъ всякимъ людемъ, безпошлинно» (Карам., т. IX, прим. 704).

Чтобъ убѣдиться, много ли въ этихъ словахъ правды, стóитъ только сравнить ихъ съ извѣстною «Описью фамильныхъ документовъ Строгоновыхъ», приложенною въ концѣ книги «Именитые Люди Строгоновы»: тутъ этой грамматы вовсе не поименовано.

Будь подлинная на это граммата, найдись оффиціальный документъ, подтверждающіе слова незаслуживающей вѣроятія лѣтописи — и тогда мы развѣ ли скажемъ, что онъ данъ Строгоновымъ за Сибирь.

вѣрилъ имъ; но когда они поклялись, что не причинятъ Русскимъ никакого зла, то, посовѣтовавшись съ товарищами и, вѣроятно, прельстившись какими-нибудь существенными выгодами, при возможности распространить свое вліяніе, онъ согласился на ихъ просьбу, собралъ отрядъ въ сорокъ человѣкъ, вѣрилъ его попеченію возвратившагося уже изъ Москвы атамана Ивана Кольца и отпустилъ ихъ къ Карачѣ.

Татары, коварно заведя ихъ въ засаду къ Карачѣ, всѣхъ ихъ предали смерти и ни одного въ живыхъ не оставили (67). Всѣ лѣтописи единогласно говорятъ, что Ермакъ плакалъ о нихъ, какъ о родныхъ дѣтяхъ.

Слухъ о такой важной для Ермака потери быстро разнесся по всѣмъ улусамъ. Злобно радуясь нашей погибели, Татары стали всюду преслѣдовать казаковъ, умерщвляя ихъ вездѣ, гдѣ только ни встрѣчали и гдѣ могли одолѣть ихъ силою, или измѣною.

Довольный общею враждою и возстаніемъ Татаръ, Карача самъ двинулся на казаковъ, въ полной увѣренности, при многочисленности своихъ приверженцевъ, лишить Ермака могущества въ Сибири. Великимъ постомъ онъ обложилъ городъ Сибирь обозами и таборами, прекратилъ казакамъ всѣ сообщенія, надѣясь голодомъ принудить ихъ къ сдачѣ, а самъ укрѣпился лагеремъ при урочищѣ Саускань, близъ города, въ трехъ верстахъ (поприщахъ) оттуда. Казаки мужественно выдерживали осаду до іюня мѣсяца. Находясь въ послѣдней крайности, казаки рѣшились на вылазку и, выждавъ удобную ночь, вышли тайно изъ города, подобрались къ Саускану, напали на погруженныхъ въ сонъ Татаръ и начали кровопролитіе. Битва была удачна; Татары гибли; двое сыновъ Карачи пали подъ ударами казаковъ; въ станѣ поднялось смятеніе: враги разсѣялись.

Во тмѣ ночной они разметались въ разныя стороны, и многіе изъ нихъ, достигнувъ Сибири, уже тамъ опомнились отъ пораженія, разсказали своимъ единовѣрцамъ о постигшей ихъ участи и, воспламенивъ ихъ негодованіе и сами горя местію, снова, вмѣстѣ съ ними, бросились въ Саускань, гдѣ все еще оставались казаки.

Загорѣлась новая битва; она продолжалась до полудня и кончилась совершеннымъ пораженіемъ Карачи; онъ снялъ осаду и отступилъ со срамомъ, разбитый на голову горстью храбрецовъ, которые и въ этой послѣдней своей битвѣ не положили на свое оружіе лурной славы. Власть ихъ надъ окрестными племенами снова утвердилась.

Лѣто 1584 года проходило для казаковъ благополучно, и Ермакъ, казалось, забылъ о своихъ утратахъ.

Въ исходѣ лѣта, въ августѣ мѣсяцѣ, въ первыхъ числахъ, приверженные къ Ермаку Татары дали ему знать, что по Иртышу идутъ торговые Бухарцы, но что Кучумъ задержалъ ихъ и не пропускаетъ.

Надоѣло ли Ермаку бездѣйствіе, или разлакомили его принесенныя

---

(67) Строг. Лѣтопись, изд. г. Спасскаго, стр. 52. Карамзинъ, т. IX, прим. 718, и Сводъ Лѣтописей.

вѣсти, или изъ какихъ-нибудь другихъ видовъ — онъ рѣшился идти на выручку Бухарцевъ, выбралъ себѣ отрядъ самыхъ надежныхъ храбрецовъ и немедленно самъ пустился въ путь, для наказанія Кучума.

Кучумъ, какъ было уже извѣстно Ермаку, по удаленіи изъ города Сибири, скитался къ югу отъ того мѣста, гдѣ стоялъ Ермакъ. Какъ казакъ, какъ кочевой житель — Кучумъ переходилъ съ одного мѣста на другое по степямъ, прилегающимъ къ рѣкѣ Вагаю, впадающему въ Иртышъ между Тоболомъ и Ишимомъ, куда казаки наши однажды уже и заходили для плѣна Махмет-Кула, но самъ Ермакъ тамъ не бывалъ еще.

Ермакъ приготовилъ стругъ, запасся всѣмъ необходимымъ и отправился вверхъ по Иртышу до устья Вагая. Здѣсь надѣялся онъ встрѣтить Бухарцевъ или Кучума — но не встрѣтилъ. Онъ рѣшился попробовать проплыть немножко подальше, поднялся по Вагаю и достигъ урочища Атбашъ, гдѣ и по нынѣ еще существуетъ селеніе того же имени.

Здѣсь онъ опять никого не встрѣтилъ. Плывя вверхъ по рѣкѣ, люди, конечно, устали, но остановиться въ незнакомомъ мѣстѣ они не рѣшались; и самъ Ермакъ, понимая, какъ неблагоразумно было бы заходить въ мѣста, гдѣ всюду грозила опасность горести его войска, а этимъ словомъ можно уже было почтить ермакову дружину, предпринялъ обратное плаваніе тѣмъ болѣе удобное, что ему безъ хлопотъ и безъ трудовъ приходилось совершать его по теченію рѣки.

Темнота ночи и поднявшаяся буря заставили, однакожь, Ермака сдѣлать привалъ; а можетъ-быть, Ермакъ, не желая возвращаться съ пустыми руками, хотѣлъ здѣсь поджидать Бухарцевъ, не подозрѣвая ни вѣроломства, ни какихъ-нибудь враждебныхъ покушеній со стороны Кучума.

Выбравшись ближе къ Иртышу, Ермакъ причалилъ къ тому берегу, который былъ къ нему ближе, который принадлежалъ уже ему, который ограничивалъ русское сибирское царство—именно къ лѣвому. Но онъ вышелъ не на самый берегъ, а на островъ, образованный «перекопомъ», прорывомъ, протокою, рукавомъ рѣки. Нѣкоторые наши ученые даже понынѣ увѣрены, что эта естественная протока, есть «древнѣйшій россійскій каналъ» (68), которымъ будто-бы мы обязаны Ермаку. Блаженны вѣрующіе!

---

(68) Желательно бы, чтобъ наши ученые объяснили намъ ремезовскую сказку, а вовсе не преданіе народное, объ «Ермаковой-Перекопи» и растолковали намъ, какими судьбами успѣлъ Ермакъ прорыть этотъ каналъ. Не-уже-ли онъ дѣйствовалъ «по щучьему велѣнью, по своему прошенью»? Намъ этого мѣста не удалось лично видѣть;

Привязавъ стругъ къ первой попавшейся лѣсинѣ, казаки вышли на островъ, раскинули свои шатры и расположились на покой.

Они не поставили стражи, надѣясь, что рѣка глубока и имъ опасаться нѣчего.

Ночь была, какъ пишутъ лѣтописцы, бурная, дождь лилъ какъ изъ ведра, и истомленная дружина, а вмѣстѣ съ нею и Ермакъ, заснули крѣпкимъ сномъ.

И послѣднимъ!..

Кучумъ былъ близко. Онъ слѣдилъ за движеніями казаковъ.

Пользуясь темнотою ночи и шумомъ непогоды, Татары перебрели рѣку, подкрались къ людямъ, которыхъ считали своими притѣснителями, бросились на сонныхъ съ остервенѣніемъ и всѣхъ ихъ умертвили...

«Токмо единъ утече—и Ермакъ убіенъ бысть!» восклицаютъ лѣтописцы (69).

но что «Ермакова-Перекопь» есть именно рукавъ рѣки Вагая, то заключеніе это мы выводимъ изъ сличенія текстовъ (см. Сводъ Лѣтописей). — Миллеръ, осматривавшій это мѣсто, говоритъ (стр. 179):

«Что касается до перекопи, то въ семъ спорить не можно, чтобъ она отъ Ермака или по его приказу выкопана не была..... Она длиною на версту и кончится не въ дальнемъ разстояніи отъ устья рѣки Вагая.... На полуденной сторонѣ перекопи, не въ дальнемъ разстояніи есть на ровномъ низкомъ лугу бугоръ.... не натурою сдѣланъ, но напосною землею насыпанъ..... (Есть преданіе, что этотъ бугоръ сдѣланъ дѣвками, которыя землю наносили въ своихъ подолахъ....)»

Далѣе (стр. 180) онъ говоритъ: «Дѣло... въ томъ: вѣроятно ли, что помянутая перекопь въ то время (при Ермакѣ) сдѣлана?.... должно думать, что оная либо уже прежде того сдѣлана....»

Помѣщенный у насъ въ «Сводѣ Лѣт.» Новый-Лѣтописецъ говоритъ: «Ста ночевати въ проливѣ... Кучумъ же... видѣ ихъ на острову.»

«Неизвѣстная Рукопись употребляетъ выраженіе перекопъ, а не перекопь.

(69) Значитъ, Ермаку нѣкогда уже было одѣваться, въ просонкахъ, въ жалованную броню, которая послужила будто бы ему же на погибель.—Впрочемъ, старые лѣтописцы и не говорятъ о *жалованной бронѣ*, а просто прибавляютъ. «понеже одѣянъ бѣ желѣзомъ».

Намъ кажется, что это—чистая реторика. Положимъ, Ермакъ легъ спать въ одеждѣ; естественно, что подъ нею была и кой-какая кольчуга: но не могла же она, наконецъ, быть тяжелою до такой степени, чтобъ совершенно обезсилить здороваго, плотнаго Ермака?

И въ этомъ случаѣ Карамзинъ, подражая Миллеру, повторяетъ слова Ремезова, повѣствующаго, что тѣло Ермака найдено черезъ недѣлю при Епанчинскихъ-Юртахъ, отстоящихъ будто-бы только на 12 верстъ отъ Абалака вверхъ по Иртышу (ихъ тутъ вовсе небыло—они были на Турѣ), и что какой-то Татаринъ вытащилъ «безглавнаго исполина» изъ воды за *болтавшіяся поверхъ воды* ноги, накинувъ на нихъ петлю. Оставивъ въ сторонѣ разсказъ о томъ, что нашего героя дѣйствительно вынули изъ воды, и о прочемъ (Миллеръ, стр. 193 и слѣд.), мы не можемъ понять

Горько народному самолюбію допустить, что Ермака, героя—убили сонnаго! И хотя лѣтописецъ, упоминая о какомъ-нибудь происшествіи, всякій разъ объясняетъ, что оно случилось въ такое-то лѣто «по убіеніи ермаковѣ», однакожь, уступая собственному чувству, онъ какъ будто сознается, что ему не хотѣлось бы такой смерти покорителю Сибири: онъ хочетъ, чтобъ Ермакъ погибъ лучше въ пучинахъ, не подъ ножомъ убійцы...

Но не оскорбительнѣе ли для нашей гордости допускать, что Ермакъ думалъ искать спасенія въ бѣгствѣ, бѣжалъ, какъ низкій трусъ, въ такую минуту, когда его братьевъ рѣзали? Не могъ Ермакъ бѣжать: онъ долженъ былъ пасть!

Ермакъ убитъ ночью 5 августа 1584 года.

Эта цифра стоитъ и на обелискѣ Ермаку.

Эта же самая цифра клеймитъ позоромъ бѣглецовъ: оставшіеся въ Сибири казаки и стрѣльцы, узнавъ объ участи, постигшей Ермака — всѣ до одного бѣжали! (70).

Мы потеряли Сибирь.

только одного: какимъ образомъ трупъ очутился «вверхъ Иртыша»? Черный народъ, преимущественно женскаго пола, вѣритъ у насъ, что «трупъ утопленика всегда плыветъ противъ воды»; но каждому засѣдателю земскаго суда извѣстно, что теорія эта противорѣчитъ практикѣ.

Въ выпискѣ изъ Тобольскаго Синодика сказано: «атаману Ермаку, съ товарищи — сорокй человѣкомъ — вѣчная память!» (Карамзинъ. т. IX, прим. 720.)

(70) Здѣсь у лѣтописцевъ разногласіе на счетъ пути бѣглецовъ: Есиповъ, его первообразъ и Новый-Лѣтописецъ—говорятъ, что казаки бросились внизъ по Иртышу и по Оби и уже оттуда бѣжали на Русь. Строгоновская Лѣтопись, избѣгая слова *бѣжали* и употребляя глаголъ *пойдоша*, даетъ поводъ выводить заключеніе, что одна шайка этихъ бѣглецовъ, подъ предводительствомъ своего атамана Матѳія Мещеряка, пошла путемъ Ермака, то-есть по Турѣ, гдѣ она и встрѣтилась съ новыми московскими воеводами (Карамзинъ, т. IX, прим. 725 и т. X, прим. 31). Но изъ сказаній лѣтописцевъ о приходѣ въ Сибирь новаго воеводы Мансурова ясно, что этотъ воевода не встрѣчался съ Мещерякомъ: у нихъ именно сказано, что Мансуровъ, приплывъ къ Сибири, увидѣлъ тамъ множество Татаръ и «слыша яко казаки побѣгоша изъ града — и убояшеся, и не приста ко брегу, но поплыша внизъ по Иртышу». Еслибъ воевода встрѣтился съ Мещерякомъ, то новыя вѣсти о бѣгствѣ не произвели бы на него такого впечатлѣнія. Да притомъ же идти на Туру значило бы затруднять себя походомъ противъ теченія рѣки, а Иртышемъ и Обью они и вѣрнѣе и скорѣе могли скрыться.

Въ помѣщенномъ у насъ въ «Сводѣ Лѣтописей» Новомъ-Лѣтописцѣ сказано: «Воевода Иванъ Глуховъ и атаманы и казаки, испужався того, изъ городка погребли рѣкою Иртишью, а рѣкою Обью догребли до рѣки Соон (такъ, кажется, слѣдуетъ читать) и до Березова, а отъ Березова, чрезъ Камень пришли къ Москвѣ.»

Въ Книгѣ Большому Чертежу есть два Березова: одинъ—на Оби, повыше городовъ Рогового и Сабдина, другой—на Оби же, при устьѣ рѣки Сосвы.

Сабдинъ или Собдинъ, можетъ-быть, былъ при устьѣ Соби, гдѣ нынѣче селеніе

Царское войско скоро возвратило намъ утраченную добычу казаковъ.

Но надлежало начать дѣло съизнова, предпринимать новыя покоренія..

Вмѣсто одного Кучума; у насъ явилось теперь много враговъ.

Надо было отъ нихъ избавиться, но избѣгать кровопролитія.

«Собскм»: въ такомъ случаѣ одинъ Березовъ могъ быть по лѣвой сторонѣ Оби, на рѣкахъ Эріамо, Хонш, или Харовой. Другой Березовъ и попынѣ стоитъ при устьѣ Сосвы, по лѣвому берегу Оби.

(Основываясь на собственныхъ нашихъ личныхъ изслѣдованіяхъ о Югрѣ, помѣщенныхъ во II главѣ, и на картѣ Зауралья, представленной нами въ Русское Географическое общество вмѣстѣ съ пояснительнымъ текстомъ,—мы имѣемъ претензію думать, что мы первые достаточно опровергли мнѣніе Лерберга и Гарберштейна о Югрѣ и прояснили понятіе о томъ, что такое была Югра. Пользуясь случаемъ, мы не можемъ не указать на кажущуюся намъ ошибочность мнѣнія г. академика, І. Х. Гамеля, полагающаго, что городъ, или городище Роговой былъ по сю сторону Урала. Мысль, что Роговой-городъ *долгое время былъ на съверѣ* центромъ торговыхъ сношеній Европы съ Азіею кажется намъ слишкомъ преувеличенною и не основательною. Такъ-какъ цѣлое ученое сословіе единогласно признало, что г. академикъ Гамель прояснилъ темныя стороны русской географіи и даже исправилъ нѣкоторыя болѣе или менѣе важныя погрѣшности нашихъ историковъ, то надѣемся, что замѣчанія наши господинъ академикъ пріметъ за выраженіе сердечнаго участія къ почтеннымъ трудамъ его и какъ свидѣтельство личнаго уваженія нашего къ ученому, посвятившему себя въ русскомъ царствѣ разработкѣ отечественной географіи).

Если казаки доплыли до Соби, то пробираясь, къ ея вершинамъ, они должны были выйдти за Уралъ только на вершины рѣки Усы и тамошними тундрами достигнуть Печоры. Но, принявъ въ соображеніе позднее время года, дальность пути и численность бѣглецовъ, трудно допустить, чтобъ они, со страха, такъ далеко и притомъ безполезно забирались.

Вѣроятнѣе допустить, что они достигли южнаго Березова. Въ такомъ случаѣ, по Сосвѣ, потомъ вверхъ по Сыгвѣ они должны были выйдти на р. Манью, на Ляпинъ-городокъ, собрать поневолѣ извѣстія, помѣщенныя нынѣ въ Книгу Большому Чертежу о городахъ по Сосвѣ. Отъ Ляпина они прошли черезъ Уралъ и должны были выйдти на рѣку Щугоръ, или прямо на Печору, на тотъ путь, которымъ шелъ Курбскій при Иванѣ III.

Вотъ особенности скромнаго памятника, воздвигнутаго Ермаку въ Тобольскѣ, на высокомъ холмѣ, господствующемъ надъ окрестностью:

Онъ состоитъ изъ мраморнаго пирамидальнаго обелиска, сѣраго цвѣта, поставленнаго на гранитномъ подножіи.

Подножіе это имѣетъ 1 1/2 аршина вышины; вѣсу до 5.300 пудовъ.

Самый обелискъ — вышиною въ 7 сажень; вѣсу около 6.500 пудовъ.

Съ четырехъ сторонъ памятника высѣчены слѣдующія надписи:

Съ западной, обращенной къ Россіи, — «Покорителю Сибири, Ермаку»;

съ восточной — «Воздвигнутъ въ 1839 году»;

съ южной — «1581»,

и съ сѣверной — «1584».

При памятникѣ Ермака предполагалось даже развести садъ; на этотъ предметъ отведено мѣсто въ двѣ десятины, поставлена чугунная рѣшетка и сдѣланы дорожки: деревьевъ почти *вовсе нѣтъ*.

Глава VIII-я.

Покореніе Сибири.

Появленіе въ Сибири царевича Алея. — Занятіе Сибири княземъ Сейдякомъ. — Воевода Мансуровъ. — Враждебныя дѣйствія Остяковъ. — Воевода Сукинъ. — Воевода Чулковъ. — Основаніе городовъ Тюмени и Тобольска. — Тогдашнее положеніе воеводъ. — Вынужденныя мѣры. — Званый обѣдъ. — Плѣнъ враговъ Россіи. — Сибирь—русская провинція.— Колонизація. — Остатки города Сибири.

«И Божіимъ милосердіемъ и государевымъ счастіемъ — ста Сибирь подъ государскою высокою рукою до-вѣка, покамѣста Богъ изволитъ вселенной стояти.»

Отписка казаковъ.

Бѣгство казаковъ и стрѣльцовъ не могло оставаться тайною для Татаръ. Приверженцы Кучума торжествовали. Хотя Кучумъ и былъ живъ, но теперь онъ не стоитъ уже на первомъ планѣ, а всюду является старшій сынъ его, Алей; подъ его вѣдѣніемъ и владычествомъ находились всѣ татарскія волости вверхъ по Иртышу и послѣ по Барабинской Степи, и его, кажется, оффиціальные документы того времени именуютъ ногайскимъ мурзою, исчисляя племена, которыя не платили дани московскому двору.

Алей безпрепятственно занялъ Сибирь.

Но задолго еще до прибытія въ Сибирь воеводы князя Болховскаго, кажется, скоро послѣ плѣна Махмет-Кула, Кучумъ получилъ вѣсти, что сынъ сверженнаго имъ Бекбулата, племянникъ Етигера, Сейдякъ, укрывавшійся въ Бухарѣ, ищетъ случая отмстить Кучуму и возвратить себѣ Сибирь, отцовское достояніе.

Во время гибели Ермака, Сейдякъ былъ уже на Иртышѣ. Какъ онъ мстилъ Кучуму, и мстилъ ли дѣйствительно, объ этомъ лѣтописи наши не говорятъ ничего, до самаго времени занятія Сибири Алеемъ. Въ это лишь время, Сейдякъ появляется на сценѣ въ первый разъ и вслѣдъ за тѣмъ, опять на нѣсколько лѣтъ, скрывается со страницъ старыхъ повѣствованій, чтобъ потомъ снова мелькнуть въ схваткѣ съ Русскими, попасть къ нимъ въ плѣнъ и навсегда исчезнуть изъ памяти народа.

Савва Есиповъ говоритъ о немъ только слѣдующее: «Слышавъ же «князь Сейдякъ, бекбулатовъ сынъ, яко атаманъ Ермакъ съ товарищи «на перекопи убіенъ быша, прочіе же бѣжаша изъ града, и яко обла- «да градомъ царевичъ Алей, кучумовъ сынъ, и собрашася со всѣмъ «домомъ своимъ и съ воинскими людьми, и пріиде ко граду Сибири, и «градъ взя и царевича Алея и прочихъ побѣди и изъ града изгна. Пріі- «емлетъ же сей отчину отца своего Бекбулата и тако пребываша во «градѣ».

Въ Москвѣ, новый царь ничего не зналъ. Но, сдѣлавъ пріемъ Махмет-Кулу (который не засталъ уже въ живыхъ Грознаго) и наградивъ его вотчинами, Ѳеодоръ Іоанновичъ, соображая, что въ Сибири ермаковыхъ казаковъ есть человѣкъ четыреста, да съ Болховскимъ пришло триста человѣкъ, послалъ въ Сибирь новое подкрѣпленіе изъ ста человѣкъ стрѣльцовъ; но этотъ отрядъ онъ усилилъ могучимъ двигателемъ: онъ послалъ съ ними пушку. Для Сибири это было новостью.

Воевода царскій, Иванъ Мансуровъ, прибылъ въ сибирскую сторону въ 1585 году. Проходя еще черезъ закамскую сторону, онъ ни въ Чердыни, ни у Строгоновыхъ ничего не слыхалъ о происшествіяхъ въ Сибири: ни Строгоновы, ни пермское правительство не подозрѣвали о горестныхъ утратахъ, тѣмъ менѣе имъ могла быть доступна мысль о всеобщемъ бѣгствѣ всѣхъ казаковъ, которыхъ численность въ 1584 году (если принять въ разсчетъ моръ отъ голода и болѣзней, убійство дружинъ Кольца, Ермака и потерю въ битвѣ подъ Саусканомъ), вѣроятно, весьма-немногимъ уступала численности героевъ 1581 года.

Поэтому нисколько не можетъ казаться удивительнымъ, что Мансуровъ уже на берегахъ Иртыша узналъ о поступкѣ казаковъ, и что, устрашась многочисленности непріятелей по иртышскому берегу, благоразумно принялъ другое направленіе и, не сворачивая къ Сибири, пустился внизъ по Иртышу, достигъ Оби и только тутъ считалъ себя въ безопасности. Время было позднее, рѣка становилась. Мансуровъ вышелъ на берегъ и укрѣпился, то-есть, поставилъ городокъ, крѣпостцу— противъ иртышскаго устья. Онъ здѣсь рѣшился зимовать съ горстью своихъ воиновъ. Мѣсто это въ Книгѣ Большому Чертежу названо «Городокъ Обскій-Большой», нынѣ «Самарово».

Здѣсь, въ Кодской-Землѣ, въ *сибирской* Югрѣ, Мансурова ожидала опасность отъ людей, отъ которыхъ онъ менѣе всего могъ ожидать враждебныхъ дѣйствій.

Уже прежде мы могли замѣтить, что Остяки были къ Русскимъ весьма расположены; если же, по обстоятельствамъ, имъ приходилось иногда, по неволѣ, бороться съ нами, то борьба эта бывала всегда вынуждена сильными противниками, и Остяки, при первомъ же удобномъ случаѣ, принимали нашу сторону. Теперь было не такъ.

Не успѣлъ Мансуровъ освоиться съ мѣстомъ, какъ многочисленныя, сравнительно съ нашимъ воинствомъ, остяцкія поколѣнія, обитавшія по берегамъ рѣкъ Иртыша и Оби, окружили со всѣхъ сторонъ русское зимовье, стараясь вытѣснить оттуда нашихъ небывалыхъ и нежданныхъ пришельцевъ и уничтожить ихъ. Дано было «сраженіе»; Русскіе во

уступали; они отбивались отъ Остяковъ цѣлый день сколько могли, и только ночь прекратила битву: дѣло кончилось ничѣмъ, хотя Остяки и разошлись.

На утро, враги снова явились. Чтобъ болѣе одушевиться храбростью, Остяки принесли своего идола, которому лѣтописцы даютъ имя «Славутей» или «Славутенъ», и стали приносить ему жертвы, моля о погибели Русскихъ. Мансурову пришла счастливая мысль грянуть изъ пушки, рева которой до-тѣхъ-поръ въ Сибири и не слыхивали. Онъ велѣлъ прицѣлиться въ кумира, который былъ прислоненъ къ дереву. Выстрѣлъ грянулъ—Остяки были оглушены. Опомнившись отъ перваго испуга и не понимая сначала, откуда зимою громъ раздался, они бросились къ кумиру, но и кумиръ и дерево были раздроблены. Познавъ могущество русской огненной стрѣлы, Остяки, по словамъ лѣтописцевъ, увидѣли, что имъ не совладать съ нами: «сильніи убо сіи стрѣляти!» сказали они и разошлись по домамъ, признавъ себя данниками Руси (71) Князецъ остяцкій Лугуй самъ поѣхалъ къ бѣлому-царю въ Москву: онъ былъ первый добровольный даньщикъ.

Добродѣтельный царь Ѳеодоръ «не опалися», когда узналъ, что бѣглецы, Глуховъ и казаки, явились на Руси, бѣжавъ изъ Сибири: онъ ихъ

---

(71) Вѣроятно, слѣдствіемъ этого же событія была слѣдующая граммата, хранившаяся, по словамъ Миллера, «яко нѣкая святыня», у Остяковъ куноватской волости, Березовскаго-Уѣзда Тобольской-Губерніи.

«Божіею милостію государь царь и великій князь Ѳеодоръ Ивановичъ всея Россіи, владимерскій, московскій, новогородскій, царь казанскій, царь астраханскій, государь псковскій и великій князь смоленскій, тверской, югорскій, пермскій, вятскій, болгарскій и иныхъ, государь и великій князь Новагорода Низовскія-Земли, черниговскій, рязанскій, полотцкій, ростовскій, ярославскій, бѣлозерскій, лифляндскій, удорскій, обдорскій, кондинскій и обладатель всея Сибирскія-Земли и *Великія рѣки-Оби*, и сѣверныя страны повелитель, и иныхъ многихъ земель государь.

«Пріѣжжалъ къ нашему царскому величеству, съ Великія-рѣки-Оби: Куновата города, да Илчмы города, да Ляпина городка, да Мункоса городка, да Юила городка, да Березова городка,—Лугуй князь, чтобъ намъ его пожаловать: *тѣхъ его городковъ* нашимъ ратнымъ людемъ, которые нынѣ сидятъ въ городѣ въ нашемъ, на великой рѣкѣ на Оби, на усть Иртыша, *воевати* его, и племя его все, и его людей, которые въ тѣхъ, во шти городкахъ сидятъ — *не велѣли*, а *дань* бы нашу намъ съ него, съ тѣхъ его городковъ, велѣли *имати въ Вымской-Землѣ* по нашему жалованію приказнымъ людемъ, кому будетъ приказано.

«И мы Лугуя-князя съ тѣми его городки пожаловали—*для того, что онъ къ намъ пріѣхалъ напередъ всѣхъ бить челомъ* — велѣли съ него имать, по нашему царскому жалованію, съ его городковъ, въ Вымской-Землѣ наши дани, на годъ *по семи сороковъ* соболей лучшихъ, и привозить ему дань ежегодъ на Вымъ самому, или его братьѣ, или племянникомъ, по семи (сороковъ) соболей лучшихъ.

«И нашимъ *воеводамъ*, которые нынѣ на усть Иртыша, на Оби, новый городокъ поставили, на Лугуя-князя, и на его городки — нашихъ ратныхъ людей не посылати, и воевати его не велѣти, и дани на немъ, и на его городкѣхъ, имати не велѣти, и *поминковъ*, и *посуловъ съ нихъ не имати*.

«А привезти ему дань впервые, на Вымъ, къ приказному человѣку и къ нѣловальникамъ, на срокъ, на Дмитріевъ-день лѣта 7096 году; а привезъ на два года дань, четырнадцать сороковъ, на девять десять-пятой годъ, да на девять десять-шестой годъ, и впредь въ два года привозити дань по томужъ. А тѣми городки подмогати,

прогналъ опять назадъ, назначилъ въ Сибирь еще воеводъ — Василья Сукина съ Иваномъ Мясными и, въ подкрѣпленіе ратниковъ Мансурова, послалъ 300 человѣкъ.

Воевода Сукинъ явился въ Сибири вскорѣ послѣ Мансурова. Онъ постигалъ, что власть Руси въ сибирскомъ краѣ до-тѣхъ-поръ будетъ шатка и непрочна, пока Русскіе не осѣдутся въ немъ на твердой опорѣ, не построютъ городовъ, не населятъ ихъ по возможности и не укрѣпятъ ихъ пушками.

Правильной колонизаціи въ это время еще не могло быть, хотя мы скоро увидимъ правительственныя мѣры къ переселенію въ Сибирь хлѣбопашенныхъ крестьянскихъ семей; но Сукинъ, оцѣнивъ важность туринскаго осѣдлаго народонаселенія и притомъ не имѣя достаточныхъ силъ, не торопился идти къ занятому непріятелемъ городу Сибири; онъ остановился на Турѣ, выбралъ для себя выгодное мѣстоположеніе (далеко еще до впаденія Туры въ Тоболъ), построилъ тутъ городокъ близъ стараго городища, «иже прежде былъ градъ Чинги», и далъ ему имя «Тюмень», названіе котораго и въ старые годы было здѣсь знакомо въ этихъ мѣстахъ и около Камы на рѣкѣ Обвѣ (72).

Подробныхъ, точныхъ свѣдѣній о дѣйствіяхъ этого воеводы мы не имѣемъ. Изъ этого не слѣдуетъ предполагать, что Сукинъ оставался въ бездѣйствіи: ему много было трудовъ и на Турѣ. Надо было умѣть ладить дѣла съ Татарами, надо было умѣть не возбудить ихъ неудовольствія и не подвинуть къ возстанію; надо было, при всемъ томъ, умѣть оффиціальнымъ образомъ покорить ихъ владычеству московскаго двора, обязать ихъ данью, упрочить ихъ подданство и мѣшать Кучуму или Алею заводить съ ними связи.

Въ 1587 году является въ сибирской исторіи новый воевода, Даніла Чулковъ (73). Онъ прибылъ въ Сибирь съ новою ратью въ пятьсотъ человѣкъ.

Чулковъ достигъ Иртыша и близъ города Сибири, при сліяніи Иртыша съ Тоболомъ, заложилъ крѣпостцу, городокъ, на мѣстѣ, гдѣ онъ могъ свободно повелѣвать по направленію трехъ рѣкъ, включая сюда

и подмога имъ тѣмъ давати, кого, межь себя выбравъ, пошлютъ съ данью на Вымскую-Землю.

«А прочитая сеё нашу царскую грамату по всѣмъ нашимъ городомъ въ Сибирской-Землѣ и на Обп-на-Великой, отдавали ее назадъ.

«Дана сія жаловальная грамата въ царствующемъ нашемъ градѣ Москвѣ, лѣта отъ созданія міру 7094 (1586) году, августа мѣсяца.»

У грамматы привѣшана красная восковая печать, а на оборотѣ подписано: «Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Ивановичъ всея Россіи.»

По словамъ Миллера, Мансуровъ, по окончаніи зимы, возвратился съ Оби въ Москву. (Миллеръ, стр. 200, 202 и 209, и Собр. Госуд. Грам.и Догов., т. II, № 54.)

(72) См. примѣч. 20.

(73) Миллеръ (стр. 216) называетъ его только «письменнымъ головою», но Чулковъ былъ именно — воевода, хотя и не принадлежалъ къ сословію бояръ, какъ напримѣръ Болховской, Елецкій, Годуновъ или другіе. Ср. прим. 85.

же и Обь, низовья которой, при содѣйствіи князька Лугуя, не представляли намъ какихъ-нибудь особенныхъ затрудненій.

Въ лѣтописяхъ нашихъ нѣтъ данныхъ, изъ которыхъ бы мы могли выводить заключеніе, что Чулковъ предпринималъ битвы съ Татарами, засѣвшими въ Сибири. Вѣроятнѣе предположить, что Чулковъ, слѣдуя однажды навсегда принятой политикѣ нашихъ воеводъ распространять завоеванія не пролитіемъ крови, а мѣрами кроткими, старался жить въ мирѣ и согласіи съ весьма-близкими и весьма-опасными своими сосѣдями, да и самъ тихо и смирно жилъ въ новомъ городкѣ, названномъ имъ — Тобольскомъ (а не Иртышскомъ) именно потому, что это названіе, сокращенное изъ «Усть-Тобольска», какъ-нельзя-лучше опредѣляло положеніе этой крѣпостцы на Усть-Тоболѣ, или на устьѣ Тобола. (Тобольскъ стоитъ нынѣ на правомъ берегу Иртыша, въ двухъ верстахъ выше сліянія съ нимъ Тобола; но находящаяся нынѣ на самомъ устьѣ Тобола деревня «Монастырская» носитъ до-сихъ-поръ названіе «Стараго-Тобола».)

Припоминая себѣ житьё-бытьё нашихъ первыхъ воеводъ въ Сибири, мы очень жалѣемъ, что не можемъ представить читателямъ описанія великолѣпныхъ дворцовъ, торжественныхъ выѣздовъ, вкусныхъ пировъ, романтическихъ происшествій, роскошной природы, которыми бы наслаждались русскіе головы въ нашей Сибири по примѣру испанскихъ генераловъ въ Сибири американской. И лѣтописцы наши скупы были на эти описанія, да и сама Сибирь мало представляла лакомыхъ сторонъ въ этомъ отношеніи.

Города сибирскихъ князей были небольшія площадки земли, огражденныя или природными укрѣпленіями, горами и утесами, или искусственными насыпями, буграми, стѣнами и земляными валами и рвами. Города Русскихъ были лачужки, землянки, иногда и избы, обнесенныя тыномъ и земляными валомъ. Природа была скупа, не разсыпала на сѣверѣ даровъ, назначенныхъ только для юга: она давала необходимое—лѣса тогдашней Сибири богаты были дичью, птицею и звѣремъ; въ сибирскихъ рѣкахъ вода слаще и пріятнѣе нашей невской воды; рыбы въ нихъ, особенно той, которою русскій человѣкъ дорожитъ — множество; но вотъ и все. Жизненныя наслажденія были все наперечетъ: ѣда и питье; иное что-нибудь, кромѣ вина, зерни и охоты, и придумать трудно! А женщины... конечно, Татарки и Остячки благоволили къ нашимъ красавцамъ, безъ романичности не обходилось; но до романовъ ли было нашимъ геройнъ, когда имъ, на каждомъ шагу, грозила опасность, то отъ природы, то отъ людей? Житьё-бытьё нашихъ воеводъ было плохое: удѣлъ ихъ былъ и вѣчный трудъ, и вѣчная забота, и вѣчныя лишенія.

Таково было положеніе и Чулкова. Ладя съ Сейдякомъ, все еще обладавшимъ Сибирью, Чулковъ понималъ, что одного непрочнаго мира и наружной тишины мало, что надо подумать о томъ, какъ бы избавиться отъ страшныхъ враговъ. Кажется, Сейдякъ значительно усилилъ свои средства: въ союзѣ съ нимъ мы находимъ и Карачу, давно-бросившаго своего царя Кучума, и еще какого-то узбека назачьей

орды. Лѣтописи называютъ его царевичемъ Салтаномъ — и мы будемъ его звать тоже Салтаномъ. Намъ представляется теперь случай говорить про нихъ, но не можемъ приступить къ этому безъ слѣдующей маленькой оговорки.

Тамъ, гдѣ благосостояніе цѣлаго края требуетъ какихъ-нибудь сильныхъ мѣръ, средства — послѣднее дѣло, была бы благая цѣль достигнута: безъ жертвъ, вынуждаемыхъ иногда обстоятельствами, обойдтись очень-трудно, часто невозможно. При такомъ взглядѣ на вещи, если припомнимъ себѣ, что Русскіе смотрѣли на Татаръ, какъ на народъ «поганый» въ русскомъ значеніи этого слова, что эту «нѣхристь», по ихъ понятіямъ, не грѣхъ было искоренять чѣмъ и какъ ни попало; если мы вспомнимъ притомъ, съ какою злобою сами Татары дѣйствовали противъ казаковъ, съ какимъ коварствомъ они умерщвляли нашихъ ратниковъ; словомъ, если мы войдемъ въ тогдашнія обстоятельства, въ тогдашній образъ мыслей, — хоть и со вздохомъ, а должны будемъ одобрить, или, если не одобрить, то по-крайней-мѣрѣ не строго укорять въ чемъ-нибудь недобромъ воеводу Чулкова, которому въ этомъ случаѣ мы обязаны конечнымъ прекращеніемъ главныхъ и важныхъ смутъ въ Сибири и доставленіемъ царю неотъемлемаго и крѣпкаго права назвать всю до-иртышскую страну своею отчиной, то-есть, государственнымъ достояніемъ Россіи, а вслѣдъ за тѣмъ и всю Сибирь признать русскою областью. Съ-этихъ-поръ намъ почти нечужно было покорять — намъ нужно было только двигаться; съ подвигомъ Чулкова у насъ враговъ не стало, намъ оставалось только пріобрѣтать союзниковъ и одною ласкою обращать ихъ въ нашихъ данниковъ. Такъ оно и было, съ весьма-рѣдкими, по-временамъ, исключеніями, когда казаки и воеводы сами забывались въ пылу горячихъ стремленій къ собственной наживѣ и забывали повелѣніе «призывать тамошнихъ людей подъ государеву царскую высокую руку ласкою, а не жестокостью».

Но обратимся къ Чулкову, къ его подвигу уничтоженія нашихъ враговъ, случившагося, какъ кажется, по перенесеніи городка, на противоположный берегъ Иртыша.

Дѣло это, по свидѣтельству и разсказамъ большинства лѣтописей, происходило вотъ какимъ образомъ, весьма-оригинальнымъ и вѣроподобнымъ.

Въ непродолжительномъ времени по основаніи Тобольска, князь Сейдякъ, претендентъ на санъ повелителя Сибири, вмѣстѣ съ царевичемъ казачьей орды Салтаномъ и съ бывшимъ кучумовымъ Карачею, въ сопровожденіи пятисотъ человѣкъ Татаръ, вышли изъ Сибири и пошли къ Тобольску. Близъ Тобольска они остановились на полѣ, извѣстномъ подъ названіемъ «Княжій-Лугъ», показывая видъ, будто тѣшатъ себя встребиною (кречетною) охотою.

Чулковъ узналъ объ этомъ; но, подозрѣвая, что «умыселъ другой тутъ былъ», и что пятьсотъ Татаръ взяты Сейдякомъ на охоту не на однѣхъ птицъ, собралъ своихъ подчиненныхъ и разсказалъ имъ дѣло. Посовѣтовавшись между собою, Чулковъ выслалъ къ Сейдяку сво-

ихъ людей и наказалъ имъ пригласить Сейдяка къ себѣ въ гости въ Тобольскъ, чтобъ сообща посовѣтоваться объ упрочевіи мира. Приказъ его былъ исполненъ.

Сейдякъ, съ своей стороны, тоже посовѣтовавшись съ Салтаномъ и съ Карачею, рѣшился идти на поклонъ Чулкова, но не одинъ, а вмѣстѣ съ ними, втроемъ, взявъ себѣ въ провожатые сто человѣкъ изъ своей орды.

Чулковъ встрѣтилъ ихъ въ воротахъ, но, видя, что Татары вооружены, представилъ Сейдяку неумѣстность подобнаго наряда, велѣлъ снять съ себя оружіе; а такъ-какъ время было обѣденное, на столъ накрыто, то воевода и просилъ дорогихъ своихъ гостей откушать хлѣба-соли, чѣмъ Богъ послалъ.

Сейдякъ съ товарищами вступилъ въ городокъ безоружный и, втроемъ съ своими друзьями, пошелъ въ домъ Чулкова.

Кушанье было подано; хозяинъ съ тремя гостями сѣлъ за столъ и за обѣдомъ сталъ имъ толковать о мирныхъ условіяхъ.

Пропалъ ли у Сейдяка отъ условій Чулкова аппетитъ и ему было ужь не до обѣда, или ему просто ѣсть не хотѣлось, только онъ въ ротъ куска не бралъ и сидѣлъ, крѣпко задумавшись.

— Что съ тобой сдѣлалось, князь, говорилъ Сейдяку воевода: — ни пьешь, ни ѣшь моей хлѣба-соли? Ужь не задумываешь ли чего недобраго?

— Ничего не задумываю: мнѣ просто ѣсть не хочется! отвѣчалъ Сейдякъ.

— Не мыслишь зла на насъ, не хочешь ѣсть, такъ пей вино. На, выпей на здоровье!

Сейдякъ принялъ чару, поднесъ ее къ губамъ, но сдѣлалъ глотокъ и—поперхнулся.

Чулковъ посмотрѣлъ на него пристально, въ умѣ сообразивъ нравственную причину подобнаго явленія (или, какъ говоритъ Савва Есиповъ «Богу же, обличающу ихъ зломысліе») и, передавая чару Салтану, сказалъ:

— Нутка ты теперь, выпей.

Салтанъ хватилъ неосторожно и тоже поперхнулся.

Смѣтливый Карача видѣлъ, что дѣло принимаетъ недобрый оборотъ: когда очередь дошла до него, онъ, чтобъ снять тѣнь подозрѣнія съ Чулкова, со страхомъ и трепетомъ схватился за чару; но, видно, и его грѣшная утроба не приняла православнаго напитка—и онъ поперхнулся!

Можетъ-быть, Чулкову въ-самомъ-дѣлѣ показалось страшнымъ и подозрительнымъ такое, непонятное для простаго Русака, безсиліе Татаръ, или все это дѣлалось по заранѣе-начертанному плану хитрымъ воеводой, только чарка вина сгубила Сибирь.

— А, такъ вы такъ-то! загремѣлъ воевода.—Такъ у васъ вотъ что на умѣ? предательство? измѣна?.. Самъ Богъ обличаетъ васъ въ сію минуту и предаетъ мнѣ въ руки за ваше нечестіе... Связать ихъ, погани!ихъ! крикнулъ онъ, махнувъ рукой близстоящей стражѣ.

Казаки бросились на невѣрныхъ изверговъ, обрадовавшись случаю—разнаго рода униженіями отплатить имъ за старыя неправды.

Несчастные, видя безпощадную гибель, кинулись въ окно. Они удачно, одинъ за другимъ, соскочили на землю и ударились-было бѣжать къ своимъ, но ловкіе казаки настигли ихъ, перехватали поочередно, связали ихъ веревками и представили къ воеводѣ, а прочихъ, мелкій народъ, тутъ же положили на мѣстѣ.

Объ оставшихся въ полѣ четырехстахъ Татарахъ лѣтопись говоритъ такъ: «таково страхованіе найде на сихъ, яко и въ градѣ своей не возвратишася; слыша же въ градѣ (Сибири) яко бѣжа—и тыи избѣгоша изъ града и никто же остася во градѣ» (74).

---

(74) Строгоновская Лѣтопись передаетъ это происшествіе, случившееся черезъ пять съ половиною лѣтъ послѣ перваго взятія Сибири Ермакомъ, совершенно въ другомъ видѣ.

Вотъ ея сказаніе:

Глава XXXIV. — «Государь..... прислалъ съ Москвы въ Сибирь воеводу Данилу Чулкова со многими воинскими людьми и со огненнымъ нарядомъ — и пришедъ въ Сибирскую-Землю. Слышано же бысть бусурменскимъ языкомъ въ Сибири приходъ его; татарове же сего убоящеся русскихъ вой много пришествія, *избѣгоша изъ града своего*, идѣже прежде сего бысть въ Сибири татарскій ихъ городокъ стольный, *усть Тобола и Иртыша*, ныне именуемый Сибирь, — оставиша его пуста. Рустіи же вои *пріидоша и сѣдоша въ немъ* и утвердивше градъ крѣпко, *идѣже нынѣ* именуется богоспасаемый градъ Тобольскъ.»

Глава XXXV. — «Умыслиша же сей окаянный бусурменскій князь Сейдекъ съ сибирскими людьми собрати воинства множество себѣ и пришедъ войною подъ городокъ Тоболескъ, хотя его взяти и людей въ немъ побити — да не *будутъ* въ нашу землю селятися рустіи людіе! — и государевымъ *воеводамъ* сказася, что *пріиде* для торга, а людей своихъ воинскихъ *поставилъ въ укрытіи* и торговаша съ русскими людьми день и на утріи *пріиде подъ городъ тайно* приступомъ со всѣми своими людьми и обляже градъ и нача къ нему приступати. Московстіи же людіе и волости казацы, видѣвъ ихъ безстудство и жестокій приступъ ко граду и послабиша имъ приближитися къ стѣнамъ града и начаша по нихъ со града стрѣляти и многихъ побиша, а иніи изъ града къ нимъ на вылазку вышедше, и многихъ побиваше бусурменъ и живыхъ яша и самого князя Сейдока на томъ бою ухватиша ранена. Они же, окаяннїи, бѣгству липася и въ станы свои бѣжаша. Рустіи же вои и до становъ ихъ за ними гнаша сѣкуще; они же оставиша станы своя и все свое богатство въ станѣхъ своихъ и сами едва утекоша. И на семъ бою волскій атаманъ Матюй Мещерякъ убіенъ бысть; и оттолѣ на всѣхъ сибирскія земли бусурменѣхъ бысть страхъ великій и всѣ татарове, ближніи и дальніи не смѣяше къ государевымъ городомъ войною приходити.» (Строг. Лѣт. 1821, изд. г. Спасскаго, стр. 63.)

1) Слѣдя за направленіемъ ермаковыхъ походовъ, мы могли убѣдиться, что городъ Сибирь стоялъ на Иртышѣ, гораздо-выше соединенія съ нимъ Тобола: значитъ, Тобольскъ стоитъ вовсе не на томъ мѣстѣ, гдѣ была Сибирь, которой остатки досель существуютъ.

2) До времени плѣна Сейдяка Сибирь была запята Татарами, и Русскіе ею не владѣли.

3) Надо имѣть слѣпую вѣру въ Строгоновскую Лѣтопись, чтобъ согласиться, будто Сейдякъ успѣлъ обмануть нашихъ воиновъ и, неизвѣстно для какихъ причинъ, съумѣлъ притвориться купцомъ. Но желательно бы знать, гдѣ онъ могъ спрятать отъ нашей стражи все свое «*войско*», которое, вѣроятно, состояло не менѣе какъ изъ 500 человѣкъ. (Правда, что и Есиповская Лѣтопись тоже требуетъ безусловнаго вѣрованія, но тамъ, по-крайней-мѣрѣ, болѣе возможности логически понять весь ходъ

Городъ Сибирь опустѣлъ; Русскимъ онъ былъ не нуженъ; скоро онъ пришелъ въ совершенное забвеніе, и теперь даже память о немъ въ народѣ почти совсѣмъ исчезла.

Сейдякъ, Салтанъ и Карача въ то же время были отправлены въ Москву; вліяніе ихъ на мѣстныя племена было уничтожено; власть Русскихъ утверждена прочно; главнѣйшія препоны къ распространенію владычества нашего рухнули; сибирскій-юртъ канулъ въ вѣчность и царство сибирское было ужь русское царство.

Съ плѣнниками царь поступилъ милостиво; онъ не заставлялъ ихъ въ Москвѣ разъигрывать той роли, которую на нашихъ глазахъ разъигрывали предводители полудикихъ племенъ Африки во Франціи: сибирскихъ Абд-эль-Кадеровъ у насъ не сажали по крѣпостямъ и по тюрьмамъ. Государи Россіи принимали ихъ съ лаской, утѣшали ихъ тоску по родинѣ своимъ милосердіемъ, заставляли ихъ забывать прежнюю, дикую свободу, награждая ихъ землями, богатыми помѣстьями, принимали ихъ въ службу, довѣрчиво приближали ихъ къ своей особѣ; но, надѣляя ихъ почестями, тогдашніе владыки Россіи не упускали случая напоминать на нихъ гнѣвъ свой, когда плѣнники забывали ничтожность свою предъ новымъ властелиномъ.

Получивъ вѣсть, что теперь Сибирь вплоть до Иртыша и далѣе къ сѣверу по Оби—вся наша, новый царь уже не ограничивался видами на одни поклоны въ тысячу соболей и въ тысячу бѣлокъ: онъ обложилъ ее данью настоящею и повелѣлъ взимать съ нея въ годъ тысячу-тысячъ дорогихъ шкурокъ. Въ подданствѣ русскомъ, сверхъ занятыхъ мѣстъ, считались тогда и Пелымское-Государство, и Иргизское-Государство, и Обь-Великая вся (т. е. сколько ее знали), и всѣ города обскіе, числомъ девяносто-четыре: такую важность справедливо придавали тогда утвержденію нашему въ Сибири и такъ твердо были убѣждены наши политики, что съ-этихъ-поръ, съ 1587 года, Сибирь была —вся наша (75). Восточная граница Россіи въ то время очертилась ли-

---

дѣла, тѣмъ болѣе, что она не подала повода сомнѣваться въ своей добросовѣстности, а Строгоновская Лѣтопись, въ нашихъ глазахъ, потеряла всякое довѣріе.)

4) Извѣстный уже намъ не-храбрый бѣглецъ, атаманъ Мещерякъ, можетъ довольствоваться и тѣмъ, что его убили и безъ сраженія, въ простой дракѣ.

5) Со смертію Ермака намъ, по настоящему, и не слѣдуетъ говорить про бывшихъ волжскихъ ермаковыхъ казаковъ; при изложеніи хода событій этого времени, мы слово «казакъ» употребляемъ въ общемъ смыслѣ царскаго войска, царскихъ солдатъ—стрѣльцовъ и воинской черни изъ Русскихъ, Татаръ, Поляковъ: въ эти казаки могли попасть и ермаковы казаки.

(75) «Ясаку положилъ государь на сибирское царство: и на Конду-Большую и на Конду-Меньшую (послѣдняя течетъ въ Большую-Конду, а Большая-Конда впадаетъ въ Иртышъ съ лѣвой его стороны, къ сѣверу отъ Тобольска), и на Пелымское государство (Пелымь течетъ въ Тавду ближе къ Уралу, на западъ отъ Конды), и на Туру рѣку, и на Иртышъ, и на Иргизское государство (Иргизъ рѣка протекаетъ съ западной стороны киргизской степи: вершины его сближаются съ вершинами Тобола), и на Нѣгіе-Колмаки (вѣроятно это Нѣгая-Орда, то-есть Нарымъ), и на Обь-Великую и на всѣ городки обскіе, на девяносто на четыре городы (по Книгѣ Большому Чер-

пію съ сѣвера по Оби, далѣе по Иртышу, потомъ по Тоболу, и, наконецъ, по Иргизу.

Съ этого же времени началась и колонизація Сибири.

Первыми колонистами въ Сибири были тридцать хлѣбопашенныхъ семей, которыя, по повелѣнію государя, въ 1590 году, были отправлены изъ Сольвычегодска съ такимъ наказомъ, чтобъ у каждаго хозяина «было по три мерина добрыхъ, да по три коровы, да по двѣ козы, да «по три свиньи, да по пяти овецъ, да по двое гусей, да по пятеру ку«ровъ, да по двое утятъ, да на годъ хлѣба, да соха со всѣмъ для паш«ни, да телѣга, да сани, и всякая житейская рухлядь»; кромѣ того велѣно имъ дать въ подмогу, въ тогдашнее время, по *двадцати-пяти рублей;* отправка каждой семьи обошлась общинамъ *по сту-десяти рублей.* Уничтоженіе знаменитаго юрьева-дня, приведя въ броженіе умы простаго народа, необразованнаго и грубаго, однимъ указало путь на западъ, другихъ погнало на востокъ. Послѣдующіе указы, дополнительные и поясните́льные, и всюду разносившаяся молва о богатствахъ Сибири, послужили, какъ говоритъ одинъ писатель, доброю закваскою за-уральской земледѣльческой населенности. Толпы народа стремились въ Сибирь въ гораздо-большемъ количествѣ противу тѣхъ, которыя отправлялись туда по распоряженію самого правительства, заботившагося сколько о снабженіи края землепашцами, столько же и другими сословіями, для него необходимыми, ямщиками, для устройства сообщеній, плотниками и другими мастерами для городскихъ построекъ и поставленія храмовъ Божіихъ, священниками и иноками для распространенія вѣры Христовой. Но уже и въ это время Сибирь является мѣстомъ ссылки лицъ, для которыхъ, по мнѣнію Бориса Годунова, былъ вреденъ воздухъ столицы.

Къ этому же времени относится и формированіе отдѣльной ратной силы Сибири. Не здѣсь мѣсто входить во всѣ подробности этого предмета, заслуживающаго отдѣльнаго трактата и тѣсно связаннаго съ подробностями колонизаціи Сибири, но не мѣшаетъ, однако, замѣтить вкратцѣ, что громада постоянно-высылаемаго изъ Россіи войска была уже въ это время росписана по городамъ: явились казаки городовые, началось формированіе казаковъ изъ Татаръ «юртовскихъ», собиравшихся изъ своихъ городковъ, и «волостныхъ», не вполнѣ осѣдлыхъ и землепашенныхъ. Въ сословіе казаковъ включены были и Литва, и плѣнные Поляки, и Нѣмцы; самые земледѣльцы были иногда зачисляемы въ казаки «черноме́стные», а Татары верстались въ это сословіе служилыхъ людей за особенныя услуги, часто по ихъ собственной просьбѣ, но преимущественно изъ тѣхъ «отъ нихъ же измѣны не почаятъ». Нынѣшняя сибирская полиція—*русскіе* городовые казаки (не «линейные» и не «пограничные», а «городовые» и станич-

---

тежу мы насчитали всего-навсе около 50 городковъ по всѣмъ рѣкамъ; значитъ, сюда многое, извѣстное уже, не внесено: см. примѣч. 6) — съ году на годъ имати по 5000 сороковъ (200,000 штукъ) соболей, по 10,000 — лисицъ черныхъ да по 500,000 бѣлки большія и плетцкія». (Карамзинъ, т. X, прим. 44.)

ные и полковые) величаютъ себя прямыми потомками Ермака; но они жестоко ошибаются: они вовсе ему не сродни ни по чему, ни по плоти, ни по духу.

Чтобъ показать, какія немногосложныя, но прямо-ведущія къ цѣли средства предпринимало наше правительство къ занятію покоряемыхъ земель, считаемъ нелишнимъ привести слѣдующій отрывокъ грамматы, относящейся къ 1592 году:

«А будетъ князецъ, прослышавъ ратныхъ людей, къ воеводамъ не появится, а почнетъ бѣгать, и воеводамъ послать ратныхъ людей въ малыхъ судѣхъ его искати, и жены и дѣти и ихъ люди воевать и городокъ ихъ жечи. А (напередъ) приказывать, чтобъ они отъ государя на себя опалы большія не наводили, а шли бъ безъ боязни, а государь ихъ пожалуетъ и князцу ничего не будетъ. А будетъ князецъ и дѣти его придутъ къ воеводамъ, и ихъ обнадежить, чтобъ ихъ всѣхъ приманити; а чорныхъ людей всѣхъ промолыти и обнадежить, чтобъ жили по своимъ юртамъ безстрашно и къ намъ въ городъ приходили...

«О всемъ промышляти, и городъ дѣлать, и люди устроить, и мѣста подъ дворы раздавати жилецкимъ людемъ и казакомъ, смотря по тамошнему мѣсту, какъ бы впередъ было государеву дѣлу прибыльнѣе. А казакомъ терскимъ говорить государево жаловальное слово, чтобъ они государю послужили. А которые захотятъ въ жильцы тутo изо всякихъ ратныхъ людей, и ихъ переписати, а устроить тутo (въ Таборахъ) пятьдесятъ человѣкъ копныхъ: тѣмъ и земли, помѣтивъ, раздавать; а жалованья годоваго судить имъ польскимъ казакомъ по семи рублевъ, а атаману—десять рублевъ, а хлѣба по семи четь муки, а овса потому жь. А стрѣльцовъ прибирать пѣшихъ до ста человѣкъ, а сотнику потому жь, что и атаману, а пѣшимъ стрѣльцамъ по пяти рублевъ, да хлѣба по пяти четь муки, да по чети крупъ, да по чети толокна человѣку. А земли бы имъ всѣмъ давати, чтобъ впередъ всякій былъ хлѣбопашецъ, и хлѣба бы не возять.

«А которые московскіе веденцы девять человѣкъ изъ Каргополя посланы, и тѣмъ указать земли и угодья, чтобъ они изъ Перміи съ собою взяли и лошади и животины и сохъ, хотя немного, чтобъ имъ пашня вскорѣ завести. А которые посланы изъ Перміи и съ Вятки на житье для пашни, и у тѣхъ бы, хотя и у четырехъ человѣкъ была одна лошадь, а животина бы съ ними была, и сохи бы были съ ними, хотя бъ къ парапинѣ завести и немного пашни, да и ржи взяти на заводъ десять четь изъ Перміи; и велѣти жилецкимъ людемъ дворы себѣ ставить, и слобода у города устроить, въ которомъ мѣстѣ пригоже, и земли на пашни высмотрить лутчія, и у крѣпостей подавать пашни на государя пахать всякимъ людемъ. А лучшія мѣста выбравъ оставить про государевъ обиходъ до трехъ сотъ четь; а впередъ та земля пахать на государя жилецкимъ людемъ, которыхъ устроятъ на житьё. Да изъ Таборовъ и Кошуковъ пашенныхъ молотчихъ людей взять со всѣми семьями и съ лошадьми и посадить тутo на пашнѣ, и пашни пахати велѣти на государя. На Таборы и на Кошуки, на тутошные люди, положить хлѣбомъ оброкъ, чтобъ съ нихъ ничего не имать, никакого обро-

ку, ни соболей, а имать бы хлѣбомъ. Только устроя городъ и укрѣпя, —положить на нихъ оброкъ хлѣбной, распрося про нихъ, что̀ прого-же на нихъ положить...

«И церковное строеніе устроить, а попа и дьякона взять вдучи въ Сибирь (по дорогѣ, изъ такого-то города) и, въ подмогу, съ посадскихъ тамошнихъ поповъ собрать сорокъ рублевъ. А на церковь послано съ Москвы два фунта ладану, два фунта темьяну, да пудъ воску, да ведро вина церковнаго, и образы, и книги, и колокола, и все церковное строеніе».

Вѣроятно, при каждой новой посылкѣ воеводъ и ратн въ Сибирь, имъ повторялось однажды уже данное повелѣніе: «и вы бъ, пріѣхавъ «въ Пермь Великую, велѣли тотчасъ бирючю тово жь дни кликать въ «Перміи, въ Чердыни, да въ уѣздѣ по погостамъ, и къ Соли-Камской «тотчасъ розослали, для того, чтобъ шли охочіе люди наймоваться къ «нашему дѣлу... О всемъ отписывати къ государю съ нарочнымъ гон-«цомъ, чтобъ государю про всякія дѣла, что̀ сдѣлается, было вѣдомо «самому и было бъ кого разспросить, чтобъ кто разсказать умѣлъ».

Въ послѣдствіи времени, крестьянамъ, переселявшимся въ Сибирь по распоряженію правительства, стали давать льготу въ податяхъ и пособіе хлѣбомъ и деньгами: узаконеніе объ этомъ явилось еще въ 1613 году. Вообще, система колонизаціи была придумана и приводилась въ исполненіе чрезвычайно-благоразумно, такъ-что колонистъ, приходя въ Сибирь, получалъ, въ тѣ времена, полное обезпеченіе во всѣхъ своихъ нуждахъ, особенно на первыхъ порахъ. И сѣмена, и земледѣльческія орудія, и лѣсъ для избы, и земля для пашни, и домашній скотъ, и даже наличныя деньги—все было для него готово! Край населялся успѣшно годъ-отъ-году все болѣе и болѣе. По добытымъ языкамъ, по слѣдамъ первоначальныхъ покорителей, охотниковъ, метавшихся провѣдывать о новыхъ племенахъ во всѣ стороны по рѣкамъ и рѣчкамъ—на плотахъ и въ лодкахъ, а по снѣжнымъ сугробамъ—въ собачьихъ или оленьихъ нартахъ да на лыжахъ, вогволы, снабженные наказами, выбирали себѣ мѣста для зимовьевъ, рубили остроги, городили города и дѣлали укрѣпленія, всегда устроивая эти дѣла такъ, что гдѣ зимовье ясачное—тамъ и крестъ, гдѣ острогъ—тамъ и часовня, а гдѣ населеніе поразрослось и водвореніе поразвинулось — тамъ для себя церковь, а для Татаръ—пушка! И легкость большей части дальнѣйшихъ завоеваній, при смѣтливости, уживчивости, вкрадчивости въ довѣріе и дружелюбныхъ наклонностяхъ нашихъ промышленниковъ, тѣмъ болѣе становится для насъ удобопонятною, что инородческія племена были разрозненны, несвязаны общимъ интересомъ, неподчинены одной, общей, глубоко-сознанной идеѣ самостоятельности и, находясь на низшей степени гражданственности, мирно покорялись пришельцамъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, для Русскихъ въ Сибири каждый новый шагъ приносилъ новое, никѣмъ—неоспариваемое владычество.

Не смотря даже на неслыханное развращеніе нравовъ нашихъ казаковъ, на татарскія ихъ наклонности (противъ чего грозно вопіялъ святѣйшій патріархъ Филаретъ въ знаменитой своей грамматѣ къ то-

больскому архіепископу), на ухищренія мелкихъ торгашей и промышленниковъ, знакомившихъ дикія племена съ виномъ, зерцью и другими грязными утѣшеніями — дѣло овладѣнія Сибирью шло у насъ чрезвычайно-быстро и непостижимо-успѣшно. Пятидесяти лѣтъ не прошло со времени перваго молодецкаго ермакова посвиста въ сторонѣ за-уральской—и уже русская держава крѣпко охватила все пространство до самаго Енисея. Мы имѣли тутъ болѣе двадцати опорныхъ пунктовъ, укрѣпленныхъ и населенныхъ мѣстъ и городовъ; замѣчательнѣйшіе изъ нихъ: Тюмень основанъ въ 1586 году, Тобольскъ — въ 1587, Пелымъ — въ 1592, Сургутъ и Березовъ — въ 1593, Тара — въ 1594, Нарымъ и Кетскъ — въ 1595, Верхотурье — въ 1598, Обдорскій Городокъ (въ низовьяхъ Оби) и Мангазейскій-Острогъ (на Тазѣ)—въ 1600, Туринскъ въ 1601, Томскъ — въ 1604, Туруханскъ (при устьѣ Турухана въ Енисей, послѣ уничтоженія Мангазеи) и Зимовье-Имбацкое (Имбахъ, рѣка, впадающая въ Енисей справа, между Подкаменной—Тунгуской и Елогуемъ) — въ 1609, остроги Маковскій (въ вершинахъ Кети), Кондомскій и нынѣшній Кузнецкъ (при сліяніи Мрасы съ Кондомою) — въ 1618, Енисейскъ и Бѣльскій — въ 1619, Мелетскій (на Юсѣ) — въ 1620, и Красноярскъ (при устьѣ Качи въ Енисей, между устьями въ него съ противоположной стороны Маны и Кана, верховья которыхъ сближаются съ верховьями Бирюсы) основанъ въ 1628 году.

Вотъ какими шагами мы шагали по Сибири... Мало этого: болѣе, чѣмъ за цѣлое полстолѣтіе до Беринга, наши казаки, простые русскіе казаки положительно доказали—и ученая Европа знала объ этомъ еще во время царствованія Ѳеодора Алексѣевича! — что проливъ между Азіей и Америкой существуетъ и что Ледовитое-Море, вмѣстѣ съ Восточнымъ-Океаномъ, составляетъ одно общее цѣлое; но національное открытіе нашихъ казаковъ окрещено именемъ *фонъ*-Беринга. Времена Никона, Петра-Великаго, бироновщина и другія событія населили Сибирь многочисленными толпами народа, который, разселяясь до Китая и до Камчатки, успѣлъ занести ногу на материкъ новаго свѣта. Въ самой же Сибири народъ русскій, незнакомый съ угнетательною политикой обитателей Запада, дружески сближался съ покоренными племенами, невѣдомо самому-себѣ прививалъ къ нимъ свои повѣрья и обычаи, незамѣтно, безъ насилій, подавлялъ ихъ національность—если только національность можетъ существовать у дикихъ племенъ, къ которымъ самое слово «нація» непримѣнимо—и, поставивъ ихъ, сколько можно было, въ уровень съ самимъ-собою, довелъ ихъ до того, что Сибирь, за исключеніемъ крайнихъ предѣловъ сѣвера и юга, почти совершенно обрусѣла (племена эти не вымерли, какъ иные говорятъ, и не выродились, а переродились въ Русскихъ), и теперь имя ея потеряло уже то значеніе, которое предки наши придавали этой далекой, но богатой и прекрасной странѣ. Тамъ, гдѣ была кучумова столица, гдѣ стоялъ городъ Сибирь—нынѣче запустѣніе, и только остатки древнихъ валовъ указываютъ путнику то мѣсто, на которомъ воздвигнутъ былъ Ермакомъ краеугольный камень владычеству Россіи надъ зауральскимъ краемъ.

Много людей проѣхало мимо этого городища по почтовой дорогѣ изъ Тобольска въ Омскъ; много людей слышало въ этомъ мѣстѣ окликъ ямщика: «вотъ, дескать, ваше почтеніе, городъ Сибирь, гдѣ Ермакъ Тимоѳеичъ разбилъ царя Кучума и самъ сѣлъ на царство»; но немногіе, вѣроятно, потрудились выйдти изъ экипажа и пройдтись по пустынному полю, навѣвающему столько дорогихъ для Русскаго воспоминаній...

Насъ судьба привела взглянуть на этотъ уголокъ, но мы только этимъ и ограничились: обстоятельства не позволили намъ прибавить ни одной лишней черты къ тому, что уже до насъ было сдѣлано. Передаемъ цѣликомъ слова ученаго очевидца, знаменитаго Миллера, который, за сто лѣтъ назадъ, имѣлъ возможность вполнѣ удовлетворить своему просвѣщенному любопытству:

«Остатки сего столичнаго города (ежели такое мѣсто, какъ сіе по«видимому было, названіемъ города почтить можно» прибавляетъ Миллеръ) «еще и по нынѣ видны. Восточный, высокій берегъ рѣки «Иртыша, имѣетъ на томъ мѣстѣ чрезвычайную вышину, и онай бе«регъ, почти вездѣ, гдѣ рѣка подлѣ горъ течетъ, отъ опой подмы«вается: отъ чего въ томъ мѣстѣ нѣкоторая часть горы отвалилась, «такъ что сторона къ рѣкѣ Иртышу стоитъ почти перпендикулярно.

«По верхней сторонѣ находится глубокій буракъ, въ которомъ те«четъ маленькая рѣчка, и опая, на россійскомъ языкѣ, по городу на«зывается — Сибирка, а Татаре сію рѣчку именемъ не называютъ, для «того, что онѣ и многія другія малыя рѣчки, которыя разстояніемъ «не болѣе двухъ и трехъ верстъ вершины свои имѣютъ, безъименны«ми оставляютъ. Понеже оная сторона весьма крута, то на томъ мѣ«стѣ и всходу нѣтъ.

«Съ третьей, или съ полевой стороны есть долина, которая мало-по«малу глубже становится, и съ бураком, въ которомъ рѣчка Сибирка «течетъ, соединяется. Развѣ отсюда можно было на то мѣсто, гдѣ го«родъ былъ, подняться, но понеже и тутъ еще нарочито круто, то «оное требовало бы не малаго затрудненія.

«Одна четвертая нижняя сторона, по теченію рѣки Иртыша, немно«го полога, такъ что съ той стороны и всходъ былъ, какъ и теперь «сіе мѣсто съ той же стороны сперва видно, ежели кто, для смотрѣ«нія онаго, изъ Тобольска выѣдетъ. Оно видится съ дороги, на не«большой круглой горкѣ, которая, въ разныхъ уступахъ, укрѣплена «тройнымъ валомъ съ находящимися притомъ рвами, изъ которыхъ «одинъ валъ другаго выше, а сіи валы окружаютъ городское мѣсто «только съ приходу и со стороны долины, понеже прочія обѣ сторо«ны, отъ рѣки Иртыша и отъ буерака, никакого укрѣпленія не требу«ютъ. На нѣкоторыхъ мѣстахъ валы и рвы, за многопрошедшимъ «временемъ, такъ заросли, что нынѣ мало ихъ видно.

«Внутреннее пространство кругловато и поперегъ не болѣе пятиде«сяти сажень содержитъ. По сему заключить должно, что тамъ, кромѣ «хана и его фамиліи и служителей, немногимъ другимъ знатнымъ та«тарамъ жить можно было, развѣ тогда оное мѣсто гораздо простран«нѣе было, какъ и увѣряютъ, что нѣсколько земли, а много ли, или

«мало, того неизвѣстно, съ рѣчной стороны отъ подмыванія осыва-«лось.

«Отъ дворовъ, или отъ другаго какого строенія, никакихъ слѣдовъ «болѣе не видно, какъ только что по разнымъ мѣстамъ, отъ неровно-«сти земли, разсуждать можно, что какое-нибудь строеніе прежде тамъ «находилось. Дворы, по обыкновенію Сибирскихъ Татаръ, построены бы-«ли либо деревянные, либо, по бухарскому обыкновенію, изъ пожже-«ныхъ кирпичей, потому-что съ того времени вовсе пропали. Нѣкото-«рыя мѣста предъ другими глубже, которыя, можетъ-быть, вмѣсто по-«гребовъ служили.

«Въ послѣднія времена окольные россійскіе жители, ищущіе закопан-«ныхъ въ землѣ пожитковъ, вездѣ глубокія ямы покопали, изъ кото-«рыхъ нѣкоторые не даромъ трудились.»

Но мы забыли про царя Кучума; обратимся къ нашему разсказу, изъяснившись снова передъ благосклоннымъ читателемъ, что мы вовсе не брали на себя тяжкой обязанности писать исторію Сибири, и что настоящій трудъ есть только попытка разъяснить нѣкоторые запутанные вопросы этой исторіи: мы сочли за непремѣнную обязанность напомнить объ этомъ для того, чтобъ читатель не посѣтовалъ на насъ за отсутствіе полноты, недостаточность фактовъ, безцвѣтность картины и другіе недостатки, слишкомъ-рѣзко намъ самимъ замѣтные и извинительные здѣсь только потому, что трудъ нашъ—только попытка.

ГЛАВА IX-Я.

Царь Кучумъ.

Скитальчество Кучума.—Поиски на Кучума.—Преслѣдованіе Кучума.—Граммата Кучума къ воеводамъ.—Граммата царя Ѳеодора къ Кучуму.—Письмо къ нему сына его, Абдул-Хаира.—Воевода Воейковъ.—Послѣдняя битва.—Послѣднія рѣчи.—Конецъ.

«До тебе лежачего въ болотѣ спросности пебаченья твоего склонимся, а тобѣ руку подамы, хотячи тебе зъ него вытягнути, отерши напередъ берніе зъ очью твоихъ, же бы еси могъ прозрѣти, а гноспость и спросность свою обачити. Если же слова наши не будутъ тебѣ смаковати — ты самъ того причиною, же ся на насъ торгнулъ напередъ несмачными и быстрыми словы... Набольшая мудрость самому себя знати: аже бы себя лѣпѣй познялъ — посыламъ тобѣ книги, которыя о тобѣ росписаны суть...

Граммата Баторія къ Грозному, 1581 г.

Семнадцатилѣтняя скитальческая, не спокойно-кочевая, а постоянно-тревожная жизнь Кучума въ степяхъ сибирскихъ, по отечественнымъ лѣтописямъ, намъ мало извѣстна. Лѣтописцы наши передаютъ о немъ очень-немногое. По ихъ свидѣтельствамъ, Кучумъ, послѣ бѣгства своего изъ Сибири, при окончаніи ермаковой битвы подъ Чувашевымъ,

или у Подчувашья, удалился въ Ишимскія-Степи; черезъ три года, именно въ 1584 году, мы находимъ его въ тѣхъ же мѣстахъ, на Вагаѣ. Послѣ плѣна Махмет-Кула, Кучумъ былъ оставленъ всѣми, даже Карача отступился отъ него; послѣ смерти Ермака, Кучумъ былъ преслѣдуемъ Сейдякомъ, наконецъ онъ направился вверхъ по Иртышу, но не переставалъ вредить Русскимъ. Лѣтомъ 1591 года воевода князь Кольцовъ-Масальскій настигъ Кучума близъ рѣки Ишима, разбилъ его и взялъ въ плѣнъ двухъ его женъ и другаго его сына, Абдул-Хаира. Кучумъ снова скрылся, и долго настоящее мѣстопребываніе его не было извѣстно Русскимъ (76).

Кучумъ, однакожъ, не удалялся отъ Иртыша слишкомъ-далеко: расположенныя вверхъ по этой рѣкѣ волости платили ему дань, «блюдяся отъ него войны». Чтобъ совершенно уничтожить вредное его для насъ вліяніе въ этихъ краяхъ, вельно—въ центрѣ подвластныхъ Кучуму волостей, поставить новый городъ Тару и стянуть сюда изъ Казани, изъ Свіяжска, изъ Тетюшь, изъ Тюмени, Тобольска, Таборовъ и Кошуковъ рать почти изъ 1200 человѣкъ конныхъ и болѣе 500 пѣшихъ. Тутъ были и ермаковы казаки, и стрѣльцы, и польскіе казаки, и Литва, и Черкасы, и Башкирцы, и Татары. Въ царскомъ наказѣ воеводамъ (1594 года) объ этомъ предметѣ, повелѣно на тѣ, неподвластныя еще намъ, въ Верхней-Землѣ, волости (если онѣ добровольно не признаютъ нашей власти) «войною посылать, князьковъ ихъ побивать, животы ихъ — лошади, разную животину и всякую рухлядь—имать ратнымъ людямъ въ раздѣлъ между собой», кромѣ соболей и черныхъ лисицъ, которые всѣ идутъ на государя. Царь крѣпко наказывалъ воеводѣ «промыслить, истѣснить и извоевать Кучума», но вмѣстѣ съ тѣмъ совѣтовалъ «крѣпко беретчися Кучума, чтобы онъ, пришедъ, которыя порухи не учинилъ»; стараться склонить Кучума отдаться въ наши руки, уговорить его жить съ нами въ мирѣ и тишинѣ, объявить ему, что государь желаетъ держать его подъ своею царскою рукою, что онъ, по милосердію своему, и сына его Облагаира и людей его отпуститъ на родину, пожаловавъ напередъ своимъ царскимъ жалованьемъ... Подобныя повелѣнія повторялись неоднократно, но упрямый Кучумъ оставался непреклоненъ.

Инструкціи, данныя по этому случаю воеводѣ, боярину князю Андрею Васильевичу Елецкому, заключали въ себѣ слѣдующія главнѣйшія основанія: мы приводимъ подлинникомъ многія фразы этихъ интересныхъ документовъ, чтобъ совершенно уяснить дѣло и тогдашнее состояніе покоренной страны.

«Итти города ставить вверхъ Иртыша на Таръ-рѣку, гдѣ бы государю было впредь прибыльнѣе, чтобъ пашню завести и Кучума царя истѣснить и соль устроить и тѣхъ бы волостей, которыя больше по-сюсторону Тобольскаго (города) и Тобольскова уѣзду отвести отъ Кучума и привести къ государю... чтобъ впередъ государевымъ ясашнымъ людямъ жить по Иртышу отъ Кучума царя и отъ погайскихъ людей безстрашно. А идучи изъ Тобольскова воеводѣ князю Ондрею съ то-

(76) Миллеръ, стр. 224 и 276.

варищи про Кучума царя и про ногайскихъ людей провѣдывать, [illegible] нынѣ Кучумъ царь? и сторожи напередъ себя конные посылать, чтобъ Кучимъ царь, собрався съ ногайскими людьми, пришедъ, надъ воеводами и надъ хлѣбными запасы безвѣстно порухи ни которой не учинилъ, а конным людемъ потомужъ идти бережно, чтобъ имъ отъ Кучума царя идти съ великимъ береженьемъ и отъ него беречись, чтобъ на нихъ не пришелъ.

«А будетъ которые ясашные люди и князьки, которые живутъ по Иртышу, съ воеводою, съ княземъ Ондресмъ на Кучума и на ногайскихъ людей города ставить не пойдутъ и не послушаютъ— и воеводѣ князю Ондрею Васильевичу, идучи Иртышемъ, тѣ волости воевать, и посылки конныя на нихъ посылать, и измѣнниковъ сыскивать, винныхъ казнить, а чорныхъ людей къ шертѣ приводить, и у нихъ заклады понимать.

«И что будетъ ходу отъ Тобольскаго города до Тары, и что будетъ отъ Тары до Тобольскаго города, и что будетъ полемъ (степью) отъ новаго города отъ Тарскаго на Уфу — чтобъ и впредь отъ нихъ было безстрашно. А пришедъ на Таръ—рѣку присмотрѣть подъ городъ мѣсто: гдѣ пригоже быти новому городу, туто и мѣсто очистить и городъ поставить; а дѣлать городъ и лѣсъ возить всею ратью, всѣми людьми, и конными и пѣшими, а сдѣлать бы городъ во всѣхъ стѣнахъ, и въ стѣнахъ и въ городищахъ сажень около въ полтретьяста и больши—то по мѣсту смотря, да острогъ дѣлати сажень въ триста и въ четыреста и, смотря по людямъ, и до пятисотъ сажень. А въ городѣ быть самому князю Ондрею да (письменнымъ головамъ) Борису Доможирову, да Григорью Елизарову: тому и у казны, и у сбору, и у житницъ быть.

«А хлѣбъ будь въ житницахъ въ городѣ, да попамъ, да пушкарямъ, да стрѣльцамъ: у тѣхъ бы въ городѣ дворцы (дворики, избушки) были. А въ острогѣ мѣста на огороды дать и гдѣ имъ въ лѣтѣ есть варить. А опричь воеводы и головъ ести ни у кого не варить, а воеводѣ и головамъ поварни въ землѣ сдѣлать, какъ бы беретчися Кучума; а въ острогѣ казакамъ конным и Татарамъ служилымъ тобольскимъ и тутошнымъ и тюменскимъ, чтобъ быть безстрашнымъ.

«А Кучума царя оплашивать, а приказывать ему то: что государь Кучума-царя хочетъ держать подъ своею царскою рукою и сына къ нему Облагапра и людей его, впередъ пожаловавъ своимъ царскимъ жалованіемъ, отпуститъ, а нынѣ бы жилъ вверхъ новаго города, въ которыхъ городкѣхъ пригоже; а прислалъ бы Кучумъ-царь сына своего... царевича: не безчестно царю прислать къ государю сына своего и съ нимъ лучшихъ людей дву-трехъ, а государь царь и великій князь тотчасъ пришлетъ ко царю къ Кучуму сына его, царевича Облагапра, и людей его съ нимъ. А промышлять князь Ондрею, чтобъ Кучумъ-царь прислалъ къ государю изъ царевичей лучшаго, который бы... человѣчнѣе.

«А будетъ, оплоша, мочно надъ царемъ промышлять — и посылка большая съ татарскими людьми послати, чтобъ надъ Кучумомъ, и надъ его женами, и надъ дѣтьми, промыслить и извоевати накрѣпко; а береженье накрѣпко отъ Кучума-царя держати, а которыя ево волости по

Иртышу, промежъ Тобольскова и новаго города— и въ тѣ бы онъ волости Кучумъ-царь однолично не вступался, и ихъ отъ Кучума-царя беречи накрѣпко.

«А будетъ Кучумъ-царь учнетъ приходить, собрався со многими людьми, на государевыхъ воеводъ и города ставить не дастъ, и учнетъ тѣсноту чинить—и воевода князю Ондрею Васильевичу съ товарыщи отъ Кучума-царя беречись, чтобъ, пришедъ, Кучумъ-царь которыя порухи не учинилъ. А какъ городъ поукрѣпять — и князю Ондрею съ товарыщи надъ Кучумомъ-царемъ, провѣдавъ про него подлинно, промышлять, сколько Богъ помочи подастъ, большими посылками, чтобъ надъ нимъ поискъ учинить съ вогненнымъ боемъ. А будетъ надъ Кучумомъ промыслу не начаять, а люди будетъ отъ него не поѣдутъ на государево имя—и надъ Кучумомъ-царемъ посылки большой, не развѣдавъ накрѣпко, вскорѣ не посылать, и къ нему приказывать, и его оплашивать, и житье ему ослобожать въ верхнихъ городѣхъ, и промышлять надъ ногайскимъ мурзою, надъ Алеемъ, чтобъ надъ нимъ промыслить большою посылкою, а отъ Кучума-царя людей лучшихъ отговаривать, чтобъ ѣхали къ государю служить; а ссылались бы съ ними тобольскіе служилые Татарове; а которые отъ царя пріѣдутъ и тѣхъ жаловать, и сукна давать и хлѣбца. И которые князьки и Татарове государю служатъ и въ городъ къ воеводамъ приходятъ и ясаки платятъ, и про всякія вѣсти про Кучума-царя, и про его умышленье, и про Ногаи, учнутъ приходя сказывать—и тѣхъ Татаръ поить и кормить государевымъ запасомъ и береженье къ нимъ и ласку держать великую и отпускати ихъ къ себѣ (домой) не задерживая.

«А что съ котораго городка и съ волостей, и съ кого именемъ, государева ясаку возьмутъ соболей и лисицъ и шубъ собольихъ и бѣльихъ и бобровъ, и то все велѣти записывати въ книги подлинно, порознь, по статьямъ. А имати въ ясакъ на государя соболи и бобры добрые и лисицы чорныя, а худыхъ соболей и лисицъ и бобровъ въ ясакъ не имати. А что ясашные люди принесутъ сверхъ ясаку, государю челомъ ударить, или воеводамъ, что принесутъ въ поминкахъ— и то все, потому жъ, велѣти записывати въ книги подлинно, порознь, по статьямъ и держать ясачную казну за своими печатьми. А которые князьки и Остяки учнутъ ослушатись и въ государевъ городъ не учнутъ приходить—и на тѣ волости посылать посылки, а велѣти ихъ повоевать, и заклады у нихъ поимать, и ихъ поострастить и укрѣпити, чтобъ ихъ привести подъ государеву руку, и дани съ нихъ собрать.

«А которые торговые люди учнутъ пріѣзжать въ новый городъ, на Тару, изъ Бухаръ и изъ Ногай, со всякими товары и съ лошадьми и съ животиною — и у тѣхъ у торговыхъ людей велѣти служилымъ людемъ всякіе товары, и лошади, и животину, покупать и береженье къ торговымъ людемъ, къ Бухарцамъ и къ Ногаемъ, держати, чтобъ ихъ и впередъ пріучить; а какъ они осторгуются—и ихъ отпущать, не издержавъ. А которые, будетъ, торговые люди похотятъ идти мимо новый городъ въ сибирскіе городы, въ Тобольскъ или въ Тюмень, торговать всякими товары, или съ лошадьми и животиною —и ихъ пото-

му жь пропущать и береженье къ нимъ держати. А только буде Бухарцы учнутъ пріѣзжать изъ Бухаръ, о которыхъ о государевыхъ и о земскихъ о тамошнихъ дѣлѣхъ, и воеводѣ о томъ отписывати ко государю, а ихъ отпущать не задержавъ: и государь велитъ свой указъ учинить» (77).

---

(77) Миллеръ, стр. 261, 272 и 284.

Образцовая роспись ратнаго сбора казаковъ въ 1594 году.

«Съ сотникомъ стрѣлецкимъ съ Самойломъ съ Лодыженскимъ *Московскихъ Стрѣльцовъ* 100 человѣкъ.

«Съ другимъ сотникомъ, съ Заметнею Шокуровымъ 47 человѣкъ.

«И обоего съ дѣвма сотниками *Московскихъ Стрѣльцовъ* 147 человѣкъ; а хлѣбное жалованье дано стрѣльцамъ на 102-й (1594-й) годъ сполна, да имъ же дано въ дорогу по четверти сухарей человѣку, а *деньги имъ даны большое жалованье*, да въ Перми, взявъ съ Пермскія-Земли, дать имъ по четверти муки человѣку.

«А какъ придутъ въ новый городъ на Тару-рѣку и имъ дати изъ запасного хлѣба по четверти муки человѣку, да по осьминѣ круп, по полуосминѣ толокна человѣку, итого 147 четвертей муки ржаной, 73 четверти крупъ, 37 четвертей, безъ полуосмины, толокна.

«Да изъ Казани и съ Уфы послано полемъ къ Тобольскій городъ, а изъ Тобольскаго города идти имъ съ головою съ Мамлѣемъ съ Мальцовымъ *Татаръ Казанскихъ* и *Свіяжскихъ* 100 человѣкъ, *Башкировъ* 300 человѣкъ, да къ нимъ 4 человѣка дѣтей боярскихъ, ко сту по человѣку.

«Да съ сотникомъ *изъ Казани* 50 человѣкъ *стрѣльцовъ* конныхъ, да изъ Ланшева съ тѣмъ же сотникомъ 50 человѣкъ съ пищальми *полоненниковъ*, да изъ Тетюшъ съ сотникомъ съ Микитою съ Коракиным 50 человѣкъ *казаковъ* полскихъ.

«И всего изъ понизовыхъ городовъ велѣно послать съ Мамлѣемъ 554 человѣка конныхъ.

«Да изъ Тобольскаго города взято въ тотъ новый городъ, выбравъ, *Литвы* и *Черкасъ* и *Казаковъ* добрыхъ конныхъ съ вогненнымъ боемъ съ головою съ Свонтиномъ съ Руносовымъ 100 человѣкъ.

«Да *Татаръ Тобольскихъ служилыхъ* конныхъ съ атаманомъ съ Черкасомъ со Александровымъ, да съ головами съ Бансентомъ да съ Байбахтою 100 человѣкъ, а быти *Литвѣ и казакамъ* конными и *Татарамъ* съ головою съ Свонтиномъ съ Руносовымъ и съ Черкасомъ вмѣстѣ.

«И обоего изъ Тобольскаго велѣно послать конныхъ 200 человѣкъ.

«Да къ тому собрати изъ волостей (туземныхъ племенъ, не двоеданцевъ и Русскому царю и Кучуму, а уже объясаченныхъ), которые волости пошли отъ Тобольска вверхъ по Иртышу, *Татаръ ясашныхъ добрыхъ конныхъ* 200 человѣкъ, *а быти имъ съ головами съ татарскими*.

«Да *тѣхъ Татаръ* прибрать въ судѣхъ съ пищальми 150, а суды подъ нихъ готовы, а быти имъ вмѣстѣ съ *стрѣльцы московскими*.

«Да *изъ Тюмени* велѣно послать, выбравъ *Литвы* и *Черкасъ* и *Казаковъ* конныхъ 40 человѣкъ.

«Да *Татаръ* тюменскихъ, верхотурскихъ, ондрѣевскихъ (обитавшихъ у Андреевскаго-Озера) и Бѣляковцовъ (отъ рѣчки Бѣляковки, впадающей въ Пышму) и *Зырянцовъ*, у которыхъ заклады (аманаты) поиманы въ Тобольской и въ Тюмень, и аманаты отъ нихъ не почали, выбрать велѣно добрыхъ 50 человѣкъ конныхъ.

«А государева имъ жалованья послано по 2 рубли человѣку, итого 100 рублевъ.

«И обоего изъ Тюмени велѣно послать 90 человѣкъ конныхъ.

«Да изъ Таборовъ взять 30 человѣкъ Татаръ конныхъ.

«Да изъ Кошуковъ взять 20 человѣкъ конныхъ.

«И обоего съ Таборовъ и съ Кошуговъ 50 человѣкъ.

«Да Пермичъ плотниковъ взять изъ Тобольскаго 30 человѣкъ пѣшихъ, да въ новый городъ (Тару) послать Перичъ 20 человѣкъ [illegible]

Воеводы ловили кучумовскихъ Татаръ, разспрашивали ихъ и добрымъ словомъ и жестокими пытками, и наконецъ, въ 1595 году, добытые языки изъ-подъ пытки разсказали, что Кучумъ, проведавъ тоже о цзрскомъ повелѣніи поставить въ его волостяхъ городъ, послалъ туда сына своего Алея и велѣлъ ему перевесть здѣшнія племена далѣе вверхъ по Иртышу; а Алей собралъ здѣсь орду въ 150 человѣкъ и пошелъ съ ними вверхъ по Иртышу на Черный-Островъ; здѣсь они остановились, усилили свою численность еще 50-ю человѣками, поставили себѣ городокъ, и стали зимовать. Воеводы узнали также, что эти выведенные Кучумомъ Татары живутъ и около Вузюкова-Озера; что въ этомъ озерѣ Татары ловятъ рыбу на царя и посылаютъ ее къ Кучуму, что отъ Кучума къ нимъ пріѣзжаютъ люди ежедневно и что самъ Кучумъ стоитъ еще выше по Иртышу «межъ двухъ рѣчекъ, одернувся телегами, за Омь рѣкою пѣшимъ ходомъ днища съ два», и что отъ городка Чернаго-Острова до кучумова кочевья, пѣшими людьми и нескорымъ ходомъ, будетъ днищъ съ пять или съ шесть (78).

Воевода князь Елецкій послалъ подъ Черный-Городокъ сборной братьи 276 человѣкъ (изъ нихъ 100 человѣкъ были стрѣльцы, 60 человѣкъ тобольской Литвы и 40 человѣкъ тобольскихъ казаковъ). Число враговъ не превышало двухъ сотъ человѣкъ. Предводитель отряда, Борисъ Доможировъ, разбилъ Татаръ, взялъ болѣе 60 человѣкъ плѣнныхъ и сжегъ городокъ. О тѣхъ, которые бились явственно, были ранены и имали языковъ, воевода представилъ государю «послужные списки», и царь наградилъ храбрыхъ «золотыми» и деньгами.

Вскорѣ получены были новыя вѣсти, что Кучумъ зимуетъ вверхъ по Иртышу, въ двадцати днищахъ отъ Тары: князь Елецкій послалъ туда новую рать въ 483 человѣка (въ мартѣ мѣсяцѣ), подъ предводитель-

---

олать съ Перми хлѣба по три четверти муки человѣку, по осминѣ крупъ, по осминѣ толокна, да по 3 рубли денегъ человѣку.

«И всего въ новый городъ велѣно послати всякихъ служилыхъ людей..... конныхъ 1194 человѣка, а пѣшихъ 547 человѣкъ.

«И обоего 1741 человѣкъ конныхъ и пѣшихъ ратныхъ людей (подъ общимъ, на мѣстѣ, наименованіемъ казаковъ, какъ ихъ и называютъ лѣтописцы).

. . . . . .

«А хлѣба въ тотъ новый городъ взять съ Лозвы изъ устюжскаго запасу 500 четвертей муки ржаной, 100 четвертей крупъ, 100 четвертей толокна, да денегъ на запасъ послано 200 руб.

«Да на расходъ на татарской (то-есть на подарки вызжимъ Татарамъ)— два поставца настрафильныхъ, да десять половинокъ ярославскихъ.»

Князя Андрея Елецкаго на Тарѣ смѣнилъ новый воевода князь Ѳедоръ Борисовичъ Елецкій; въ Тобольскѣ былъ въ это время воеводою князь Ѳедоръ Лобановъ-Ростовскій; въ Тюмени князь Петръ Борятинскій; въ лозвинскомъ городѣ Иванъ Нагой, въ Березовѣ Никифоръ Траханіотовъ, на мѣсто котораго назначенъ Василій Волынскій.

(78) Миллеръ, стр. 289, 295 и 301. Полагаемъ, что Черный-Островъ долженъ быть гдѣ-нибудь около нынѣшнихъ селеній *Чернолуцкаго* и *Карасутскаго* (по Иртышу, между Тарой и Омскомъ, ближе къ Омску): и въ томъ и въ другомъ названіи существуетъ слово черный (кара). Вузюково озеро намъ неизвѣстно.

(79) Тамъ же, стр. 295 и 301.

ствомъ того же Доможирова. Успѣхъ дѣла былъ такъ же блистателенъ: русскіе головы сожгли городокъ Тупусъ, разбили непокорныя волости, наложили на нихъ ясакъ царю; но Кучумъ не попался казакамъ въ руки, тѣмъ болѣе, что «пришло роскалье великое, и идти на лыжахъ было не мочно». Однакожь, въ скоромъ времени на нашу сторону передались мать Махмет-Кула и приближенный къ Кучуму Чин-Мурза съ женою: они втроемъ добровольно выѣхали на Тару въ сопровожденіи 38 человѣкъ Татаръ.

Воеводы тѣснили Кучума, сколько могли: приводили въ покорность Россіи его волости, прекращали ему всѣ сообщенія съ покоренными, полонили вѣстниковъ, которые ѣхали къ нему въ гости, брали въ добычу всю кладь торговцевъ, которые отправлялись къ Кучуму, засылали къ нему своихъ кліентовъ, представляли ему безвыходность его положенія, говорили, что ужь если казакъ Ермакъ его покорилъ, такъ куда жь ему съ царскимъ войскомъ бороться, тѣмъ болѣе, что онъ самъ же отдалъ свою Сибирь? Воеводы надѣялись его царскою милостію и требовали отъ него мира и покорности.

До насъ дошла слѣдующая граммата царя Кучума, составленіе которой относятъ уже къ 1597 году. Въ ней Кучумъ все еще называетъ себя царемъ и все еще гордо старается поддержать свое дикое величіе.

«Богъ богатъ!

«Отъ вольнаго человѣка, отъ царя, боярамъ поклонъ, а слово то:

«Что̀ есте хотѣли со мною поговорити? Вамъ отъ государя своего, отъ Бѣлаго-Князя, о томъ указъ есть ли? И будетъ указъ есть—и мы поговоримъ, и его слово пріятно учинимъ.

«А мое челобитье то: прошу у великаго князя, у Бѣлаго-Царя, иртишскаго берегу, да и у васъ, у воеводъ, бью челомъ, тогожь прошу. Да т(акожь) вещей у васъ прошу, и вы изъ тѣхъ вещей хоти и одну дадите—и ваше слово будетъ истинно, а будетъ не дадите—и слово ваше ложно!

«А челобитье мое то: прошу Шаншу, а тѣ оба гости, которыхъ (вы) взяли—ѣхали ко мнѣ въ послѣхъ и ихъ вамъ Богъ судилъ! И изъ тоё посолскіе рухляди одного (вь)юка конскаго прошу: очи у меня больны и съ тѣми послы были зелья, да и роспись тѣмъ зельямъ съ ними жъ была. И язъ того прошу и только тѣ три вещи мнѣ дадите — и слово ваше будетъ истинно!

«И будетъ со мною похотите поговорити—и вы ко мнѣ пришлите толмача Богдана; а Сююндюкъ пріѣхалъ, великаго князя, Бѣлаго-Царя, очи видѣлъ: и язъ бы изъ его устъ указъ его услышалъ! И вы бъ его прислали: и будетъ тѣ дѣла правда—и вы бъ прислали Бахтыураза, который нынѣ пріѣхалъ.

«А отъ Ермакова приходу и по-ся-мѣста пытался есми встрѣчно стояти! А Сибирь не язъ отдалъ: сами есте взяли!

«И нынѣ попытаемъ мириться—любо будетъ на концѣ лучше!

«А съ Ногаи есмя—въ соединеньи и только съ обѣихъ сторонъ станемъ: и княжая казна шатнется!

«И язъ хочу правдою помиряться, а для миру на всякое дѣло снисходительство учиню!» (80)

Въ этой смѣси моленій и угрозъ ясно высказываетъ Кучумъ и свою горькую жизнь и свои грубыя, но пылкія чувства; онъ благоговѣлъ предъ волею русскаго царя и жаждалъ слышать его повелѣнія.

Русскій царь снисшелъ на его желанія, услышавъ присланнаго имъ вѣстника и, упоминая о всегдашнихъ даняхъ сибирскихъ властителей московскимъ государямъ, такъ, или почти-такъ отвѣчалъ, въ 1597 году, непокорному Кучуму (81) въ длинной, чувствительной и трогательной грамматѣ, имѣвшей цѣлію доказать сибирскому царю всю его виновность и дерзость непослушанія.

«Послушай! не-уже-ли ты думаешь, что ты мнѣ страшенъ, что я не покорю тебя, что рати у меня не хватитъ? Нѣтъ, много у меня воинской силы! Мнѣ жаль тебя: тебя щадя, не шлю я большей рати, я жду пока ты самъ явишься въ Москву, предъ мои свѣтлы очи. Ты знаешь самъ, что надъ тобою сталось, и сколько лѣтъ ты казакомъ кочуешь въ полѣ, въ трудахъ и нищетѣ?.. а медлишь покориться! ты вспомни про Казань, про Астраханъ: онѣ сильнѣй Сибири были, а покорились русскому царю. Ты ждешь чего? Друзья тебя оставили; два сына въ полону; Сибирь взята; ты изгнанъ; всюду на твоей землѣ другіе города построены; Сибирь вся подъ моей державой; я царь Сибири — а ты...? Ты сталъ казакъ, изгнанникъ, одинокій, оставленъ всѣми: жизнь твоя виситъ на волоскѣ! Одно лишь слово изреку я воеводамъ—и ты погибъ! Но знай, что Русскій царь — царь милосердый. Обычай нашъ—гнѣвъ претворять на милость, казнь жизнью замѣнять, за зло платить добромъ. Я все готовъ забыть, всѣ твои вины, всѣ неправды, готовъ на милости, готовъ излить щедроты давнишнему врагу, рабу-ослушнику; но покорись, не вынуждай меня на гнѣвныя велѣнья. Явясь въ Москву: захочешь мнѣ служить и жить вмѣстѣ съ дѣтьми — останься, мнѣ будетъ пріятно — я награжу тебя и одѣлю богатствомъ, дамъ тебѣ деревни, села, города, всего приличнo съ твоимъ саномъ. А не захочешь ты при мнѣ служить, задумаешь въ Сибирь, опять на старо мѣсто — пожалуй, съ Богомъ! Я готовъ хоть и въ Сибирь тебя отправить, готовъ пожаловать тебѣ твой прежній юртъ, сдѣлаю тебя царемъ и честь тебѣ воздамъ какъ слѣдуетъ царю Сибири... но прежде покорись и пріѣзжай въ Москву!»

---

(80) Собраніе Госуд. Грамматъ и Договоровъ, т. II, № 66.

(81) Вотъ слова подлинной грамматы, изъ которой мы, для краткости исключили полный титулъ въ началѣ и потомъ слишкомъ-часто встрѣчающіеся слова «Великій государь царь и великій князь Ѳеодоръ Ивановичъ всея Русіи самодержецъ»; кромѣ того не помѣстили родословной царей сибирскихъ, данниковъ Москвы древнихъ временъ, до Етигера.

«Бога единаго, безначальнаго и безконечнаго, и невидимаго, страшнаго и неприступнаго, превыше небесъ пребывающаго, владующаго силами небесными, и единымъ безсмертнымъ словомъ премудрости своея видимая и невидимая вся сотворшаго и самодерж(ащаго), божественнымъ духомъ вся оживляющаго, (не) ремавнымъ (о)комъ землю призирающаго и всяческая на ней устрояющаго, и утѣшенія

Кромѣ этого, русскій государь дозволилъ и Абдул-Хаиру написать письмо къ несчастному отцу. Абдул-Хаиръ писалъ къ Кучуму тоже о милостяхъ къ себѣ и къ брату своему Махмет-Кулу—писалъ, какъ ихъ

благая всѣмъ человѣкомъ подающаго, его же въ трехъ ипостасѣхъ трепещутъ и боятся небесная, земная и преисподняя, того единаго Бога нашего... и... славимаго и покланяемаго (слѣдуетъ весь титулъ царя), нашего царскаго величества милостивое слово, съ великимъ жалованьемъ повелѣнье Кучюму-царю.

«Изъ давнихъ лѣтъ сибирское государство была вотчина прародителей нашихъ, блаженныя памяти великихъ государей русскихъ царей и съ сибирскія земли всякую дань давали нашимъ прародителемъ-царемъ... (исчисляются сибирскіе князья данники).

«А какъ ты, Кучюмъ-царь, учинился въ сибирской землѣ паремъ и ты отцу нашему, блаженныя памяти великому государю царю Ивану Васильевичу, послушенъ былъ и дань съ сибирскія земли присылалъ, а отецъ нашъ, блаженныя памяти, тебя въ своемъ царскомъ жалованьѣ держалъ, подъ своею царскою высокою рукою.

«А послѣ того ты, Кучюмъ-царь, отъ отца нашего, блаженныя памяти царя Ивана Васильевича и отъ его царскаго жалованья отсталъ и, отъ такова великаго государя, отъ его царскія милости отстанъ, непослушникомъ учинился еси: и дани давать не началъ еси, и сына боярскаго, Третьяка Чабукова, который былъ посланъ для дани, убилъ еси, и на наши украинные мѣста, въ пермскую землю, войною многижда приходилъ еси!

«И за такія твои грубости и неправды что надъ тобой сталось — то самъ вѣдаешь!

«А какъ по нашего царскаго величества повелѣнью наши люди, пришедъ въ Сибирь, тебя съ царства согнали и сибирскую землю взяли, — а ты пошелъ въ казакѣхъ кочевати и во многія времена, будучи еси на полѣ, нашему царскому величеству грубости и непослушанія чинилъ еси: мимо наше царское жалованье самъ ты, Кучюмъ царь, на сибирскіе волости приходилъ еси.

«А съ тобою былъ еси племянникъ твой Махмет-Кулъ царевичъ, да сынъ твой Абдюлъ-Хаиръ царевичъ и оба тѣ царевичи нашимъ людемъ въ руки попались и къ нашему царскому величеству въ полоненникѣхъ приведены, а люди твои многіе побиты. И за твои грубости и неправды и за непослушанье племянникъ твой Махметъ Кулъ царевичъ и сынъ твой Абдюль-Хаиръ царевичъ достойны были смертныя казни — да мы, великій государь, милостивый, пстивый великій царь, крестьянскій государь, не смотря на твои грубости и неправды — племяннику твоему Махметъ-Кулу царевичу и сыну твоему Абдюлъ-Хаиру царевичу казнь имъ смертную отдали и пожаловали ихъ въ нашемъ государствѣ — устроити велѣли своимъ царскимъ жалованьемъ, городы и волостьми и деньгами устроити по ихъ достоинству.

«А нынѣ съ Божіею помочью, нашего царскаго величества по повелѣнью, въ нашей отчинѣ, въ сибирской землѣ — городы поставлены, и въ тѣхъ городѣхъ осадные люди съ огненнымъ боемъ устроены.

«А большіе своей рати въ сибирскую землю на тебя, на Кучюма царя, послати есмя не велѣли для того, что ожидали есмя отъ тебя, отъ Кучюма царя, обращенья, чаяли того, что ты, узнавъ свои вины и неправды — нашему царскому величеству добьешь челомъ и нашего царскаго величества жалованье на себѣ видѣти похочешь.

«А только бъ по нашего царскаго величества повелѣнью наша большая рать послана была въ Сибирь — и тебя бы нашли! гдѣ бы ты ни былъ! и неправды бы твои надъ тобою отомстили.

«Да и потому есмя на тебя нашей рати не велѣли посылати, что прежъ сего — тому четвертый годъ, присылалъ еси къ нашему царскому величеству человѣка своего Мегметя съ граммотою, а въ граммотѣ своей писалъ еси намъ съ... прошеньемъ, чтобъ намъ тебя пожаловать, юртъ твой тебѣ отдати и племянника твоего отпустити къ тебѣ, а ты въ нашемъ царскомъ жалованьѣ будешь подъ нашею царскою высокою рукою.

«И мы, великій государь, хотѣли тебя пожаловати—устроити на сибирской земли

обонхъ царь одѣлилъ и землями, и волостями, писалъ, что царю русскому служатъ многіе цари и царевичи, проспилъ Кучума пріѣхать въ Москву и извѣщалъ, что ему наивѣрное извѣстно желаніе царя наградить

царемъ, какъ было тебѣ быти въ нашемъ царскомъ жалованьи впередъ крѣпку и неподвижну. А племянникъ твой, Махметъ-Кулъ царевичъ, нынѣ устроенъ въ нашемъ государствѣ и пожалованъ городы и волостьми по его достоинству и служитъ нашему царскому величеству.

«И послѣ того пріѣхалъ къ нашему царскому величеству въ службу, изъ твоего, улусу, Чин-Мурза, Иль-мурзинъ сынъ, Исуповъ съ своимъ улусомъ, и наше царское величество Чин-Мурзу пожаловали городы и волостьми и деньгами — и нынѣ нашъ, великому государю, служитъ.

«А... кове мѣрѣ казакомъ кочуешь на полѣ, не со многими своими людьми — то нашему царскому величеству вѣдомо. А которые ногайскіе люди, тайбугинъ юртъ которые кочевали вмѣстѣ съ тобою — отъ тебя отстали, на которыхъ людей была тебѣ большая надежда! А Чин-Мурза отъѣхалъ къ нашему царскому величеству и нынѣ, по нашему царскому жалованью — намъ служитъ. А достальные твои люди — отъ тебя пошли прочь съ царевичи съ Канаемъ да съ Ыделишемъ; а иные пошли въ Бухары и въ Ногаи, въ казацкую орду, а съ тобою нынѣ люди не многіе — то нашему царскому величеству подлинно вѣдомо.

«А хотя бъ съ тобою были и многіе люди — и тебѣ, по своей неправдѣ, противъ нашіе рати какъ стоять?

«Вѣдаешь и самъ, какія были мусульманскія великія государства — Казань да Астрохань — и тѣ государства, съ Божіею помощію, отецъ нашъ, блаженныя памяти царь Иванъ Васильевичъ, пришедъ своею царскою персоною — такія государства поймалъ — и нынѣ наше царское величество тѣ государства, съ Божіею помощію, держитъ.

«А тебѣ — будучи на полѣ и живучи казакомъ — отъ нашіе царскіе рати и отъ огненного бою .. избыти, и нынѣ за твои прежніе грубости и неправды пригоже было намъ на тебя послати (своя большая) рать съ огненнымъ боемъ и тебя со всѣмъ покорити:

«Да мы, царь всеа Русіи — истинный хрестьянскій, милостивый государь, по своему милосердому царскому обычаю, смертнымъ — животъ даемъ и винымъ — милость кажемъ!

«И на такіе твои прежніе грубости, и неправды, и непослушанье не смотря, видяче тебя въ такой нынѣ незгодѣ — наше царское, жалованьное слово тебѣ объявляемъ, чтобъ ты, Кучумъ царь, ѣхалъ къ нашему царскому величеству, буде похочешь нашему царскому величеству служити — безо всякаго сумнѣнія и съ своими дѣтьми, которые нынѣ съ тобою походятъ ѣхати и наши царскія пресвѣтлыя очи видѣть.

«А какъ у нашего царскаго величества будешь и наши царскія очи увидишь — и мы тебя пожалуемъ своимъ царскимъ великимъ жалованьемъ. И похочешь, будетъ, быти здѣся, въ нашемъ государствѣ московскомъ, при нашихъ царскихъ очѣхъ, и близко нашей царской милости — и мы тебя пожалуемъ своимъ царскимъ жалованьемъ, устроити велимъ городы и волостьми и денежнымъ жалованьемъ, по твоему достоинству, также какъ и иныхъ царей и царевичей жалуемъ, которые служатъ нашему царскому величеству.

«А будетъ, бывъ у насъ и наши царскіе очи увидѣвъ, похочешь быти на прежнемъ своемъ юртѣ, въ Сибири — и мы, великій государь, тебя, Кучума царя, пожалуемъ на сибирской земли царемъ и въ нашемъ царскомъ жалованьи учнемъ тебя держати милостивно.

«Писано въ лѣто 7105 (1597).» (Собраніе Госуд. Грамматъ и Договоровъ, т. II, № 68.)

дить и пожаловать бѣднаго изгнанника, сообразно съ его прежнимъ величіемъ (82).

Кучумъ не послушалъ милосердаго призыва.

Участь его была рѣшена.

Донесенія тарскаго воеводы Воейкова къ царю открываютъ намъ слѣдующія подробности о послѣднихъ дняхъ и послѣднихъ бѣдствіяхъ.

---

(82) «*Цареву величеству* холопъ вашъ, Аблюль-Хаирь царевичъ множествомъ много челомъ бьетъ.

«Прежь сего присылали есте къ великому государю царю и великому князю Ѳедору Ивановичу всеа Русіи самодержцу, къ его царскому величеству, человѣка своего Мегметя съ грамматою, и въ грамматѣ своей царскому величеству писали есте, чтобъ великій государь царь и великій князь Ѳедоръ Ивановичъ всеа Русіи самодерженъ тебя пожаловали юрты... отдати велѣли и брата нашего Мегметъ-Кула... къ тебѣ отпустить велѣлъ. А язъ въ тѣпоры былъ у царскаго величества въ опалѣ. И били есмя челомъ великому государю царю и великому князю Ѳедору Ивановичу всеа Русіи самодержцу, чтобъ великій государь меня пожаловалъ, поволилъ мнѣ написати тебѣ граммату, а ты воны своя покроешь, учинишься подъ его царскою рукою и сына своего царевича къ его царскому величеству пришлешь. И великій государь царь и великій князь Ѳедоръ Ивановичъ всеа Русіи самодерженъ, не памятуя предъ своимъ царскимъ величествомъ винъ нашихъ, поволилъ мнѣ отъ себя написати къ тебѣ граммату, а ты по той м(оей) грамматѣ ничего не учинилъ — къ великому государю царю и великому князю Ѳедору Ивановичу, всеа Русіи самодержцу, къ его царскому величеству... ни самъ не пріѣхалъ, ни царевича не прислалъ.

«И нынѣ великій государь царь и великій князь Ѳедоръ Ивановичъ, всеа Русіи самодерженъ, милостивый, истинный великій царь, крестьянскій государь, не смотря на наши грубости и неправды, меня пожаловалъ, казнь смертную отдалъ и пожаловалъ меня (городы) и волостьми съ братомъ съ моимъ, съ Магметъ-Куломъ царевичемъ вмѣстѣ.

«А про *ваше царево величество* слухъ доходитъ, что пребыванье твое — нужно, и скудость великая, и братья наши, царевичи Канай да Иделинъ со многими людьми, пошли отъ тебя прочь, а съ *вашимъ царевымъ величествомъ* немногіе люди остались.

«И мы съ братомъ своимъ съ Магметъ-Куломъ царевичемъ били челомъ великому государю царю и великому князю Ѳедору Ивановичу всеа Русіи самодержцу, его царскому величеству, чтобъ насъ царское величество пожаловалъ, поволилъ намъ написати къ тебѣ граммату, а ваше, чаемъ, *царево величество* нынѣ похочетъ быть подъ великаго государя его царскаго величества рукою.

«И великій государь и великій князь Ѳедоръ Ивановичъ всеа Русіи самодерженъ... поволилъ, а приказалъ намъ написати къ вамъ граммату и вы бъ, *царево величество*... къ великому государю и великому князю Ѳедору Ивановичу всеа Русіи самодержцу... (пріѣхали на Москву?).

«А то намъ, царскаго величества, отъ печатнаго и посольскаго дьяка Василья Яковлича (Щел)калова вѣдомо есть: будетъ похочешь быти при царскомъ величествѣ, при его пресвѣтлыхъ очехъ и великій государь царь и великій князь Ѳедоръ Ивановичъ всеа Русіи самодерженъ тебя пожалуетъ своимъ царскимъ жалованьемъ, городы и волостьми и денежнымъ жалованьемъ, по твоему достоинству. А у великаго государя царя и великаго князя Ѳедора Ивановича всеа Русіи самодержца, у его царскаго величества служатъ многіе цари и царевичи и в(ое)водичи волоскіе и мутьянскіе и изо многихъ государствъ государскіе дѣти — и тѣ всѣ в(ъ великомъ) жалованьѣ живутъ безъ оскудѣнія.

«А буд(етъ, будучи) у царскаго величества, похочешь бы(ти на своемъ) юртѣ, въ Сибири и царское величество (тебя) своимъ жалованьемъ пожалуетъ—(въ сиб)ирской землѣ царемъ велитъ быти.» (Тамъ же, № 67.)

перваго и послѣдняго сибирскаго властителя, чествуемаго отъ нашего двора титуломъ царя.

Воевода Воейковъ отправился изъ Тары въ походъ на Кучума 4 августа 1598 года. Изъ Тары онъ вывелъ отрядъ, который составляли три сына боярскіе, два атамана, сто человѣкъ Литвы и казаковъ, 30 человѣкъ служилыхъ юртовскихъ Татаръ и 60 человѣкъ ясачныхъ, волостныхъ Татаръ; съ этимъ отрядомъ соединились отряды изъ другихъ городовъ, такъ-что всю численную силу рати Воейкова составляли три сына боярскіе, татарскій голова Черкасъ Александровъ, три атамана и четыреста, безъ трехъ, Литвы, казаковъ и Татаръ.

10 августа, въ предѣлахъ нынѣшней Барабинской-Степи, Воейковъ послалъ татарскаго голову Черкаса Александрова съ однимъ боярскимъ сыномъ, въ турашскую волость добывать языковъ. Голова досталъ языковъ.

Языки сказали, что Кучумъ велѣлъ имъ жить на Убѣ, а самъ онъ кочуетъ на Черныхъ-Водахъ; людей у него 500 человѣкъ, да торговыхъ Бухарцевъ пятьдесятъ.

15 августа воевода Воейковъ пришелъ на Убъ-Озеро (Убинское, на сѣверо-востокъ отъ озёръ Сартлана и Чановъ), захватилъ тамъ всѣхъ лучшихъ людей, сталъ ихъ выпытывать про Кучума и узналъ, что Кучумъ съ Черныхъ-Водъ ушелъ на рѣку Обь, гдѣ у него хлѣбъ сѣянъ.

На другой день, казаки привели къ Воейкову, со степи, изъ барабинской волости, новыхъ языковъ. Они подтвердили тѣ извѣстія, которыя собраны были наканунѣ, но къ этому прибавили, что Кучумъ сбирается войною на Тару, что онъ скоро хочетъ на нее идти, и что, кромѣ наличной орды въ 500 человѣкъ, у него есть еще много приверженцевъ по окрестностямъ.

Воейковъ отдѣлилъ отъ своего отряда небольшую команду и послалъ ее на этихъ приверженцевъ, по указаніямъ языковъ, а самъ двинулся впередъ на Кучума.

Пунктъ пребыванія Кучума былъ, по донесенію Воейкова, на Оби, и именно въ трехъ днищахъ выше Чать (Чанъ), на лугу, на Ормени, отъ Колмаковъ въ двухъ днищахъ (83).

Съ самаго начала похода, Воейковъ шелъ «наспѣхъ, день и ночь».

---

(83) Мы полагаемъ, что «Черныя-Воды» переводъ слова Кара-су. Южнѣе Чановъ есть и озера *кара-суцкія* и рѣка *Кара-сукъ*. Вершины Карасука сближаются съ крутымъ изворотомъ рѣки Оби между городомъ Колыванью и селеніемъ Крутихою (на пол-пути водой отъ Колывани до Барнаула), въ предѣлахъ нынѣшней Томской-Губерніи и именно въ Колыванской-Области. Затрудненіе въ томъ еще: какъ понимать выраженіе: *выше Чать*? Были ли сами Чаты на Оби, или это просто значитъ — къ югу отъ Чатъ, то-есть, именно отъ озера Чаны? вотъ вопросы, которые положительно еще не разрѣшены. Если воеводы наши знали про Убинское-Озеро — то имъ нельзя было не знать и про Чаны, а между-тѣмъ этого названія мы рѣшительно нигдѣ не встрѣчали. Принявъ, что Чаты то же, что и Чаны — мы поймемъ и выраженіе князца томской волости, Еуштинскаго — Томи, что отъ мѣстъ его кочевья, то-есть, отъ рѣки Томи, до Чатъ — ходу 10 дней. (См. прим. 88.)

Весь походъ былъ совершенъ въ 16 дней, и 20 августа, на зарѣ, воевода явился въ становище Кучума.

Русскій отрядъ дѣйствовалъ стрѣлами и пищалями; у Татаръ «огненнаго боя», вѣроятно, не было; но какова была битва, каково было ожесточеніе Татаръ, если этотъ, по-видимому, неравный бой, при единодушіи и энергіи кучумовыхъ Татаръ и при разноплеменности нашего отряда, продолжался отъ солнечнаго восхода до полудня!

Вотъ краснорѣчивый результатъ этого отчаяннаго боя, въ которомъ наши казаки «дрались явственно».

Убиты:

Илитенъ, братъ Кучума;
Канай, сынъ Кучума;
двое дѣтей спасшагося бѣгствомъ царевича Алея;
шесть князей;
десять мурзъ;
пять аталыковъ;
150 человѣкъ ратныхъ.

Этого мало: 100 человѣкъ Татаръ ударились въ бѣгство и бросились въ Обь, въ надеждѣ переплыть ее; пощады имъ не было и тутъ: воевода велѣлъ стрѣлять по нимъ изъ пищалей и изъ луковъ, и всѣ они погибли.

50 человѣкъ Татаръ взяты въ плѣнъ; Воейковъ доносилъ царю, что онъ ихъ велѣлъ — кого приколоть, кого перевѣшать: таково было ожесточеніе, еще болѣе возбужденное кровопролитною битвою.

Спаслось всего человѣкъ «съ пятьюдесятъ», но и ихъ вскорѣ нагнали и всѣхъ взяли.

Захвачены въ плѣнъ, сохранены и отправлены въ Москву:

Сыновья Кучума, *царевичи сибирскіе:* 1) Асманакъ, 30 лѣтъ; 2) Шаимъ, 20 лѣтъ; 3) Бибалша, 8 лѣтъ; 4) Молла, 4 лѣтъ и 5) Кумышъ, одного года.

Жены Кучума, *царицы сибирскія:* 1) Большая, Салтанымъ съ дочерью, царевною Тулубекъ, 3-хъ лѣтъ; 2) Сюйдежанъ съ дочерьми, царевнами: Дерпадшей, 10 лѣтъ, Мондуръ 6 лѣтъ и Карачанъ 3 лѣтъ; 3) Яндевлетъ, 4) Актолунъ съ 14-ти лѣтнею дочерью, царевною Гульсыфатъ; 5) Аксюйрюкъ, съ трехъ-лѣтнею дочерью, царевною Акханымъ; 6) Шевлели съ дочерью, царевною Алеп-Салтанъ, 11 лѣтъ; 7) Кубулъ-царица и 8) царица Чепшанъ, мать Абдул-Хаира.

Кромѣ поименованныхъ семи царевенъ, была еще царевна, 14-тилѣтняя дочь Кучума, Кумызъ.

Вмѣстѣ съ ними попали въ плѣнъ:

Жена старшаго кучумова сына, Алея, дочь ногайскаго князя Тин-Ахмета, Хаизада съ сыномъ Янсюеромъ, 4 лѣтъ.

Жена другаго кучумова сына Каная, дочь ногайскаго князя Уруса, Данай, съ дочерью Наврузбекъ.

Кучумова зятя, ногайскаго мурзы, измаилова внука, Бети-мурзы, убитаго въ битвѣ на Оби, сынъ Зіен-Махметъ съ сестрою Далтотай.

Сибирскіе мурзы Бейтерекъ Чеплемишевъ съ женою, Тота Козядковъ,

Исенгильдей Тойлаковъ, Короявда Карамышевъ и нѣсколько мужской и женской прислуги.

Плѣнникамъ царь велѣлъ объявить, что «царева кучумова передъ «государемъ была неправда многая — и за то надъ нимъ такъ Богъ и «учинилъ; но чтобъ они не сумнялися: русскій царь милостивъ, онъ «казнить ихъ не велитъ, а велитъ, по своему милосердому обычаю, «устроить, какъ бы имъ быти безъ нужи».

Но не смотря на строгіе указы, чтобъ приставленные къ высокимъ плѣнникамъ люди, имѣли къ нимъ береженье, охраняли ихъ отъ нуждъ, обидъ и безчестья, хорошенько ихъ кормили и поили виномъ и медомъ (что разрѣшено было забирать и въ монастыряхъ, еслибъ случилось, что кабаковъ на дорогѣ по близости не было) — все безъ маленькихъ непріятностей дѣло необходилось: то никто не хотѣлъ давать имъ корму безъ особаго царскаго указа, то продавцы заламывали страшныя деньги противъ указной оцѣнки, то денегъ не хватало, то нигдѣ не могли сыскать патоки, вина и меду, до которыхъ «ихъ царёвы величества» были, кажется, очень-лакомы.

Были и другія не столь мелкія горести. Такъ однажды царевичъ Асманакъ «изнемогъ съ кручины», что его разобидѣлъ конный казакъ Пятунька Петровъ. Въ то самое время, когда у царственнаго семейства вышелъ послѣдній запасъ хмѣльнаго а ему очень-хотѣлось потѣшиться русскими шипучими медами, «Пятуня пришелъ къ царевичамъ пьянъ, ночью, бранился и лаялся»... весьма неблагопристойно. Вообще, прибавляютъ царскіе приставы, казаки ведутъ себя изъ-рукъ-вонъ-дурно: «и Татарамъ чинятъ тѣсноту великую, да и насъ-то, холопей твоихъ государевыхъ, вовсе не слушаютъ (говорятъ: мы-де «вамъ не приказаны! таковы жь-де и мы, что и вы!), ходятъ всегды «пьяни (берутъ не вѣдомо откуды), воруютъ, и къ царевичамъ и къ «царицамъ ходятъ безчинно».

Годуновъ смиловался надъ несчастными, хотя и дикими, но все же царственными плѣнниками, настрого заказалъ дѣлать имъ малѣйшія непріятности, безпрестанно посылалъ имъ вина и медовъ и тѣшилъ ихъ, отъ царскихъ щедротъ своихъ, яблоками, изюмомъ, винными ягодами, шафраномъ, толченымъ перцомъ и разными другими лакомствами; наконецъ съ избыткомъ одарилъ ихъ платьями цвѣтными, шубами дорогими, шелковыми матеріями и бархатами, отвелъ всѣмъ имъ въ Москвѣ удобныя квартиры и далъ приличное, сообразное съ тогдашними временемъ и обстоятельствами, безбѣдное содержаніе.

Но Кучумъ опять не дался намъ въ руки!

Во время послѣдняго разгрома, онъ, самъ-третей, уплылъ въ лодкѣ, *внизъ* по Оби.

Воейковъ пустился-было со всею ратью за нимъ въ погоню, переѣхалъ на плоту рѣку Обь, полагая, что Кучумъ тутъ гдѣ-нибудь скрывается въ лѣсу, бросился въ разсыпную, искалъ его вездѣ—но Кучумъ скрылся.

Онъ былъ еще живъ, хотя сначала и ходили слухи, будто-бы онъ утонулъ въ Оби.

Вскорѣ послѣ того, Воейковъ послалъ кучумова сеита, Тул-Махмета, отъискать Кучума и сказать ему, чтобъ онъ сдался, чтобъ онъ поѣхалъ къ царю, служилъ ему вѣрою и правдою, что поцарился новый царь, государь милостивый, Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ, что онъ Кучума-царя помилуетъ, пожалуетъ его своимъ царскимъ жалованьемъ, отластъ ему и дѣтей и женъ...

— Не поѣхалъ я самъ къ государю, по государевой граммать, по государеву зову, пока еще я былъ человѣкомъ, такъ ужь теперь мнѣ идти на вѣрную смерть что́ за неволя? Я ужь и то и старъ, и глухъ, и слѣпъ, и совсѣмъ пропалъ! Отняли вы у меня, старика, и послѣднюю подпору, сына моего-кормильца Асманака царевича. Лучше бъ вы у меня всѣхъ моихъ дѣтей поотняли, да Асманака мнѣ одного оставили. Ну, что́ я безъ него теперь?... Пойду къ Ногаямъ, а сынъ пускай идетъ въ Бухары... (84).

Вотъ каковъ былъ отвѣтъ Кучума Воейкову черезъ Тул-Махмета: семьнадцать лѣтъ потерь, неудачъ, лишеній, горя — не переломили желѣзной воли этого человѣка!

Тул-Махметъ возвратился 5 октября 1598 года и разсказывалъ воеводъ, что онъ нашелъ Кучума за Обью (значитъ, по правому берегу, гдѣ-нибудь между Чумышемъ и Берью, въ предѣлахъ нынѣшней Томской-Губерніи), въ лѣсу, внизъ по Оби, въ двухъ днищахъ отъ побоища; съ нимъ было три сына, да человѣкъ тридцать Татаръ.

Кучумъ водилъ сеита къ побоищу — хоронить тѣла вѣрныхъ друзей своихъ.

Онъ собрался въ Ногаи, но... время холодное, далеко...

Кто-то, добрый человѣкъ, сжалился надъ сибирскимъ царемъ, далъ ему коня и шубу.

«Царь Кучумъ бѣжа въ Ногаи — и тамо убіенъ бысть отъ Ногаи, еже бо ему рекоша: яко ты здѣ пребываеши, да и намъ тако же сотворятъ, яко же и тебѣ!

«И ту скончa животъ свой!» (85).

---

(84) Акты Ист. Археогр. Комм., т. II, №№ 1, 2, 4, 7, 11 — 13, 15 — 17, 19 и 21 — 23. — Подлинныя рѣчи Кучума Тул-Махметъ передалъ Воейкову такъ:

«Не поѣхалъ-деи я къ государю по государевѣ граммать своею волею, въ которыя деи пору я былъ совсѣмъ цѣлъ, а *за саблею* деи мнѣ къ государю ѣхать по почто! А нынѣча-деи я сталъ глухъ, и слѣпъ и безо всего живота. Взяли-деи у меня промышленика, сына моего Асманака царевича: хотя бы-деи у меня всѣхъ дѣтей поимали, а одинъ бы-деи у меня остался Асманакъ — и азъ бы-деи объ немъ еще прожилъ. А нынѣча-деи я иду въ Ногаи, а сына-деи я своего посылаю въ Бухары.»... «Кучумъ побѣжалъ вверхъ по Оби... а сеита отпустилъ».

Выраженіе «ѣхать за саблею» — здѣсь значитъ «идти на вѣрную смерть».

Мухаммеданскія и вообще инородческія племена Сибири, при произнесеніи присяги на подданство московскому государю, исполняли нѣсколько обрядовъ, къ числу которыхъ было и *лизаніе кровавой сабли*; въ словахъ клятвы въ вѣрности — было заклятіе *ссыки мою голову та вострая сабля;* саблю эту держали въ то время надъ головой присягающаго или рубили ею собакъ. (См. Собраніе Госуд. Грамматъ и Договоровъ, т. II, № 145 и т. IV, № 197.)

(85) Считаемъ неизлишнимъ приложить здѣсь одну граммату, интересную какъ по внутреннему своему содержанію, такъ и по извѣстію, что казаки убили Кучума.

ГЛАВА X-Я И ПОСЛѢДНЯЯ.

Заключеніе.

Нѣсколько мыслей о личности Ермака.

«. . . . . .
«Вы изъ чего такъ хлопочете? Вамъ-то какое тутъ дѣло?
«Вотъ, вѣдь охота жъ пришла человѣку пускаться на споры...
«Есть изъ чего хлопотать!.. да впрочемъ, кто жъ вамъ повѣритъ?
«Дѣло другое — скажи это тотъ, кто поголосистѣй —
«Академикъ, французъ, или великумудрый нѣмецъ —
«Ну, тогда апелляціи нѣтъ: развѣнчана слава!
«Дѣло съ концомъ!.. а то, прости Господи. . . . . .»

Ю. Вѣлкинъ.

Итакъ мы кончили свои нехитрые и далеко неполные разсказы о Ермакѣ и о Кучумѣ; передали, безъ увлеченія, въ пользу своихъ или въ пользу чужихъ, простыя сказанія лѣтописцевъ; показали, какъ

Вѣроятно, слово *убили* здѣсь равносильно слову *разбили*, но не болѣе. Грамоту эту мы беремъ изъ Миллера (стр. 306 и 307):

«Отъ царя и великаго князя Михайлы Ѳедоровича всея Русіи въ Сибирь, въ тюменской городъ, воеводамъ нашимъ, князю Михайлу Борисовичу Долгорукову, да Юрью Аѳонногеновичу Резникову.

«Билъ намъ челомъ тюменскаго города конный казакъ Гаврилко Ивановъ; а сказалъ:

«Служилъ-де онъ блаженныя памяти *государю царю* и *великому князю* Ивану Васильевичу всея Русіи, *государю царю* и *великому князю* Ѳедору Ивановичу всея Русіи, и *царю* Борису Ѳедоровичу всея Русіи, и *царю* Василью Ивановичу всея Русіи и намъ великому государю — въ *Сибири годовъ два года*, а прежде того онъ служилъ намъ на полѣ двенадцать лѣтъ *у Ермака въ станицѣ* и съ иными атаманы.

«И какъ съ Ермакомъ Сибирь взяли и Кучума царя съ *курени сбили*, а царство сибирское намъ взяли, и мурзъ и Татаръ разорили и онъ-де былъ посланъ съ Ондреемъ съ Воейковымъ на нашу службу на тово же Кучума царя и Божіею-де милостію и нашимъ счастіемъ тово царя Кучума на Обѣ рѣкѣ погромили, и его *убили* и жены его и дѣти взяли.

«Да его же-де посылали *на Алея царя* боярина нашъ и воевода Матвѣй Михайловичъ Годуновъ съ воеводою съ Назарьемъ Изъѣдиновымъ и того-де *Алея царя* взяли и женъ и дѣтей поимали.

«Да онъ же-де въ Сибири ставилъ Томской городокъ при воеводѣ Гаврилѣ Писемскомъ; да онъ же-де ставилъ городъ Тюмень при воеводѣ Василѣ Сукинѣ; да онъ же-де посланъ былъ въ Кузнецы для нашего ясаку и первый-де ясакъ взяли; да онъ же-де Тобольскій городокъ ставилъ при воеводѣ Данилѣ Чулковѣ; да онъ же-де Тарской городокъ ставилъ при воеводѣ при князѣ Андреѣ Елецкомъ; да онъ же-де ставилъ Нелымской городъ при воеводѣ при князѣ Петрѣ Горчаковѣ; да его же-де посылали на нашу службу боярина нашъ и воевода Матвѣй Михайловичъ Годуновъ головствомъ на калмыцкихъ людей, и они-де калмыцкихъ людей погромили и женъ и дѣтей въ полонъ взяли.

«А нынѣ-де въ Тюмени у нихъ у конныхъ казаковъ — *атамана* нѣтъ и намъ бы его пожаловати, велѣти ему быти въ Тюменскомъ городѣ у конныхъ казаковъ въ атаманѣхъ на Степаново мѣсто—Онтропьева, а Степанъ-де нынѣ служитъ на Тюмени *въ детяхъ боярскихъ*.

«И какъ къ намъ ся наша граммата придетъ, а то, будетъ. Степана Онтропьева мѣсто порожно—атамана на его мѣсто у конныхъ казаковъ нѣтъ—и вы бъ Гаврилку Иванова, за тѣ его многія службы, велѣли въ Тюменскомъ городѣ быти у тюменскихъ, у конныхъ, казаковъ въ атаманѣхъ.

«Писанъ въ Москвѣ лѣта 7131 (1623) году февраля въ 23 день.»

Ермакъ, «сей витязь счастливый», пришелъ въ Сибирь, какъ онъ согналъ съ мѣста (съ аурепи сбилъ) сибирскаго царя, какъ Кучуму пришлось перенести свое кочевье вверхъ по Иртышу, какъ, наконецъ, Русскіе его настигли и уничтожили... все, кажется, шло просто, какъ нельзя-быть проще, безъ чудесъ, естественно, своимъ порядкомъ, и кажется такъ, что этому дѣлу случиться иначе и невозможно было.

Но отъ-чего жь до Ермака этого не случилось?

Отъ-чего жь послѣ Ермака не повторилось чего-нибудь подобнаго, въ томъ же размѣрѣ?

Не-уже-ли одному Ермаку на роду написано было такое счастье?

Слѣпое счастье! Надобно же было простому казаку, волжскому казаку, забрать въ голову счастливую мысль — идти въ Сибирь; надобно же было счастью помочь ему счастливо добраться до Сибири, счастливо побѣждать Татаръ, счастливо не умереть съ голоду, счастливо не замерзнуть отъ морозовъ, счастливо овладѣть Сибирью, счастливо два года держаться въ ней, счастливо не упустить ее изъ рукъ, счастливо увязать путь другимъ, счастливо заставить все потомство чтить его память...

Нѣтъ, тутъ ужь изъ-рукъ-вонъ много счастья!

Невольно вспомнишь слова другаго русака-счастливца: «все счастье да счастье—надо же, помилуй Богъ, вѣдь и ума сколько-нибудь!»

Посмотримъ, много ли было ума у простолюдина временъ Грознаго —у Ермака, и сколько его пошло на дѣло завоеванія Сибири.

Если предположить, что первоначальный проблескъ мысли «идти въ Сибирь» былъ безсознательный, то мысль эта такъ-хорошо созрѣла, такъ-хорошо обдумана Ермакомъ, чтобъ ее можно было назвать коротко «счастливымъ наитіемъ». Мысль эта такъ необыкновенна, такъ хитра, такъ въ ермаковомъ положеніи велика, что, принявшись обдумывать предметъ съ этой стороны, мы принуждены искать какой-нибудь опоры, чтобъ понять «логичность» ермакова похода. Мы невольно перевертываемъ нѣсколько страницъ, и все вниманіе свое устремляемъ на какое-то преданіе (глава V) о томъ, что Ермакъ былъ камскій уроженецъ, или, вѣрнѣе, тутошній житель, котораго, въ молодыхъ лѣтахъ, привезли сюда родители на кличъ о заселеніи закамской стороны охотниками, и который имѣлъ время и средства изучить страну. Внутренняя, нравственная, положимъ, тайная связь должна существовать между Ермакомъ и Чусовою. Но всему видно, что онъ пришелъ не въ чужое мѣсто, а въ знакомое ему захолустье, гдѣ онъ изъ-давна набрался свѣдѣній и о путяхъ, ведущихъ за Камень, и о сосѣдяхъ, о ихъ бытѣ и о степени гражданскаго порядка. Ермакъ не пошелъ на Яикъ, подобно нѣкоторымъ казачьимъ шайкамъ, но бросился и въ противоположную сторону за другими партіями, не кинулся въ какую-нибудь глушь, которая не сулила ему особенныхъ пріобрѣтеній — нѣтъ, удаляясь въ сѣверо-восточную украйну, онъ зналъ, куда именно онъ идетъ и зачѣмъ именно онъ идетъ. Онъ долженъ былъ вполнѣ и заранѣе сознать всѣ успѣхи, предвидѣть всѣ неудачи, чтобъ сговорить своихъ многочисленныхъ товарищей послѣдовать за собою единодушно.

Ермаку много надо было имѣть ума и на то, чтобъ преслѣдовать внезапно-осѣнившую его мысль; но еще больше ума надлежало ему имѣть, чтобъ привести эту мысль въ исполненіе, чтобъ совершить трудный и опасный походъ на Чусовую.

Нуженъ былъ Ермаку умъ необыкновенный и для того, чтобъ удалось искусно свои дѣла на Чусовой и вести себя такъ, что тамошнее народонаселеніе не вооружилось противъ его дѣйствій, не вооружило противъ него его же товарищей, что Ермака не лишили власти, не связали и не представили мѣстнымъ правителямъ, какъ осужденнаго и бѣглаго преступника, вмѣстѣ съ Кольцомъ и другими атаманами.

Пребываніе Ермака на Чусовой, должно было ознаменоваться проявленіемъ его блистательныхъ административныхъ способностей. Онъ не могъ идти въ походъ «какъ есть»: ему нужно было обезпечить и собственную свою участь, и участь задуманной мысли, и участь всѣхъ своихъ товарищей.

По однимъ сказаніямъ, Ермакъ привелъ съ собой 600 человѣкъ, да на Чусовой навербовалъ еще 50 человѣкъ съ провожатыми; по другимъ —у него было только 500 казаковъ, да съ Чусовой онъ забралъ съ собой 40 человѣкъ. Слѣдуя Есипову, мы принимаемъ меньшее число, хотя при первомъ случаѣ готовы принять и бо́льшее, потому-что вопросъ этотъ положительно не разрѣшенъ — и дѣло чрезъ это нисколько не теряетъ, ни выигрываетъ въ главныхъ своихъ основаніяхъ.

Первою мыслію Ермака для сформированія своихъ товарищей въ необходимомъ порядкѣ, было... тутъ мы затрудняемся докончить фразу, потому-что у Ермака все должно было быть главною мыслію. Раздѣлимъ же эти средства на предметы продовольствія и на предметы снабженія экспедиціи тѣмъ, безъ чего ей обойтись было нельзя.

Начнемъ съ хлѣба.

И тутъ, съ перваго же раза, мы видимъ новый, умный разсчетъ Ермака. Обитатели Сибири, какъ мы уже видѣли, занимались земледѣліемъ. Ермакъ зналъ, по-крайней-мѣрѣ, онъ долженъ былъ знать, что путь его будетъ лежать мимо пашенныхъ волостей, и выбралъ для своего похода по Сибири время самое удобное, сентябрь мѣсяцъ, осень, когда хлѣбъ долженъ быть убранъ съ полей. Въ этомъ фактѣ нельзя видѣть удачи, или одного счастія: хлѣбъ не такой предметъ, чтобъ не подумать заблаговременно: «чѣмъ же мы жить будемъ?» Ермакъ разрѣшилъ этотъ вопросъ и, вслѣдствіе этого, дѣйствительно могъ не обременять себя извѣстнымъ количествомъ хлѣбныхъ запасовъ: будь это не къ осени и не въ видѣ набѣга — препятствіе въ продовольствіи было бы непреодолимое.

На счетъ соли Ермаку, точно такъ же какъ и на счетъ хлѣба, надобно было мастерски уладить дѣло съ чусовскими жителями и ихъ соляными варницами. И ласковыя слова, и угрозы, и обольщенія, все было пущено въ ходъ, чтобъ пріобрѣсть необходимое. Мѣры, предпринятыя для этого Ермакомъ, намъ точно неизвѣстны, но тѣмъ не менѣе, каковы бы онѣ ни были, результатъ самый доказываетъ, что Ермакъ былъ такъ уменъ, такъ великъ, что на этой дорогѣ не могли остановить его какія-нибудь препятствія, которыхъ бы онъ не съумѣлъ бла-

стательно преодолѣть. Черезъ три года, этимъ же путемъ шло царское войско; но походъ его былъ несчастливъ. Надо предположить что нибудь одно: или Болховской не умѣлъ самъ обезпечить продовольствіе своей рати, уступавшей въ своемъ числѣ ермаковой дружинѣ, или ему на Чусовой не дали столько провіанту, сколько было нужно, за неимѣніемъ и бѣдностью обитателей. Рать Болховскаго гибла — Ермакъ вышелъ цѣлъ и невредимъ, и заслуга его, въ этомъ отношеніи, сколько блистательна, столько же доказываетъ въ немъ отличнаго администратора.

Ермаку мало было запасаться однимъ хлѣбомъ: ему нужно было перевезти съ собой и рыболовныя сѣти, которыя обезпечивали въ неменьшей степени существованіе его людей: сѣти—неотъемлемая принадлежность казака и могли быть привезены ими съ Волги.

Что касается до другихъ принадлежностей, которыя мы подводимъ подъ одну категорію снабженій, начнемъ съ перваго, въ чемъ Ермакъ могъ и долженъ былъ нуждаться.

Рѣчныя суда, въ которыхъ Ермакъ прибылъ на Чусовую, не было возможности перетаскивать черезъ горы волокомъ. Такой родъ перевозки дѣлается и въ наши времена, но только не по горамъ, а тамъ, гдѣ и мѣстность, и краткость пространства, и механическія усовершенствованія даютъ къ этому возможность. По Уральскому-Хребту, по грядамъ горъ, отъ гребня до подошвы усѣяннымъ черными, гигантскими лѣсами, перетаскивать лодки съ кладью, людьми, на огромномъ протяженіи, по мѣстности, непредставляющей къ тому никакихъ способовъ, было физически-невозможно. Ермакъ долженъ былъ заблаговременно запастись всѣмъ, чтобы, по переходѣ горъ, «по образу нѣшняго хожденія», быть въ состояніи продолжать свой путь водою. Ему нужны были топоры, веревки, гвозди, холстъ, множество другихъ вещей, о которыхъ ему надо было подумать самому и не ставить себя въ зависимость отъ Татаръ, которые многочисленностью своею могли всю его дружину уничтожить въ прахъ: не помогли бы и ружья — непріятелю стоило только пріучиться къ ихъ грому, а мы видѣли, что Татары скоро успѣли освоиться и свыкнуться съ огненными стрѣлами, или самопалами казаковъ.

Наконецъ, Ермакъ долженъ былъ снабдить болѣе 500 человѣкъ оружіемъ. Положимъ, что главнымъ оружіемъ ихъ могли быть топоры и копья, пики или дротики, которыхъ изготовленіе не могло затруднить казаковъ; можетъ-быть, у иного были и сабли; но безъ сайдаковъ, обыкновеннаго вооруженія того времени—Ермаку трудно было обойдтись. Татары сами дѣйствовали стрѣлами: значитъ, и Ермаку нужно было, хотя для половины своихъ ратниковъ, имѣть что-нибудь, чѣмъ бы могъ онъ дѣйствовать на непріятелей издалека. Для каждаго казака имѣть пищали было не только не въ средствахъ или въ возможности частнаго лица, предводителя 540 человѣкъ, но даже и долго спустя, мы и въ царскомъ-то войскѣ, гораздо-позже, и не въ одной Сибири видимъ ружья не у всѣхъ ратниковъ. Достаточно, если у Ермака на каждые десять человѣкъ было по одной пищали.

Само-собой разумѣется, что мысль о пушкахъ Ермаку, какъ умному человѣку, не могла прійдти въ голову, хотя наши учёные историки и утверждаютъ, согласно строгоновскому лѣтописцу, что Строгоновы дали ему триста человѣкъ собственныхъ своихъ храбрыхъ, предобрыхъ воиновъ, Литовцевъ, Нѣмцевъ, Татаръ, Русскихъ и, вдобавокъ, снабдили его цѣлою артиллеріей изъ *нѣсколькихъ пушекъ*. Вспомнимъ только, что̀ были тогдашнія пушки, вспомнимъ ихъ форму, ихъ тяжесть, снаряды для нихъ, ихъ неспособность для перевозки по такимъ мѣстамъ, гдѣ и пѣшему проходить — трудъ огромный, и согласимся, что казакамъ брать пушки съ собою было — не дѣло. Да и гдѣ было Ермаку взять хоть одну пушку? О Строгоновыхъ — дѣло конченное: стало быть, самому Ермаку приходилось или украсть или купить пушку, изготовить для нея передокъ, добыть и уложить сотни двѣ-три ядеръ (не холостымъ же зарядомъ стрѣлять ему въ воздухъ!); для одной пушки требовалось много и много-прочаго: гдѣ ему было достать такую драгоцѣнность? На Камѣ, въ иномъ мѣстѣ, одна пушка защищала цѣлое селеніе: кто съ такимъ сокровищемъ разстается? И мансуровская пушка могла быть въ Сибири только потому, что ее везли или несли по проложенному пути, и по особеннымъ причинамъ — потому-что она была прислана отъ царя. Но за то сколько, можетъ-быть, ея переносъ стóило! сколько онъ потребовалъ времени!.. Не таковы были обстоятельства Ермака, чтобъ онъ рѣшился связывать себя обузою и тяжкою и непужною. Замѣтимъ къ слову, что въ тѣ времена, выраженія — «огненный бой» и «пушечный нарядъ» употреблялись какъ синонимы, что слово «пушкарь» хотя и произошло отъ слова «стрѣлецъ», однакожъ имъ иногда именовали всякаго стрѣлка, который владѣлъ пищалью или управлялъ пушкою, что названіе «пищаль» обозначало и самопалъ и пушку меньшаго калибра, и что только въ царскомъ войскѣ, при конечномъ покореніи центра тогдашнихъ предавныхъ Кучуму волостей, въ 1594 году, мы видимъ около 110 пищалей, да три пушки, у одной ядро въ четыре гривенки, или фунта, а у двухъ по двѣ гривенки (86)... Но мы много наговорили, а не обратили вниманія

---

(86) «А наряду въ тотъ въ новой городъ (въ Тару) послати съ Москвы съ воеводами:

«Пищаль, въ 4 гривенки ядро, а къ ней 200 ядеръ желѣзныхъ;

«Пищаль девятипудная, 2 гривенки ядро, а къ ней 200 ядеръ желѣзныхъ;

«100 пищалей затинныхъ, а къ нимъ по 200 ядеръ къ пищали, итого 20,000 ядеръ;

«10 пищалей долгихъ, а къ нимъ по 200 ядеръ свинчатыхъ, итого 2,000 ядеръ;

«Да съ Пелыми взяти у князя Петра Горчакова пищаль девятипудная, а къ ней 200 ядеръ;

«Да въ тотъ же новый городъ послано 50 пудъ зелья, 50 пудъ свинцу.» (*Миллеръ*, стр. 271.)

Память воеводѣ князю Ѳедору Борисовичу Елепкому:

«Писалъ ко государю царю и великому князю Ѳедору Івановичю всеа Русіи изъ Тобольского воевода князь Ѳедоръ Лобановъ Ростовскій съ товарыщи, чтобъ прислать въ Сибирь пять скорострѣльныхъ пищалей (вѣроятно, курковыхъ самопаловъ, хотя слово самопалъ ни разу въ нашихъ актахъ не встрѣчается), чѣмъ промышлять надъ Кучюмомъ царемъ какъ царь будетъ въ городѣхъ.

«И нынѣ послано до Лозвы съ Прокофьемъ да съ Іваномъ Воейковыми пять ско-

нія на главное: для чего бы пушка пригодилась Ермаку? въ дракѣ съ Татарами, дѣйствовавшими въ разсыпную, ей у *казаковъ* не было никакого назначенія.

Но Ермаку все-таки нужно было имѣть при себѣ хоть пятьдесятъ пищалей или ружей и запастись для нихъ свинцомъ и зельемъ.

Это исчисленіе крайнихъ потребностей, безъ которыхъ Ермаку нельзя было ступить шага впередъ, и удовлетвореніе этихъ потребностей въ такомъ размѣрѣ, о которомъ ясно говоритъ результатъ ермакова похода — блистательный успѣхъ его, доказываетъ въ Ермакѣ отличнаго знатока своего дѣла, предусмотрительнаго полководца, какъ ни малочисленно было его войско. Обширный умъ его и въ этомъ дѣлѣ — неотъемлемъ; способности его — способности не простаго, дюжиннаго человѣка, а человѣка высшаго разряда.

Перейдемъ къ движеніямъ Ермака въ самой Сибири.

Сцена съ Таузаномъ, кратко переданная нашими лѣтописцами, открывая міры, посредствомъ которыхъ Ермакъ могъ узнать о Кучумѣ малѣйшія подробности, доказываетъ находчивость Ермака — изъ ничтожнаго, по-видимому, происшествія, изъ нечаянной встрѣчи, создать цѣлую поэму *завоеванія* Сибири. Ермакъ пощадилъ жизнь Таузана, послалъ его съ вѣстями къ Кучуму: значитъ, онъ собирался дѣйствовать противъ сибирскаго царя не изъ-за угла, а враждовать открыто. Какое бы преимущество Ермаку передъ Кучумомъ ни придавало огнестрѣльное оружіе, но тѣмъ не менѣе добровольное подготовленіе врага къ тому, чтобъ на него нельзя было дѣйствовать врасплохъ, выводитъ походъ казаковъ изъ ряда обыкновенныхъ набѣговъ, набѣговъ на-счастье, на-удалу́ю, даетъ ему видъ благородной войны и показываетъ, что Ермакъ цѣнилъ себя, ставилъ себя выше того уровня, въ которомъ его судьба забросила, сознавалъ свое нравственное превосходство. Употребляя немножко-громкія выраженія въ-отношеніи собственно къ Ермаку, мы спѣшимъ напомнить читателямъ, что хотя цѣль набѣга или похода Ермака была, по нашему, чисто-промышленная, то-есть желаніе промыслить добычи, но самое это желаніе, дышащее рыцарствомъ, облагороживается сопровождавшими его обстоятельствами и важностью результатовъ.

По нашему мнѣнію, завоеваніе Сибири нельзя, да и нейдетъ, сравнивать съ завоеваніемъ Перу и Мехики.

Мы видѣли, что Кучумъ не похожъ былъ на Монтезуму: параллели между ними проводить не слѣдуетъ. Говорятъ, что Кучуму были предсказанія, предвѣщанія, знаменія, подобныя тѣмъ, какія угрожали и

ростр҃ѣльныхъ пищалей, а къ нимъ по шти сотъ ядеръ желѣзныхъ и со всякими пищалными запасы.

«И воеводѣ князю Ѳедору Борисовичю, пріѣхавъ на Лозву, взяти у Прокофья и у Ивана Воейковыхъ тотъ государевъ нарядъ и всякіе пушечные запасы и пушкарей и зелье и свинецъ по росписи и устроить въ судѣхъ отвести съ собою въ новой городъ на Тару и, пришедъ на Тару, держать тотъ нарядъ въ государевѣ казнѣ, до о ходу на Кучума царя. (Миллеръ, стр. 285.)

Монтезумѣ; но Кучумъ не былъ такъ суевѣренъ, какъ Монтезума: онъ неуступчиво боролся съ Ермакомъ; въ борьбѣ этой онъ никогда не унижалъ ни своего сана, ни своего достоинства, не падалъ ницъ передъ покорителемъ, мстилъ ему, сообразно съ духомъ времени, и тайно и явно, сколько позволяли силы и возможность, и наконецъ, семнадцать лѣтъ скитаясь по степямъ, онъ, въ дикомъ величіи своемъ, предпочелъ лучше пасть подъ ударами судьбы, но не запятнать себя добровольною передачею къ тѣмъ, кого считалъ своими притѣснителями и врагами. Вотъ съ какимъ человѣкомъ пришлось бороться Ермаку: мы унизили бы Кучума съ его характеромъ и волею, если бы позволили себѣ ставить его на одну доску съ Монтезумой. Правъ ли былъ въ этомъ случаѣ Кучумъ или виноватъ въ чьихъ либо глазахъ—это другой вопросъ: намъ лишь видѣть, что онъ дѣйствовалъ сознательно, что онъ былъ врагъ сильный и опасный, что самая борьба съ такимъ человѣкомъ даетъ подвигу Ермака болѣе-яркій блескъ.

Татары тоже не походили на американскихъ дикарей. Тѣ видѣли въ испанскихъ всадникахъ боговъ, высшихъ существъ, составленныхъ изъ человѣка и коня; они сначала падали въ прахъ предъ этими высшими существами и покорялись имъ съ трепетомъ, безъ отговорокъ. Татары не признавали казаковъ за боговъ; они видѣли въ нихъ такихъ же смертныхъ, обыкновенныхъ людей, какими и сами были. Съ перваго же знакомства съ Русскими, Татары, вмѣсто того, чтобъ съ полною готовностью поспѣшить признать себя покоренными, осыпаютъ Русскихъ тучами стрѣлъ, ставятъ имъ разныя препятствія, преслѣдуютъ ихъ всюду, рубятся съ ними, убиваютъ ихъ—и все это во имя родной земли и свободы, которую они защищали отъ нашествія чуждыхъ имъ иноплеменниковъ. Мехиканцы тоже дрались храбро впослѣдствіи и неохотно подчинялись своимъ завоевателямъ, но пушки, регулярный составъ, надежда на чистое золото, самое положеніе Испанцевъ давали имъ огромный нравственный перевѣсъ передъ дикарями. Ермакъ былъ совершенно въ другихъ обстоятельствахъ.

Положимъ, на сторонѣ казаковъ было многое: былъ навыкъ къ схваткамъ, были лодки, въ которыхъ они ускользали отъ враговъ, были ружья, выстрѣлами которыхъ они разгоняли кучумовы толпы. Да развѣ у Татаръ не было же на столько навыка къ дракамъ, чтобъ они не могли противостоять ватагѣ Ермака? Знаніе мѣстности, болѣе-извѣстной имъ, чѣмъ русскимъ пришлецамъ, замѣняло Татарамъ отсутствіе судовъ и давало имъ то преимущество, что они могли напередъ разсчитать время и мѣсто, гдѣ могутъ вновь встрѣтиться съ Ермакомъ. Да и Ермакъ, какъ мы уже видѣли, выходилъ на берега и сражался съ врагами своими на сухомъ пути, а не старался избѣгать военныхъ дѣйствій.

И въ этихъ дѣйствіяхъ — если на нашей сторонѣ было огнестрѣльное оружіе, то на сторонѣ Кучума были преимущества, которыхъ казаки не имѣли, именно многочисленность рати, постоянно-разгорячаемая храбрость, свѣжесть силъ, общій интересъ въ дѣлѣ, бѣшеная ярость, фанатизмъ (который въ толпахъ Американцевъ стоитъ еще

полъ сомнѣніемъ) и, что́ не менѣе важно — конница. Этотъ послѣдній фактъ, какъ онъ сначала ни кажется ничтожнымъ и какъ бы онъ ни былъ представляемъ въ забавномъ или смѣшномъ видѣ, все-таки ведетъ къ тому заключенію, что отрядъ конныхъ наѣздниковъ долженъ былъ имѣть рѣшительное вліяніе на планъ дѣйствій Ермака, долженъ былъ всѣхъ казаковъ ставить въ затруднительное положеніе, долженъ былъ принудить ихъ отвѣчать быстротой на быстроту, маневрировать, съ разсчетомъ пользоваться мѣстоположеніемъ и избирать выгоднѣйшія позиціи. Все это надлежало запечатлѣть единствомъ мысли, средствъ и исполненія. Успѣхъ въ дѣлѣ, побѣда, разбитіе и разсѣяніе враговъ, прибѣгавшихъ къ различнымъ воинскимъ хитростямъ, устроивавшимъ засады, осады, твердые оплоты натиску казаковъ, все это, о чемъ по-большей-части лѣтописи не распространяются, но что́ само-собой естественно, необходимо вызываетъ на размышленіе—все это, вмѣстѣ взятое, удостовѣряетъ, что тутъ мало было одного счастія, что если и было счастіе, то надобно было умѣть имъ воспользоваться; а подвиги, которыми ознаменовалъ себя Ермакъ, блестящимъ образомъ выдвигаютъ его изъ ряда людей, одаренныхъ обыкновенными воинскими способностями, и показываютъ, что онъ и въ этомъ дѣлѣ былъ человѣкъ — выше своего состоянія, выше своего времени.

Ермака не йдетъ сравнивать и съ Кортесомъ. Кортесъ и по рожденію и по воспитанію готовился для управленія другими, для начальствованія; онъ учился военному искусству, былъ образованный воинъ, былъ военный генералъ, съ малолѣтства посвященный во всѣ тайны тактики и стратегіи и притомъ дѣйствовалъ противъ своихъ непріятелей пушками, которыхъ у Ермака вовсе не было.

Но кому Ермакъ былъ обязанъ своими побѣдами? въ какой школѣ онъ пріобрѣлъ тѣ свѣдѣнія и знанія, обладаніе которыми отъ Ермака неотъемлемо? Къ какой сферѣ принадлежалъ онъ? Въ правѣ ли мы отъ безвѣстнаго, неученаго, какъ видно безграмотнаго даже, простолюдина, ожидать такого блестящаго проявленія воинскихъ и административныхъ способностей, которыя привыкли встрѣчать только въ людяхъ, постепенно подготовляющихъ себя къ будущимъ подвигамъ по указанному пути?

Вопросы эти естественны: они не проистекаютъ изъ какой-нибудь недосказанной мысли... Нѣтъ, мы сами знаемъ, что можно привести тысячи примѣровъ тому, какъ стеченіе незначительныхъ, по-видимому, обстоятельствъ придаетъ духа и окрыляетъ способности человѣка; предложенные о Ермакѣ вопросы мы возбуждаемъ только для того, чтобъ имѣть болѣе сторонъ, болѣе возможности обсудить предметъ съ разныхъ точекъ зрѣнія и вывести изъ этого конечное заключеніе о дѣйствительной важности ермаковыхъ заслугъ.

Здѣсь мало отвѣчать вмѣстѣ съ Карамзинымъ: «ни современники, ни потомство не думали *отнимать* (полно, такъ ли? а учёные-то мужи?..) отъ Ермака *полной чести* его завоеваній»: надо оцѣнить эту честь, надо разобрать эти «завоеванія», разложить ихъ на основныя части; на-

до понять, хотя приблизительно, личность Ермака и опредѣлить настоящее его значеніе, не изъ подражанія къ первымъ величинамъ другихъ сферъ, и не изъ квасного патріотизма, а изъ народной гордости, изъ отчетливой, разумной любви къ своему, къ родному: вотъ долгъ будущаго историка, который станетъ излагать намъ подробно о завоеваніи Сибири, о завоеваніи, совершенномъ въ-теченіе двухъ мѣсяцевъ, включая сюда же и все время похода, хотя Карамзинъ и утверждаетъ, что не Ермакъ былъ *истиннымъ виновникомъ* великаго дѣла, что «молва увеличивала славу подвига... забыли давнишнюю извѣстность «и самое подданство (Сибири), чтобъ тѣмъ болѣе славить Ермака». Спрашиваемъ благосклоннаго читателя, развѣ эти слова историка, *обязаннаго* правдивостью, можно назвать *воздаяніемъ чести* Ермаку? Развѣ вырвавшіеся у Карамзина сердечные вопли о гибели Ермака можно назвать искренними? Какой же послѣ этого смыслъ мы должны дать тому чувству, подъ вліяніемъ котораго знаменитый исторіографъ нашъ восклицаетъ: «нѣтъ, волны Иртыша не поглотили его славы: Россія, исторія и церковь гласятъ Ермаку вѣчную память!!!. .»

Со времени овладѣнія Сибирью, для Ермака начинается новая эпоха внутренней жизни и наружныхъ дѣйствованій. Эпохѣ этой предшествовала минута, въ которую Ермакъ явился какъ-бы въ апоѳеозѣ своего величія, если только можно такъ выразиться. Природа, обстоятельства, люди, свои и чужіе—все вооружилось противъ Ермака, при взятіи имъ городища Аты: толпа увлекала его назадъ, вырывала изъ рукъ его славу и честь покоренія, готовилась къ бѣгству, но, удержавъ ее отъ постыднаго поступка въ такое время, когда въ поступкѣ этомъ всѣ сознавали крайность, всѣ видѣли необходимость, единственное свое спасеніе, Ермакъ показалъ, сколько благородныхъ, высокихъ чувствованій таилось въ глубинѣ души его, повидимому грубой и очерствѣлой. Рѣшиться на битву, въ его положеніи — было подвигъ; остановить казаковъ—подвигъ; вдохнуть въ нихъ храбрость и съ ними разбить многочисленнаго непріятеля—опять подвигъ.

Новая сторона способностей Ермака открывается при взглядѣ на послѣдствія плѣна кучумова сына, Махмет-Кула. Чего бы, казалось, проще было Ермаку, какъ приказать отмстить за смерть братьевъ смертію ихъ убійцы и тѣмъ навсегда покончить заботы объ опасномъ своемъ врагѣ? Но Ермакъ этого не сдѣлалъ, и мы видѣли, что имъ руководилъ тонкій разсчетъ будущихъ преимуществъ его надъ Татарами, преимуществъ, которыми онъ превосходно умѣлъ воспользоваться. Съ общими всѣмъ казакамъ идеями о братствѣ и равенствѣ только между собою, съ ихъ взглядомъ на Татаръ, какъ на народъ поганый — почтительность обращенія Ермака съ сибирскимъ царевичемъ и «ублажаніе его ласкосердыми словесы» служатъ выраженіемъ тонкаго, всеобъемлющаго ума Ермака какъ политика.

Махмет-Кулъ служилъ ручательствомъ за Кучума, что онъ не предпріиметъ враждебныхъ дѣйствій противъ Ермака, въ рукахъ котораго была жизнь его сына. Махмет-Кулъ же служилъ ему средствомъ для пріобрѣтенія себѣ и своимъ товарищамъ необходимыхъ запасовъ отъ

Татаръ, которыхъ ничто не обязывало ко взносамъ хлѣба и другихъ предметовъ, для людей имъ чуждыхъ, особенно, если вспомнимъ, что хлѣбопашенные Татары обитали вдалекѣ отъ города Сибири, что хотя многое необходимое и могло быть сплавлено къ Ермаку съ береговъ Тобола, Тавды, Туры или сверху Иртыша, изъ такъ-называемой Верхней-Земли, однакожъ, чтобъ добраться до тѣхъ мѣстъ, надо было умѣючи обдѣлать это дѣло, предварительно снарядивъ отдѣльныя экспедиціи.

Наконецъ, Махмет-Кулъ служилъ Ермаку окончательною причиною осуществить на дѣлѣ тревожившую, можетъ-быть, его мысль—выступить изъ всегдашней своей сферы темныхъ поступковъ. Теперь Ермаку нѣчего уже было скрываться; теперь онъ имѣлъ право и возможность явно выступить на сцену, громогласно явиться дѣйствующимъ лицомъ въ обширномъ отечествѣ, обратить общее вниманіе своихъ единоземцевъ на посредственность, доголѣ имъ незамѣченную, ничтожную, пропащую и, въ глазахъ своего грознаго властелина, явиться не бѣглымъ преступникомъ, а могучимъ героемъ-завоевателемъ, для котораго не существуетъ уже постыдное прошедшее, который создалъ себѣ удивленіе въ настоящемъ и славу въ будущихъ вѣкахъ.

Отправленіе посольства отъ подданнаго, и еще отъ какого!—отъ осужденнаго подданнаго, къ царю Грозному — драма глубокая, и, прослѣдивъ всѣ впечатлѣнія, обуревавшія душу Ермака во все продолженіе этой драмы, прослѣдивъ хотя самымъ бѣглымъ образомъ все, что перечувствовалъ, что долженъ былъ перечувствовать герой Сибири, мы поняли бы, сколько годовъ онъ въ эти минуты пережилъ... Вѣдь оно, дѣйствительно, легко намъ, теперь, черезъ двѣсти-шестьдесятъ-семь лѣтъ, судить о поступкахъ Ермака; но каково-то самому ему въ то время приходилось!

Поставимъ же себя на его мѣсто и отдадимъ отчетъ въ мысляхъ, которыя, какъ намъ кажется, должны были, естественно, волновать самого Ермака неразрѣшимыми заранѣе вопросами.

Извѣстно, что у Ермака въ дѣлѣ, предшествовавшемъ овладѣнію Сибирью, убито сто-семь человѣкъ; вѣроятно, многихъ казаковъ лишился онъ ранѣе; наконецъ, нѣсколько человѣкъ убито при Абалакѣ на рыбной ловлѣ: значитъ, у Ермака было всего съ небольшимъ человѣкъ четыреста казаковъ, или около. — Возьмемъ другое число, переливаемое другими лѣтописями, бо́льшее: тогда выйдетъ, что у Ермака было всего на-все пятьсотъ человѣкъ. Отрядить для охраненія посольства ему надлежало по-крайней-мѣрѣ человѣкъ пятьдесятъ; стало-быть, Ермакъ остался охранять свое завоеваніе съ 350-ю или 450-ю казаками и долженъ былъ принести первый отрядъ и самого-себя въ жертву будущихъ обстоятельствъ.

Посольство отправлялось въ путь, вѣроятно, не Тагиломъ на Чусовую, а кратчайшимъ путемъ, или, какъ выражаются обыкновенно, «напроходъ», черезъ вершины Тавды, прямо на Чердынь: значитъ, мѣстами новыми, гдѣ казаки еще не бывали и гдѣ населенность была имъ незнакома.

Съ обѣихъ сторонъ, и со стороны Ермака и со стороны Кольца, видна рѣшимость, обличающая вполнѣ воинственный духъ и отважную храбрость казаковъ проходить мѣстами враждебными, гдѣ каждый шагъ грозилъ имъ смертью отъ природы или отъ людей. Чтобъ преодолѣть эти преграды, имъ нужно было искусство необыкновенное. Подвигъ Кольца, то-есть, фактическое разрѣшеніе задачи — исполненіе посольства—подвигъ блистательный.

Но въ ожиданіи послѣствій, которыя бы говорили о несомнѣнной удачѣ, Ермака могъ тревожить вопросъ: какъ пройдутъ его послы до Чердыни? Не погибнутъ ли они еще въ Сибири, не перешагнувъ даже Урала и не подавъ вѣстей на Каму воеводѣ? Тогда погибла его жертва, погибло и дѣло: надо было или оставаться на прежнемъ мѣстѣ и обречь себя забвенію, или идти самому вѣстникомъ и потерять Сибирь!

Походъ посольства требовалъ особеннаго искусства, чтобъ облечь все предпріятіе тайною, непроницаемою для враговъ. Но если Татары провѣдаютъ объ удаленіи горсти казаковъ? если они нападутъ на нихъ, изрубятъ ихъ? Если, воспламенясь удачею и кровью, предпріймутъ опасный набѣгъ на обезсиленнаго Ермака и, преградивъ ему всѣ пути, лишивъ его всѣхъ средствъ для сношенія съ дружественными племенами Остяковъ, обложатъ его станъ огромною массою и продолжительностью осады, зимой, уничтожатъ подвигъ Ермака и погубятъ казаковъ?.. Тяжки, должно быть, были думы Ермака объ этомъ, и не веселая ему предстояла будущность.

Но если все пройдетъ счастливо, Кольцо благополучно совершитъ переходъ и явится наконецъ въ Чердынь, кто поручится, что воевода Пелепелицынъ не исполнитъ надъ нимъ повелѣнія, два раза повтореннаго царемъ Іоанномъ Васильевичемъ? Кто поручится, что воевода повѣритъ бѣглому казаку, не прійметъ его вѣсти за сказку, не придастъ дѣлу другаго вида, не дастъ ему ложнаго, невыгоднаго для Ермака направленія? Тогда плоды завоеваній Ермака опять погибли, опять онъ обратится въ среду посредственности, ничтожества!

Достигнетъ Кольцо счастливо до Москвы—новая забота: какъ прійметъ это дѣло царь? Конечно, Грозный долженъ былъ повѣрить Кольцу: онъ выше мелочныхъ разсчетовъ—но какой конецъ изъ этого выйдетъ? Прилетитъ царь воеводу и Ермака подчинитъ непосредственнымъ его распоряженіямъ? Покорителя Сибири поставитъ въ зависимость отъ постороннаго человѣка, совершенно-чуждаго дѣлу? Страдаетъ самолюбіе! Что жь остается дѣлать Ермаку? Утѣшаться наградою? Но будетъ ли оцѣненъ его подвигъ какъ должно? Кромѣ одной идеи о чести награды, будетъ ли онъ, какъ живой человѣкъ, достойно награжденъ чѣмъ-нибудь, осуществленнѣе идеи? и чѣмъ именно? А если... если...? но мало ли горькихъ сомнѣній могли тревожить и мучить Ермака...

Всѣ эти доступные для человѣка вопросы, дѣйствительно, могли Ермаку прійдти въ голову, всѣ эти вопросы Ермакъ долженъ былъ разрѣшить такъ или иначе, въ свою пользу, или не въ пользу.

Нельзя предположить, чтобъ такой чисто-практическій человѣкъ,

какъ Ермакъ, съ его положительнымъ взглядомъ на «тщету міра сего», увлекался какими-нибудь теоріями или действовалъ по побужденію какого-нибудь отвлеченнаго начала, недоступнаго для полнаго сознанія натуръ простыхъ и непривыкшихъ къ умозрѣніямъ. Что же именно побудило Ермака отправить къ царю вести о Сибири? Нельзя же объяснить этого только чувствомъ, напримѣръ, благоговѣнія предъ Грознымъ? Нельзя объяснить и глубоко-постигнутымъ сознаніемъ долга, общественнымъ благомъ, отрѣшеннымъ отъ всякихъ эгоистическихъ побужденій? Ни то, ни другое—ни въ натурѣ, ни въ сферѣ волжскаго казака.

Въ лѣтописяхъ, намъ извѣстныхъ, нѣтъ опредѣлительнаго разрѣшенія этого вопроса, и намъ остается разгадать его, судя по тѣмъ обстоятельствамъ, въ которыхъ Ермакъ въ то время находился.

Желалъ ли онъ покорностью своею заслужить прощеніе и милость царя за свое прежнее буйство по Волгѣ?

Страшился ли онъ погони русской рати и неизбѣжнаго, конечнаго наказанія за всѣ свои продѣлки? Хотѣлъ ли онъ видимой покорностью предотвратить бѣду, которую заранѣе предчувствовалъ? — Во всякомъ случаѣ хитрому казаку, казалось бы, естественнѣе было не безпокоиться понапрасну, а выждать эту бѣду, проводя, между-тѣмъ, время себѣ-на-умѣ и сообразно съ собственными видами. Но если бы предчувствіе погони въ-послѣдствіи его не обмануло, Ермакъ могъ *сдѣлать* эффектную *сцену*, выйти на встрѣчу ожидаемымъ преслѣдователямъ, ослѣпить ихъ эмблемами покоренія царства сибирскаго, сочинить исторію своихъ побѣдъ и выйти изъ воды сухимъ, а все-таки на первомъ планѣ — героемъ, покорителемъ.

Предвидѣлъ ли онъ новыя нападенія отъ Кучума и, не надѣясь отстоять Сибири (въ смыслѣ богатаго источника *своей* пажавы), искалъ, въ этихъ видахъ, помощи московской рати? Но плѣнный Махмет-Кулъ, острастка, которой уже подверглись Татары, и двухлѣтняя выдержка всей тягости, безъ всякихъ пособій, убѣждаютъ насъ въ незначительности предположенія, на которое мы хотѣли-было опереться. Намъ кажется, что Ермаку, въ его положеніи, сообразнѣе было бы послать за новыми толпами казаковъ на Волгу, или на Яикъ, даже въ Запорожье: охотниковъ воевать и грабить нашлось бы вездѣ довольно; тогда Татары дѣлались Ермаку неопасными, и онъ спокойно бы остался на Сибири полнымъ господиномъ.

Иные придерживались того мнѣнія, что умный атаманъ не могъ съ самаго начала не предвидѣть, что горсть смѣльчаковъ, *оставленныхъ Россіею*, года въ два или въ три исчезла бы въ битвахъ или отъ болѣзней суроваго климата, среди пустынь и лѣсовъ, служащихъ вмѣсто крѣпостей для дикихъ, свирѣпыхъ жителей, которые платили дань пришельцамъ единственно подъ угрозою меча или выстрѣла. Но и это мнѣніе не клеится съ нѣкоторыми фактами: горсть смѣльчаковъ, въ-теченіе двухъ лѣтъ предоставленная самой себѣ и произволу судьбы, не исчезла же; «свирѣпые жители» не такъ-то были страшны Ермаку; даже примѣръ нашихъ русскихъ, алтайскихъ горцевъ прошедшаго столѣтія невольно заставляетъ насъ вѣрить, что при умѣ Ермака, при его оборотливости

и искусствѣ ладить съ новыми знакомыми —самобытное существованіе, до извѣстныхъ границъ, было для него предметомъ возможнымъ, а вовсе-недоступнымъ.

Какимъ же образомъ согласить теперь врожденное желаніе первенства, которое уже Ермакъ имѣлъ и на которое онъ снова получилъ еще болѣе законное право, съ яснымъ согласіемъ подчинить себя зависимости другихъ? Разумѣется, что, отсылая посольство къ Грозному, Ермакъ долженъ былъ самъ понять, что, вмѣстѣ съ ратною помощію и съ милостями царя, онъ нисходилъ на низшій чинъ какого-нибудь воеводы, или воеводскаго подручника!..

По нашему мнѣнію, мысль, руководившая Ермакомъ, когда онъ назначалъ посольство, была простая и близкая каждому человѣку, къ какой бы эпохѣ, по времени, онъ ни принадлежалъ, но въ приложеніи своемъ—мысль эта принимала характеръ государственный.

По малодушію сродной ватаги въ рѣшительныхъ и опасныхъ случаяхъ, по разрозненности интересовъ членовъ казацкой дружины, Ермакъ могъ видѣть, что только онъ одинъ составляетъ душу всего предпріятія. Съ свѣтлымъ взглядомъ на вещи, съ яснымъ пониманіемъ важности пріобрѣтенія Сибири, Ермакъ видѣлъ въ себѣ творца неслыханнаго подвига: въ подвигѣ этомъ онъ видѣлъ собственное дѣтище, которое онъ лелѣялъ, которымъ нельзя не дорожить. Естественно, что коль скоро для человѣка наступаетъ пора стряхнуть съ себя всю мелочность жизни, подъ вліяніемъ сознанія собственныхъ силъ, при блескѣ собственнаго творенія, не эфемернаго, а вѣковаго, то, вмѣстѣ съ этимъ, неразрывно съ любовью къ своему созданію, въ человѣкѣ рождается предчувствіе опасности, скорбь видѣть погибшимъ свой трудъ, взлелѣянный горемъ, лишеніями, плодами цѣлой жизни—и вслѣдъ за симъ возникаетъ безусловная, инстинктивная потребность упрочить свой подвигъ, нескончаемо повторить въ немъ самого-себя.

Смотря на Ермака съ этой точки зрѣнія и стараясь придать его поступку болѣе разумности, чѣмъ поступку другаго, дюжиннаго человѣка, необходимо предположить, что имъ руководилъ высшій расчетъ. Ему могла быть доступна мысль, что рано или поздно — но онъ сойдетъ со сцены: болѣзни, дряхлая старость, смерть, положатъ конецъ всему. Что же тогда Сибирь ожидаетъ? казакамъ эта мысль чужда: они не къ состоянію постигнуть, что можно сдѣлать изъ Сибири; имъ и не выдержать противъ орды проклятой: поганый Татаринъ прогонитъ ихъ, и дѣло православныхъ казаковъ какъ въ воду канетъ!

Изъ этого опасенія о неупроченной будущности *своего* созданія, изъ этой естественной, горячей заботливости о своемъ подвигѣ и пробивается, какъ изъ источника, безусловная рѣшимость послать посольство къ царю Іоанну IV и всѣ второстепенные, чисто-эгоистическіе виды уничтожить конечнымъ приговоромъ: — пропадай моя волюшка, золотая долюшка, но не гибни доброе дѣло!

Принимая это предположеніе, по нашему, по-крайней-мѣрѣ, мнѣнію, за вѣроятнѣйшее, мы не можемъ не удивляться Ермаку, подчинившему свои личные интересы болѣе-обширнымъ человѣческимъ видамъ и,

чрезъ это самое, не поставить его на ряду съ другими великими людьми, громкая слава которыхъ гремитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Конечно, мы умѣемъ восхищаться дѣяніями великихъ чужеземцевъ, да нашъ-то русскій человѣкъ, хоть онъ и простолюдинъ, дороже для насъ любаго великаго мужа Германіи...

По отправленіи посольства, Ермакъ не измѣнялъ своему положенію, не измѣнялъ самому-себѣ въ-теченіе остальныхъ двухъ съ половиною лѣтъ своихъ подвиговъ.

Оставшись съ горстью людей, Ермакъ имѣлъ могущественную нравственную силу, чтобъ два года держаться въ сторонѣ далекой, отвсюду окруженной людьми, на вѣрность которыхъ безумно бы было ему полагаться слѣпо. Много надобно было имѣть Ермаку ума и тонкихъ соображеній, чтобъ цѣлые два года обезпечивать себѣ продовольствіе и не заморить голодомъ своихъ казаковъ; нужно было и замаскировать себя, чтобъ враги не провѣдали объ уменьшеніи численной силы дружины Ермака; надо было уладить дѣло такъ, чтобъ одни племена признали себя покорными и не выходили изъ этой покорности, и чтобъ другія племена не тревожили Русскихъ своими нападеніями и своею численностью не уничтожили завоевателей. Надо было такъ удержать и своихъ подчиненныхъ, чтобы въ нихъ не обнаружилось ропота на недостаточность наживы, чтобъ они были постоянно-довольны, сыты, одѣты, обуты и, въ-теченіе трехъ зимъ, не сгибли отъ морозовъ.

Умѣнье и способности Ермака въ этомъ отношеніи становятся очевидными, рисуются рѣзкими чертами при сравненіи его хозяйственности съ хозяйственностью Болховскаго: народъ у Ермака былъ цѣлъ — у Болховскаго онъ гибъ и меръ отъ болѣзней, отъ скудости запасовъ; и вина въ ихъ смерти ни въ какомъ случаѣ не должна падать на Ермака. Ермакъ дѣйствовалъ своими средствами, а Болховской своими: Ермакъ не могъ знать о времени его прихода; еслибъ даже онъ и зналъ, и тогда не имѣлъ надобности готовить для него провіанта. Болховской шелъ по проложенному Ермакомъ пути, шелъ съ царскимъ указомъ, шелъ съ подмогою казакамъ: дѣло Болховскаго было предупредить всѣ недостатки собственной своей рати и принести существенную подмогу, людьми и хлѣбомъ, казакамъ Ермака. Мы не обвиняемъ Болховскаго: онъ торопился исполнить царскій указъ и самъ погибъ, если не жертвою своего усердія, то жертвою собственной оплошности, проистекавшей изъ этого усердія, какъ изъ источника. Но на Ермака тѣмъ менѣе можетъ падать упрекъ за Болховскаго, какъ нѣкоторые тайнымъ намекомъ и явнымъ словомъ посягали его заподозрить: будемъ безпристрастны и скажемъ откровенно, что Ермакъ былъ умнѣе Болховскаго и чистъ отъ подозрѣній.

Старинные лѣтописцы не передали намъ своихъ сказаній о мелочныхъ подробностяхъ жизни Ермака, не какъ завоевателя, а какъ человѣка просто. Пожалуй, благодарное потомство съ благоговѣніемъ сохраняетъ неизвѣстно-кѣмъ и когда писанные портреты покорителя Сибири; дѣло темное: можетъ-быть, кисть художника дѣйствительно «Кузьму Лукой писала», а можетъ-быть, и правда, что это—было-

тый Ермакъ, какъ гласитъ преданіе. И Ремезовъ передастъ намъ тоже, что Ермакъ «бѣ вельми мужественъ, и разуменъ, и человѣченъ, и «зраченъ, и всякой мудрости доволенъ; плосколицъ, черн брадою и «власы, прикудрявъ, возрастъ средній, и плоскъ, плечистъ...» Но все-таки мы изъ этого не можемъ еще составить себѣ опредѣленнаго понятія о томъ, что же именно былъ Ермакъ. Мы возсоздаемъ себѣ типъ великаго казака по оффиціальнымъ его дѣяніямъ и по впечатлѣнію, которое на насъ произвели его подвиги; но не имѣемъ надежной опоры, которая давала бы намъ право сказать: «онъ былъ именно таковъ, какъ я вамъ его представляю»—а эту опору мы навѣрное имѣли бы, еслибъ знали Ермака въ будничной, прозаической, горе-горькой жизни. Лѣтописцы спрятали отъ насъ человѣка-казака, не разсказали намъ, какъ жилъ Ермакъ, гдѣ что говорилъ, что дѣлалъ, что любилъ, однимъ-словомъ, не обрисовали намъ его личности въ той мѣрѣ, чтобъ мы могли вполнѣ понять характеръ этого человѣка. Лѣтописецъ временъ Петра-Великаго, Ремезовъ, передастъ намъ кое-что о Ермакѣ, но въ этой смѣси вымысловъ и сказокъ трудно добраться до истины, трудно повѣрить в тому, что повидимому похоже на правду. И лѣтописцы по-своему правы: «не лица, а дѣла», вотъ-что было ихъ девизомъ; они видѣли въ Ермакѣ только героя и не обращали вниманія на простаго смертнаго, хотя строгановскій лѣтописецъ и не посовѣстился придать Ермаку нелестное значеніе наемника, дѣйствовавшаго по чужимъ приказамъ и указаніямъ.

Дѣйствительно, въ своемъ родѣ—Ермакъ былъ великій человѣкъ. Великъ онъ, какъ воинъ, великъ какъ администраторъ, великъ какъ политикъ и дипломатъ, какъ ни ограниченна была, повидимому, сфера его дѣйствованій. Замѣнимъ эти высокопарныя, современныя выраженія болѣе простыми: скажемъ, что Ермакъ былъ безстрашный боецъ, мудрый хозяинъ, ловкій хитрецъ— сущность дѣла отъ этого нисколько не потеряетъ, Ермакъ все такъ же останется великъ для нашей исторіи: послѣдствія его похожденій, результаты его удачъ такъ важны, что нельзя не признать великости его подвига.

Каждое движеніе его похода, его цѣли, средства, виды, намѣренія, во время трехлѣтней его дѣятельности (1581—1584 годовъ)—все показываетъ въ немъ непстощимый, обогащенный опытностью, обширный запасъ свѣдѣній, способностей, ума; все показываетъ въ немъ человѣка, который, единственно своимъ лицомъ создалъ дѣло покоренія Сибири; человѣка, которымъ только однимъ держалась вся Сибирь, со смертію котораго пала надежда всѣхъ Русскихъ, занимавшихъ эту страну, рушилось все, что скрѣпляло Сибирь съ Россіею... но дорога была указана, средства преподаны, и Сибирь сдѣлалась Русью.

Не случай, не одно счастье помогали Ермаку: только самому-себѣ и своему уму «сей витязь счастливый» обязанъ и славою покорителя Сибири, и славою великаго человѣка.

—

По нашему мнѣнію, намъ, Русскимъ, нельзя быть равнодушными къ Ермаку при мысли, какъ важна для насъ Сибирь, золотое дно для частныхъ лицъ, кладъ для казны государственной и неисчерпаемая сокровищница нашихъ Государей. Кто изъ земныхъ владыкъ богаче царя русскаго? Масса всѣхъ богатствъ монарховъ Европы ничтожна предъ грудами его сокровищъ! Казна государственная, не менѣе того, годъ отъ году все больше и больше обогащается черезъ Сибирь. Но не одни мѣха, не одни металлы, не одни драгоцѣнные камни даютъ значеніе Сибири: черезъ нее мы укрѣпили свои владѣнія въ Америкѣ, черезъ нее мы имѣемъ возможность утвердить когда-нибудь свою торговлю на Восточномъ-Океанѣ. Черезъ Сибирь мы открыли въ Китаѣ и другія среднеазійскія владѣнія сбытъ нашихъ товаровъ, ненужныхъ для западныхъ государствъ. Черезъ Сибирь мы имѣемъ средства произвести благодѣтельный переворотъ въ мануфактурной дѣятельности нашего отечества. Кромѣ того, и что, по нашему мнѣнію, представляетъ не мѣньшую важность, обширный край Сибири далъ возможность русскому правительству удалять вредныхъ для общественнаго спокойствія членовъ, не прибѣгая, изъ видовъ предосторожности, къ смертной казни или къ содержанію въ тюрьмахъ, изнуряющихъ человѣка и стоющихъ значительныхъ издержекъ. Поселенный изгнанникъ, владѣя, при средствахъ, плодородной землей, имѣя подъ руками обширные лѣса и находясь уже подъ управленіемъ, проникнутымъ идеями, о которыхъ Европа только-что еще начинаетъ мечтать, пріучается мало-по-малу къ труду, къ просвѣщенію, къ общественности, къ уясненію себѣ общиннаго начала: человѣческое достоинство скорѣе можетъ пробудиться въ немъ, нежели въ бѣдномъ заточенникѣ уединенной кельи—по новой системѣ теоретиковъ, кельи, гдѣ, вмѣсто раскаянія, преступника часто ожидаетъ потеря послѣдняго разсудка. Кромѣ поселенія преступниковъ, кромѣ призрѣнія добровольныхъ пролетаріевъ, кромѣ исключенія даже возможности въ Россіи пауперизма, Сибирь важна для будущихъ колоній Россіи, съ какими бы видами онѣ ни были учреждены. Давно уже начались у насъ нескончаемыя переселенія изъ малоземельныхъ нашихъ губерній людей, не отвергаемыхъ обществомъ, а добрыхъ работниковъ. И теперь крестьянинъ съ охотой переходитъ въ Сибирь, какъ въ завѣтный уголокъ своего отечества; она не страшна уже и не чужда ему: тамъ находитъ онъ свой родной языкъ, свои обычаи, свою вѣру, и почти ту же природу, развѣ только великолѣпнѣе, богаче и величественнѣе—чего же надо ожидать тогда, когда между Великороссіей и Сибирью исчезнутъ послѣдніе остатки разъединенія?

На Западѣ, территоріи европейскихъ государствъ не вмѣстятъ въ себѣ будущаго размноженія европейскихъ націй, и *національности*, о которыхъ такъ много разсуждали, должны будутъ разомкнуться и раздѣлиться въ другіе края свѣта, отдѣленные отъ метрополій на неизмѣримыя пространства: а наша мать святая Русь такъ обширна, что и чрезъ триста лѣтъ громадная русская національность останется попрежнему цѣла и нераздѣльна.

Ну, что тогда Европа будетъ значить передъ Россіей?

Говорятъ, есть цѣлыя груды неизданныхъ въ свѣтъ бумагъ Петра Великаго, и въ этой грудѣ есть листокъ, съ собственноручной его резолюціей насчетъ того, сколько лѣтъ еще намъ остается учиться уму-разуму у Запада, то-есть, перенимать у него, безъ обезьянства, все, служащее на пользу и на славу намъ самимъ. Говорятъ, Петръ-Великій опредѣлилъ даже и срокъ, когда мы поумнѣемъ, и когда намъ пора уже будетъ приняться за свой Востокъ и думать только о Россіи, учтиво отвернувшись отъ Европы. Желательно бы знать, какъ далеки мы отъ этого срока?